

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

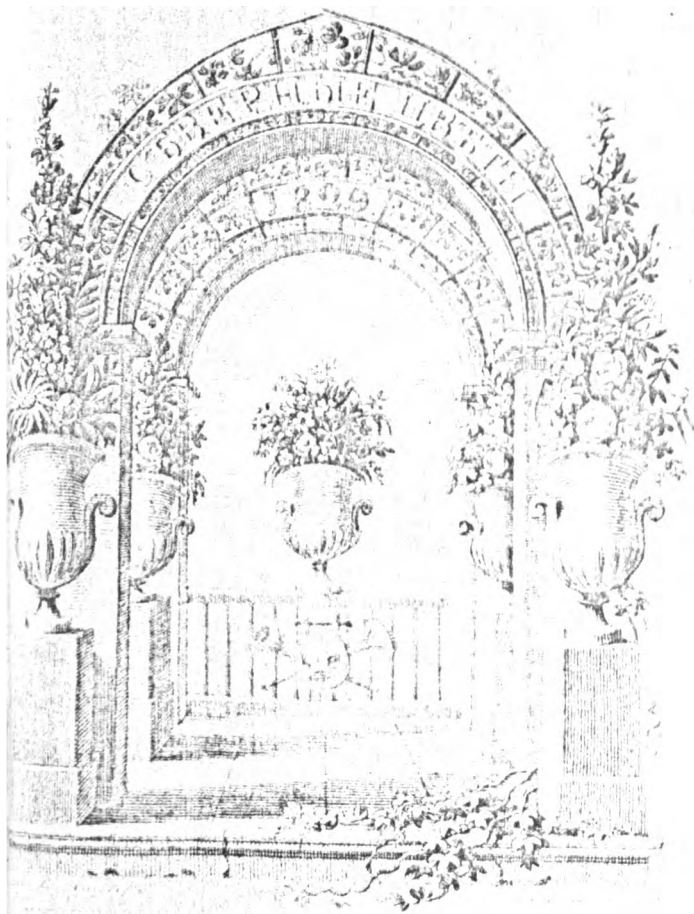
HN E7VM S

Slav 4170.555 (5)

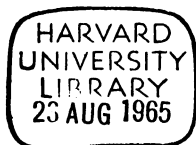

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

**This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the
Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by
University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1965**

^Δ
Slav 4170.555 (5)
✓

NDEA

С Б В Е Р Н Ы Е

Ц В Ъ Т Ы

НА 1829 ГОДЪ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМ. НАРОДН. ПРОСВѢЩ.

1828.

Поэзія.

	Стран.
Баратынскаго.	
Переселеніе душъ, сказка	13
Смерть (Подражаніе А. Шенье)	46
Деревня	59
Аншологическія стихотворенія	170
Всенокъ	187
* Сварикъ	64
Веневитинова.	
Завѣщаніе	73
Вердеревскаго.	
Прорицаніе Нерел	173
В. ка.	
дѣя Преландскія мелодіи (Изъ Мура)	12
Князя Вяземскаго.	
Посланіе къ А. А. В. при посылкѣ запрета	164
Предостереженіе	178
Сшансы А. П. Готовцовой	—
Эпиграммы	184
Просиноволосая головка	189
Преландская мелодія	191
Готовцовой.	
Къ Ю. П. Баршинецу	29
А. С. Пушкину	180
Григорьеса.	
Грузинка	69
Барона Дельсига.	
Сонъ	42
Хотѣ дѣ. венгска доинишаниць Им.	

	Стран.
ПЕРАТОРЪ К. Харьковскаго Императорскаго Писемнаго Училища	176
Романсъ	185
 <i>Жуковскаго.</i>	
Торжество побѣдителей	3
Виднѣе	49
Ошрышки изъ Иліады	76
Море	152
 <i>Зайцевскаго.</i>	
Е. Ф. Р — ой	27
 <i>Измайлова (А. Е.)</i>	
Скупой и Окулиситъ, сказка	168
 <i>Пллитевскаго.</i>	
Къ спашуъ Ариадны	131
Къ франпазіи	122
 <i>Катенина.</i>	
Старая быль	33
 <i>Козлова (П. П.)</i>	
Стансы (Подражаніе Миткевичу)	57
Заря погасла	126
 <i>Крылова (П. А.)</i>	
Эпиграфа	11
<i>Б а с н и :</i>	
Бригвы	67
Видныи богатъ	137
Пушки и Паруса	149
 <i>Крылова (А. А.)</i>	
Къ Клену	186
А. А. К — ой	187

Крюкова.

К.	Немаянаа вспррррчр	151
	Ночь	60
	Луна	61
	Смерть	62

Масальскаго.

Къ ручью (съ Испанск., изъ Биллегаса) 72

Ободовскаго.

	Опрывокъ изъ Шиллеровой трагедіи:	
	Донъ Карлосъ	156
...	Сцена (изъ Шекспировой трагедіи:	
	Ромео и Юлія	194

Подолнскаго.

	Сирота	
	Два странника	51
		124

Пушкина (А. С.)

	Воспомнаніе	
	Ты и Яы	10
	Два ворона	11
	Любопытный	37
	To Dawe, Esq.	32
	Подражаніе Анакреону	59
	Ошекиъ Каменнуну	71
	Къ Н. В. Са.	120
	Наперсникъ	131
	Предчувствіе	132
	Городъ пышный	—
	Не пей, красавица, при мнѣ	134
	Ошекиъ А. П. Гоголицевой	148
	Къ Я.	182
	Въ Альбомъ П. А. О.	191
		193

Пушкина (В. Л.)

Ошривокъ изъ повѣсти: Квинтъ	
Храбровъ	142

Барона Розена.

Тайна розы	153
----------------------	-----

Ротгева.

Тѣмъ (изъ Байрона)	137
*** Минимому Классику	121

Щастнаго.

Бесѣда милой дѣвы	70
Кипо приводилъ и проч.	130

Языкова.

А. Н. В — фу.	65
Барону А. А. Дельвигу	134

О П Е Ч А Т К И.

Проза.

Слран. слр. Напечатано:

33	— 2	— à bâtons rompus
44	— 20	— испытующій
105	— 6	— романахъ
113	— 7	— а а гдѣ же
135	— 8	— погибли
136	— 5	— на мѣли
137	— 7	— на мель
139	— 11	— крѣпости;
148	— 1	— мѣсто
190	— 5	— лешуція
207	— 16	— ошь

читать :

à bâtons rompus
испытующей
романахъ
и а гдѣ же
погибели
на мѣли
на мель
крѣпости,
мѣсто
лешуція
ошь

П о э з и я.

Слран. слрхъ Напечатано:

26	— 10	— звернушь
37	— 9	— В. Ф. Р—ой.
42	— 20	— множсства
56	— 26	— Опять на брат- ною могилу
59	— 7	— вдохновен ій
77	— 12	— силою всею
79	— 12	— сюда удалюсь!
90	— 12	— нѣжнѣйшаго
98	— 3	— неподвижнымъ
100	— 14	— нынѣ жь;
111	— 4	— въ обинель
113	— 7	— необъятный
127	— 14	— пролезъ

читать:

звернушь
В. Ф. Р—ой.
множсство
Опять на брат- ною могилу:
вдохновеній
силою всею
сюда удалюсь!
нѣжнѣйшаго
неподвижнымъ
нынѣ жь,
въ обинель
необъятный
пролезъ

П Р О З А.

ОБЗОРЪ

РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ЗА 1828 ГОДЪ.

Слышали-ль вы о томъ проповѣдникѣ, который, съ самыми добрыми намѣреніями, былъ столь несчастливъ, что проповѣди его производили всегда противное дѣйствіе? Заговорить ли онъ, бывало, о братолюбіи и единодушіи, — слушатели его, вышедъ изъ церкви, всегда бывало перессоряшея, укоряя другъ друга въ зависти, ненависти и другихъ низкихъ страстяхъ; напомнить ли имъ о смиреніи — самые почтенные изъ нихъ тогдашъ подни-

★ ★

мусть носъ, швердя, что пошъ-то имъ не поклонился, а ша-то сѣбенво на нихъ посмопрѣла; начнешь ли ихъ убѣждать къ воздержанію и презво-сши — смотришь, въ его приходѣ по-всюду пиръ горой и вина разливанное море: во всякомъ домѣ являшея именины и дни рожденія башюшекъ, мапушекъ, дѣшокъ и даже родныхъ въ четверномъ или пятомъ колѣнѣ, за недосманкомъ лучшихъ. Словомъ, мирине какъ будио бы общимъ разговоромъ дѣлали на обо-ропъ все шо, къ чему увѣщевалъ ихъ добрый проповѣдникъ, и довели было его до того, что онъ, желая блага своимъ слушансаямъ, едва и самъ не началъ было проповѣдывать имъ на оборопъ; ш. е. вмѣсто смиренія вы-сокомѣріе, вмѣсто умѣренности не-воздержаніе и ш. п., въ той мысли, что слушансели его изъ упрямства начнушь онишь послушанъ наперекоръ

и сдѣлаются людьми предобрыми и превоздержными.

Не знаю, каковъ былъ бы успѣхъ доброжелательнаго проповѣдника; но знаю то, что участь его проповѣдей испытала помещенная въ прошлогоднихъ С. Ц. снашья моя: *Обзоръ Россійской Словесности за 1827 годъ*. Не имѣя ни права увѣщевать, ни дара убѣждать, я возсылала смиренныя мои мольбы къ будущему: чинобы журналы рускіе не наполнялись вздорными *антти* - и *ре* - крипиками; чинобы крипика имѣла въ виду произведенія, а не личность писателей, и наконецъ, чинобы жалкая страсть къ подражанію не наводила болѣе нашу словесность жалкими недоросками воображенія и вкуса. И чиножь было слѣдствіемъ сихъ чиносердечныхъ желаній? Журнальная полемика не только не приняла другаго направленія, болѣе при-

личнаго требованіемъ вѣка и болѣе соображаемаго съ пользою чинашелей; но откинувъ благоприспособность, сдѣлалась почти исключительно личною. « Тонъ правъ, кино нашъ; шонъ виноватъ, кино намъ не по плечу, » — стало девизомъ и символомъ нѣкоторыхъ журналовъ. Иные и шѣмъ еще не ограничились, но, прибавляя къ обиднымъ намекамъ личности, выдумку небывалыхъ и несбыточныхъ дѣлъ, приписывали шому или другому изъ живущихъ писателей такіе поступки или сочиненія, о которыхъ упомянувшимъ писателямъ и во снѣ не снилось. Кино не повѣришь мнѣ, ну снѣ развернешь нѣкоторые книжки Славянина: тамъ, подъ зашѣдливымъ названіемъ ученыхъ, литературныхъ и ш. н. извѣстій, найдешь ошъ пустыя и вовсе незабавныя выдумки на счень даже шакихъ лицѣ, которыхъ едва до

слуху знали о Славянинѣ. Страснь къ подражанію также не уменьшилась въ семь году, а напрошивъ того, крайне усилась, и, кажется, получила постоянное направленіе. Наши стихотворцы - подражатели оцѣпывали прелестныя цвѣтки Пушкина и украшали ими мертворожденных своихъ дѣтей, увѣчныя и пощія свои поэмы; какъ бы думая пѣть приличіе онданъ имъ долъгъ погребенія въ по-вапленныхъ епанкахъ типографическихкихъ. Но мы послѣ поговоримъ объ этихъ раннихъ поэтахъ и объ ихъ раннихъ поэмахъ: теперь, соблюдая принятой нами въ прошломъ году порядокъ, рассмотримъ Литературныя наши пріобрѣтенія за 1828 годъ.

Между выходками неудачно прикрытаго самолюбія, между намеками и указками явнаго недоброжелательства, придирками къ словамъ, опорваннымъ

отъ полнаго смысла и другими сего рода стратегическими уловками, которыми наполнены были многія крипики на прошлагодній мой *Обзоръ Словесности*, — было нѣсколько замѣчаній дѣльныхъ. Основательность ихъ я первый признаю, и, не вникая въ побужденія Гг. криптиковъ, чистосердечно благодарю ихъ за все такиа замѣчанія, впрочемъ весьма не многочисленныя. Однимъ изъ нихъ охотно воспользуюсь въ нынѣшнемъ *Обзортъ*: а именно, ограничусь только собесѣвенно - литературными журналами и книгами, касающимися до исторiи, словесности, изящныхъ искусствъ и пр. и. А чтобы избѣжать длинноты, буду разспрашивать только о нѣхъ изъ журналовъ, которые новы по своему существованiю и не утверждены еще давностiю мнѣнiя, и о нѣхъ изъ книгъ, которыя заслуживаютъ по

чему-либо больше прочих вниманія.
Приступаю къ журналамъ.

Изъ молодыхъ журналовъ, въ 1828 году продолжаемы были три: *Московский Вѣстникъ*, *Славянинъ* и *Новая Дѣтская Библиотека*.

Въ минувшемъ году, и про и contra возсѣхали на меня за неполныхъ пяти спранныхъ, посвященныхъ Московскому Вѣстнику въ моемъ *Обзорѣ*. Одни говорили, что я сказалъ о немъ слишкомъ много, другіе — что слишкомъ мало; однимъ показалось, что я слишкомъ разхвалялъ эпоху журналь; другимъ — (и въ томъ числѣ, разумѣется, самому издашело или издашелямъ) — что я слишкомъ не выгодно ошозвался о немъ. Какъ согласишь сѣи пропшворѣчія, какъ угодишь на всѣхъ? Винованъ ли я, напримѣръ, въ томъ, что издашело *явно* обѣщало помѣщать въ своемъ журналѣ ученые

парадоксы и защищать несправедливыя мнѣнія; а послѣ, *безъ всякой огласки*, опмѣнилъ эпо? И гдѣ же я « приписывалъ эту цѣль всемъ спашьямъ Московскаго Вѣстника? » Il faut s'entendre, Mr. Погодинъ, или, пошорю вашу же французскую фразу: il faut être de bonne foi. Впрочемъ, если въ чемъ я долженъ повиниться, то вѣрно не въ изданной спрогоспн къ Московскому Вѣстнику; а въ томъ, что не въ пору поемшрѣлъ на него слншкомъ привѣтливо. Безвременное снцсхожденіе подало поводъ къ неумѣренной самонадѣянности и ничѣмъ не оправдываемой заносчивости, копорья были господствующимъ духомъ полемики М. В. въ 1828 году.

Журналь сей, не ешоль богатый снпхосвореніями Пушкина, наполнялся вмѣсто ихъ произведеніями гораздо низшаго достоинства и даже такими,

кошорья просно дурны. Таковъ, на прим., переводъ *Валленштейнова лагерь* (изъ Шиллера), гдѣ Пьемцкіе солдаты времяъ Зо льншей войны говорятъ рускія пословицы и даже называются рускими уменьшительными именами (*). Въ этомъ переводѣ, какъ видно, Г. Шевыревъ хотѣлъ приблизиться слогомъ къ проснонародному рускому разговору, но выпустилъ изъ виду во первыхъ то, что дѣйствующія лица въ Валленштейновомъ лагерьѣ — Пьемцы, кошорьямъ незнакомы коренныя рускія поговорки; а во вторыхъ, что не все выраженія, употребленные въ

(*) Тамъ есть Голкійскій егеръ *Петруша* и маркишантша *Груша*.

Егеръ.

. Здорово, Груша!

Маркишантша.

А, а! Да ты же долгой ли Петруша?»

казармахъ, могутъ имѣть мѣсто въ поэзіи, не оскорбляя разборчиваго вкуса. Предельность Шиллеровыхъ стиховъ исчезла; мѣсто ихъ заняли такіе стихи, конторые, говоря по просту, нейдутъ въ душу, и простоша подлинника замѣнена напьяжкою такихъ словъ и выраженій, конторыя приличны только переводамъ Поэмъ Вадэ. — *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas.* Г. Шевыревъ забылъ это выраженіе Наполеона — и поскользнулся.

Страннѣе всего въ Московскомъ Вѣстникѣ прошиворѣчія словъ и дѣлъ. Въ нѣкоторыхъ совѣсахъ своихъ, Гг. критики сего журнала похожи на того учителя, конорый, пожуривъ своего ученика за сорванную имъ въ чужомъ саду фигу, опшилъ ее у маленькаго хищника и съѣлъ самъ. И вонь доказательствена сего сходства.

Въ 1827 году, при разборѣ одного альманаха, кпо-шо изъ критиковъ М. В. насмѣшливо прибавилъ, что онъ « предвидишь цѣлый рядъ проснона-родныхъ русскихъ повѣстей, » и проч.; а двѣ единственныя оригинальныя повѣсти (незанимательныя по завязкѣ и незаманчивыя по слогу): *Певста на ярмаркѣ* и *Суженый*, помѣщенныя въ печеніе двухъ лѣтъ въ М. В., именно принадлежащъ къ проснонароднымъ. — Въ снанишь объ альманахахъ на 1828 годъ (N° 2 М. В. 1828 г.), критикъ упрекаетъ издашеля *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* за неправильное раздѣленіе его альманаха на *прозу* и *поэзію*, и довольно пространно доказываетъ, что *поэзія можетъ быть и въ стихахъ и въ прозѣ*. Не странно ли послѣ этого, видѣшь въ ондѣленіи *прозы* Московскаго Вѣстника, переводъ Мицкевичевой поэмы: *Валенродъ*? или

переводчикъ, Г. Шевыревъ, изъ смиренія самъ признается, что онъ переплавилъ прелестную поэзію Мицкевича въ пощую и вялую прозу? — Въ той же снаниѣ кришникъ укоряетъ меня за выисканное оспроуміе, и въ той же снаниѣ воптъ какъ пишетъ онъ самъ: « Ошривокъ изъ водевиля: Караншинъ, въ чпеніи скученъ, какъ шешшнедальное пребываніе въ караншинѣ. » — « *Скупой роскошный* скутъ на оспрошу и роскошенъ на слова. » — « *Размѣнь жениховъ*, сцена между Саней и Лизой, могла бы переименоваться въ размѣнь дурныхъ стиховъ, кошорые перебрасываются въ продолженіи всей сцены двумя спорящими сестрицами. Водевиль *Три Неудачи* могъ бы назваться *шестью неудачами*. » — « *Ужасная ночь или напрасный страхъ* — ужасный водевиль или напрасный трудъ ». . . . Сочинитель воде-

вила : *Каламбуристы*, могъ бы по-
заимствоваться игрою словъ у своего
кришика.

Цѣлый строй *нумерованныхъ Зоилъ*,
помѣщающихъ свои кришики въ
М. В. (*), можетъ быть, грозно
ополчился на меня : въ добрый часъ!
Они знаютъ напередъ, что я буду
молчать цѣлый годъ, и могутъ на
раздолье говорить, что имъ угодно.

Опасается сказать нѣсколько словъ
о *Литературной тактикѣ*. Чеснь
изобрѣшенія сего слова безспорно при-
надлежитъ Гг. кришикамъ, дѣлавшимъ
изъ Московскаго Вѣстника вылазку
прошивъ другихъ журналовъ. Точность

(*) Подъ нѣкошорыми изъ кришикъ М. В. под-
писывались: Зоилъ 1-й, Зоилъ 2-й, Зоилъ 3-й,
Зоилъ 4-й. Можетъ быть, ихъ и больше чис-
ломъ; но не зная всѣхъ наперечетъ, я рѣшился
ихъ означить собирательнымъ именемъ *строй*.

сего выражения спараллель эни Гг. критики оправданъ самымъ дѣломъ. Кпо (за исключеніемъ издашея Славянина) такъ пристально мѣшля въ писашелей, взволновавшихъ чѣмъ-либо журнальную желчь М. В? Кпо былъ столько скупъ на похвалы шаланцамъ нешнннмъ, конорые по чему-либо не правились издашеямъ? Для сего довольно одного примѣра. Какъ оцѣнены были епихотворенія Баратынскаго, одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ русской словесности? О семъ поэтѣ сказано было (М. В. 1828 г. кн. I): что « онъ болѣе мыслитъ, нежели чувствуешь въ поэзіи; » что « онъ « принадлежитъ къ числу нѣхъ русскихъ « поэтовъ, конорые своими успѣхами « въ масперекон оидѣакъ епихотвъ « исключили чешоту и гладкостъ « слога изъ числа важныхъ доспо- « инешвъ поэзіи; » наконецъ, что

« онъ однообразенъ своими оборошами » и т. п. Здѣсь или явное нежеланіе признать достоинства поэта, или умышленное недоразумѣніе. Не уже ли только это и можно было сказать о поэзіи Барашинскаго? Такъ позволительно судить о произведеніяхъ какого нибудь недозрѣлаго юноши съ недозрѣлымъ талантомъ. Пѣвецъ Эды, Пировъ, Финляндін, творецъ многихъ элегій, дышащихъ чувствомъ пенинымъ и глубокимъ, и посланій, блестящихъ остроуміемъ свободнымъ и неподдѣльнымъ, достоинъ быть, чинъ бы, говоря о произведеніяхъ его, критикъ взвѣшивалъ слова свои съ большею осторожностію и откровенностію, а не разпространялся объ одномъ механизмѣ стиховъ, который не составляетъ главнаго совершенства поэзіи Барашинскаго. — Послѣ такого холоднаго и пристрастно-спроутаго отзывва

о цѣломъ томъ стихотвореній Барашинскаго, легко разгадаешь, по чему его стихотворенія: *Послѣдняя Смерть*, не понялъ шонъ же или другой изъ критиковъ Московскаго Вѣстника, сказавъ, что цѣль онаго не ясна; и по сему случаю упрекнулъ издашеля С. Ц. за помѣщеніе *отрывковъ*, не заключающихъ въ себѣ *полнаго смысла*. Такимъ образомъ сей критикъ могъ бы не понять и небольшой поэмы Байроновой: *Мракъ*, и не добинься въ ней *полнаго смысла*. Вѣкъ согласишя, однако жъ, что не Байронъ былъ бы тому виною, какъ и теперь не Барашинскій.

Но я слишкомъ разговорился о Московскомъ Вѣстникѣ; пора перейди къ другимъ журналамъ. По порядку слѣдуешь *Славянинъ*: посмотримъ.

Издашеля сего журнала ошлпчался въ прошломъ году такимъ шаланшомъ,

кошораго въ немъ прежде никю не подозрѣвалъ, а именно, даромъ изобрѣтенія. Тѣ, кошорые знаютъ, что Г. издашель нѣкогда переносывалъ чужія разсужденія и печаталъ ихъ съ своимъ именемъ, нунешествовалъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи по чужимъ запискамъ и заименовался, оны доски до доски, чужими описаніями народовъ, выдавая оныя за собственныя свои сочиненія, — нѣ, можетъ бытъ, улыбушея оны моухъ словъ и не повѣряетъ изобрѣшательности Г. издашеля Славянина. Со всемъ нѣмъ, сказанное мною—сущая правда. Издашель Славянина изобрѣлъ совершенно новый родъ крипки, по кошорому оны выдумываетъ разные небывалые случаи, пошунки, рѣчи, заглавія сочиненій и ш. ц., и приносываетъ ихъ нѣмъ лицамъ, на кошорыя хочеть оны излать чернильное свое негодование.

Прежде самъ онъ любилъ безъ спроса заимствованья чужими трудами, теперь своими собственными щедро надѣляетъ другихъ писателей, безъ воли ихъ и вѣдома. Кто не подивится изобрѣтательности Г. издавшаго? Бездѣлицы не доспаетъ въ новоизобрѣщенныхъ его критикахъ: оспроумія, правдоподобія и примчія, но гдѣ жь ему взять ихъ? За шо у него, по пословицѣ, *когда бритвы нѣтъ, такъ и шло брѣсть.*

Дѣтская Библиотека продолжалась и въ семь году. Въ ней помещено было много статей, занимательныхъ для маленькихъ читателей, но были и такія, которыя издавшаго могъ бы безъ грѣха выкинуть изъ своего запаса. Къ нѣкоторымъ статьямъ присовокуплены были правоучительныя примѣчанія. Здѣсь кешати замѣнитъ, что не всегда и не все должно объяснять

дѣтямъ: иное надобно оставлять безъ изтолкованія, дабы юный ихъ умъ самъ выводилъ послѣдствія и угадывалъ цѣль повѣствованія. Это весьма изощряетъ мыслящую способность дитяни и радуя его шѣмъ, что оно само можетъ постичь цѣль сочинителя, ускоряетъ его пониманіе.

Новыхъ журналовъ въ минувшемъ году издавалось *три*, а съ французскимъ журналомъ, выходившимъ въ Москвѣ, *четыре*.

Въ Петербургѣ началъ издаваться *С. Петербургскій Зритель*: началъ, потому что издашеть (В. М. Оедоровъ) донынѣ (*) выуспилъ въ свѣтъ *одну* только книжку, а общалъ ихъ своимъ поддѣщникамъ *шесть* въ теченіе года. Должно имѣть въ виду, при изданіи журнала, какъ и при всякомъ другомъ

(*) Писано въ послѣднихъ числахъ Октябріа.

предпріятіи, которое иибудь изъ сихъ двухъ правилъ: или не брашь на себя шруда не по силамъ, или, во что бы ни спало, выполнишь свою обязанность въ отношеніи къ своимъ читателямъ. По первой книжкѣ, нельзя заключать о цѣломъ изданіи; покрайней мѣрѣ можно видѣть, что издашель предполагалъ помѣщать въ своемъ журналѣ. Здѣсь есть спашьи историческія, изъ которыхъ нныя заслуживаютъ вниманіе; есть словесность, стихи и проза: стихи хотя не ошачные, но шакіе, которые могутъ занять мѣсто въ журналѣ; въ прозѣ: *Отрывокъ изъ путешествія по Сѣверной Америкѣ*, П. П. Свинына, спашья любопытная; но повѣсть: *Шлишь день на Дону*, вовсе не занимательна. Наконецъ, есть кршика: послѣ *Московского альманаха*, издашель разбираетъ *Парижину*, перев. Вердеревекаго, и главы IV и V

Евгенія Онегина. Байрона побраниваете онъ за неудачный выборъ предмета, въ которомъ не находить нравственной цѣли: одною спрочкой написалъ онъ приговоръ почти всемъ знаменитымъ художникамъ, которые, въ дивныхъ произведеніяхъ ихъ рѣзцами или кисти, не предполагали цѣли нравственной. Поэзія принадлежитъ также къ изящнымъ искусствамъ: осуждая Байрона, онъ осуждаетъ также многихъ славнѣйшихъ живописцевъ и ваятелей, и забываетъ, что все изящныя искусства сами для себя цѣль. — У Пушкина, между прочимъ, кришнику не правятся *коровы*; бѣдный Поль-Понтеръ! онъ только и писывалъ превосходно коровъ, да собакъ. Многія мѣста въ поминутныхъ двухъ главахъ *Онегина* разобраны слово по слову, и иныя изъ сихъ словъ похвалены, другія разкорены. Можете быть такая

анатоміа поэтическихъ произведеній имѣнъ свою пользу, напр. для *угащящихъ поэзіи*; но въ ней шѣ неудобства, чшо, во первыхъ, объ одной книжкѣ надобно будетъ написать двадцать помовъ, а во вторыхъ, гошясь за словами, критикѣ необходимо выпустить изъ виду главѣйшее: общесдѣйствіе всей поэмы.

Въ Москвѣ издавался на рускомъ языкѣ: *Рускій Зритель* и *Атеней*, а на французскомъ *Le Bulletin du Nord*. О последнемъ по необходимости долженъ я упомянуть, какъ о журналѣ, исключительно посвященномъ свѣдѣніямъ о Россіи и о русской словесности. Надѣюсь, чшо чшпанели не стануть на меня сердиться за это небольшое опешупленіе отъ правила—говорить только о журналахъ и книгахъ, выходящихъ на рускомъ языкѣ.

Рускій Зритель, по болѣзни изда-
 теля (К. О. Калайдовича), издавали
 поемѣнно нѣкоторые изъ Московскихъ
 литераторовъ (Гг. Погодинъ, Озно-
 бишинъ и Шевыревъ). Хвала благо-
 родному подвигу и чести за доброе
 дѣло, весьма хорошо выполненное! —
Рускій Зритель состоить изъ двухъ
 отдѣленій: историческаго и лише-
 ранурнаго; изъ историческихъ ста-
 тей особенное вниманіе заслуживаютъ
 тѣ, которыя относятся до исторіи
 россійской. Въ первомъ № сего жур-
 нала, многіе съ удовольствіемъ прочли
 небольшую статью: *Нѣкоторыя черты
 жизни и дѣлій Генерал-Маіора Да-
 выдова* (Дениса Васильевича). Кто-то
 изъ друзей славнаго партизана-поэта
 набросалъ на немногихъ страницахъ
 главные случаи его жизни такимъ бой-
 кимъ воинскимъ слогомъ и съ такою
 легкостью, которыя напоминаютъ намъ

всѣ приемы любимаго пѣвца Бява-
ковъ. Сочинитель книги *Военное*
Krasnortzie, попалъ бы въ этой спашь
на новый конецъ Ариадниной нити,
который, можетъ быть, скорѣ навелъ
бы его на прямую дорогу, нежели
прежній, запутанный и узловатый.—
Въ литературномъ отдѣленіи *Р. Зри-
телл*, было помѣщено нѣсколько весьма
хорошихъ стихотвореній (между про-
чими, 1828 годъ, соч. К. Вяземскаго);
въ прозѣ также были весьма занима-
тельные спашьи, рускія и переводныя.

Апеней. Названіе сего журнала объ-
щало нѣчто весьма ученое; покрай-
ней мѣрѣ подавало надежду видѣть въ
немъ дѣльныя спашьи по разнымъ от-
раслямъ человѣческихъ знаній. Но не
всѣ надежды сбываются: это доказалъ
намъ Апеней нѣкоторыми умозритель-
ными своими спашьями. Въ сихъ
умозрѣніяхъ, онъ между прочимъ про-

глядѣть наклонность и требованія
вѣка относительно къ поэзіи: тогда
какъ споры объ эпическомъ предметѣ умолка-
ютъ уже и въ законѣло-классическихъ
справахъ Европы, Ашней вздумалъ рѣ-
шишельно объявить гоненіе романпиз-
му. Но если классицизмъ состоитъ въ
томъ, чтобы писать такимъ слогомъ,
какимъ написана большая часть спашей
въ Ашенѣ, то намъ его и даромъ не
надобно. Спрашивается всего, что, творя
за другихъ условія романпической поэ-
зіи, заключая ее въ шѣные предѣлы зло-
дѣшнв и спрастей низкихъ, журналъ
сей наполнялся спашьями, взятыми изъ
писателей романпической школы (Ва-
шингтона-Првинга, Кунера, Тика, Ги-
зо и пр.). Это неблагодарность; но
не знаю, какимъ именемъ названъ выхо-
дки людей, не составившихъ еще себѣ
никакого литературнаго имени и вове-
незвѣстныхъ сочиненіями своими даже

у насъ на святой Руси, прошивъ поэзи Данте, Аріоста, Шекспира, Гёте, Байрона, Шиллера, В. Скошпа, Ж. П. Рихпера, Жуковского и Пушкина! — Новый журналъ могъ бы найши другіе, надежнѣйшіе пуши къ извѣстности, не выклкая самовольно на бой общаго мнѣнія, ушверженнаго на дивныхъ швореніяхъ поэповъ - геніевъ.

Le Bulletin du Nord, французскій журналъ, издаваемый въ Москвѣ Г. Декюаншь - де Лаво (Le Comte de Laveaux), могъ бы служить хорошимъ полмачемъ между русской имперашурой и иностранными періодическими изданіями, если бъ у издашеля его было побольше оглядки, поменте односторонности и если бъ онъ не по наслышкѣ судилъ о вѣсѣхъ новыхъ явленіяхъ въ нашей словесности. Къ сожалѣнію, у насъ почти всегда выпадалъ жеребій на издашелей иностранныхъ

журналовъ, какъ лопшерейные билеты: не по выбору, основанному на литературной извѣстности, дарованіяхъ и знаніи рускаго языка, а просило по безотчетной случайности. Отъ этого сіи издатели не могли сдѣлать журналовъ своихъ занимательными для просвѣщенной Европы; ибо, по незнанію нашего языка, не могли пользоваться самыми лучшими ешаньями въ современныхъ русскихъ журналахъ и сообщать порядочныхъ очерковъ о вновь выходящихъ у насъ книгахъ; а должны были по неволѣ наполнять свои листки всеѣмъ, что Богъ послалъ, или что благосклонные къ самимъ себѣ сочинители доставляли имъ въ переводѣ. Не чему будете дивиться, когда послѣ этого иностраные критики, видя нуешную книжечку французскаго журнала, выходящаго въ Россіи и общающаго говорить объ Россіи

и ея словесности, — упрекнуть насъ за скудость сей послѣдней: имъ не извѣстно, какъ у насъ спаряжаются такіа чужезычныя изданія. Изъ двадцати, положимъ, самыхъ посредственныхыхъ журналовъ, не ужели нельзя въ теченіи года выбрать покрайней мѣрѣ двадцати хорошихъ оригинальныхъ сшашей, для наполненія *одного* журнала чужезычнаго? Можно, и очень можно; къ тому жь не все журналы носятъ у насъ печать посредственности и во многихъ изъ нихъ помѣщаются весьма любопытныя сшашы историческія, сшашистическія, археологическія и проч. о Россіи, равно какъ и занимательныя сшашья собственно-литературныя. Нужно только умѣнье выбирать и переводить. Но для полемики, и. е. для разбора и оцѣненія новѣйшихъ произведеній нашей словесности, изданію необходимо

должно знать въ совершенствѣ рускій языкъ и руководствоваться собеш-веннымъ, просвѣщеннымъ вкусомъ, а не чужими словами и внушеніями.

Альманахи 1828 года:

1) *Альбомъ Сѣверныхъ Музъ*. Разсма-тривая эпюпъ *Альбомъ*, вѣрно никто изъ чинашелей не пожалѣлъ, что въ немъ нѣтъ бѣлыхъ листковъ, и конечно немного нашель такнхъ страницъ, которыя лучше бѣ было оставишь бѣ-лыми. Двѣ весьма хорошія повѣсти, относящіяся къ Царствованію Петра Великаго, и пренія, блестящая яр-кими цвѣтами востока (если можно назвашъ повѣстью переведенную Г. Сенковскимъ арабскую кассиду: *Смерть Шамфаріа*); *Встрѣча съ Карамзиннымъ*, Г. Булгарина и еще одна или двѣ спашыи въ прозѣ; *Талисманъ* Пушкина, и нѣскольکو прекрасныхъ стихопворе-шій Языкова, К. Вяземскаго, О. Глинки,

Подолинскаго и пр. и пр., составляютъ такой богатый вкладъ въ сей уютный альбомъ in-16, какого трудно сыскать въ другихъ его собраніяхъ in-4° и въхъ возможныхъ формановъ. 2) *Певскій Альманахъ*. Изъ прозаическихъ сшашей онаго: *Шисьмарускаго путешественника по Стверной Америкѣ* (Г. Свиньина), *Черты изъ жизни Суворова* (Г. Фукса), сшашьи О. Н. Глинки: *Пагало 1812 года* и *Доклинова Арфа*, и повѣсти: *Хранители Закона* (Н. П.), могутъ занять любопытство читателей и дославивъ имъ нѣсколько пріятныхъ минушь; но двѣ большія повѣсти: *В. Воинко* и *Козубей*, не имѣють никакого достоинства ни по ходу своему, ни по разсказу. Въ первой произшествія накоплены, запушаны и не разпушаны; а вторая, кажешся, соединена на заданныя имена, подобно какъ сшашьи на заданныя рѣшмы. По всему

видно, что онѣ написаны были на-
 скоро, à bâtons rompus, и ни сколько
 не обдуманъ ихъ сочинителями. Спи-
 хи Пушкина, Языкова, Козлова, Глинки,
 Зайцевскаго, Паличевскаго, и др. иску-
 чають скудоснѣ прозы сего альма-
 наха. 3) *Енисейскій альманахъ*. Въ немъ
 любопытны, изъ сшашей прозаиче-
 скихъ, при первыя, содержація въ
 себѣ описанія мѣстныхъ, и. е. отно-
 сящихся до восточной Сибири. Многія
 изъ *Монгольскихъ пословицъ*, сосна-
 вляющихъ 4-ю сшашью, не худо бы
 зашверднить и Рускимъ. Остальные двѣ
 сшашьи, сочиненныя самимъ издаше-
 лемъ (Г. Пенровымъ), суть подража-
 нія аллегоріямъ Глинки; хорошей сло-
 гъ замѣняетъ въ нихъ недоснашокъ со-
 здація.—Изъ стихотвореній, ни на одно
 не можно навесни особаго вниманія
 чинашелей. — 4) *Памятникъ Отече-
 ственныхъ Музь*. Кромъ весьма не-

многихъ стихотвореній, не по чему
будешь помянуть сего памятника:
оспальное въ немъ (и проза и стихи)
носятся на себѣ печать разнослепен-
ной посредственности, и, если даже
принять слово *Памятникъ* въ смыслѣ,
которое придаешь ему издаешь, —
не оно-ли бытъ вписано ни въ какую
памятную книжку. Кто захочетъ по-
мянуть все посредственное и слабое,
которымъ со дня на день шумѣтъ,
не иная-ли, наша литература? не
лучше ли весь такой грузъ и прозы
и стиховъ заблаговременно швырнуть
въ рѣкъ забвенія? И чѣмъ могутъ
позабавишься читатели въ такихъ
повѣстяхъ, каковы *Путешествіе за
Невѣстой* и *Приключеніе на Погледъ*?
Первая изъ нихъ скудна завязкой и
скудна подробностями; въ ней вя-
лымъ, ребяческимъ слогомъ на 40
слишкомъ страницахъ рассказано то,

о чемъ много бѣ было написать чешыре странички. Вторая бросается въ глаза явнымъ подражаніемъ одной оригинальной повѣсти, помещенной когда-то въ Сѣверномъ Архивѣ; но подражатель имѣлъ общую участь всѣхъ другихъ подражателей: пылкость воображенія, живость разсказа и прелестная небрежность слога подлинной повѣсти были для него недоступны. — Скажемъ еще слово о стихотвореніяхъ, напечатанныхъ въ Памятникъ Музь. Между ними есть такія, копорыя написаны были въ молодости поэтами, въ послѣдствіи прекрасно загладившими сіи грѣхи литературныя; есть и такія, копорыя, можетъ быть, съ умысломъ были ушасы ихъ сочишселями оныхъ литературныхъ соглядатаевъ. Такъ еще въ Памятникъ Музь на 1827 годъ напечатаны были ошрывки изъ стихотворенія Пушкина:

Фаснъ и пастушка, стихотворенія, оныя котораго поэты нашъ самъ описывается и поручилъ намъ засвидѣтельствовать сіе предъ публикой. Не великодушно выводить наружу обмолвки покойниковъ, которыхъ всегда должно поминать добрымъ словомъ; но выпускашь въ свѣтъ раннія, незрѣлыя помышлы живыхъ писателей, противъ ихъ желанія—не просишьъ ли. 5) *Драматическій Альманахъ*. Едва ли не самый шучный изъ всѣхъ прошлогоднихъ альманаховъ числомъ страницъ, и едва ли не самый шочій числомъ хорошихъ пьесъ. На шри или чешыре удачно выбранные опрывка изъ хорошихъ драматическихъ пьесъ, наберешся болѣе десяти, неудачно выбранныхъ, и за все сіе чисашелы должны еще поминаться прочиеніемъ двухъ *полныхъ* пьесъ, какъ называется ихъ Г. издашелъ, или двухъ

тяжелытъ пьесь, какъ должна ихъ называть картинка по внутреннему убъжденію.

Кромъ сего, въ прошломъ году вышли еще три (*) дѣтскіе альманаха: 1) *Дѣтскій Цвѣтникъ*, собранный В. М. Федоровымъ и изданный книгопродавцемъ Заикинымъ. Въ книжкѣ сей менѣе разнообразія, нежели въ изданной подъ шьмъ же заглавіемъ на 1827 годъ; но въ ней также есть повѣствованія историческія, повѣсти, сказки, драмы, басни и мѣлкія стихотворенія для дѣтей и проч. Картинки же сей книжки, по изобрѣшенію и оидѣакъ, лучше помѣщенныхъ въ прежней. Всѣ снаны

(*) Прекрасная, по содержанию и приложеннымъ къ ней картинкамъ, *Учебная книжка для детей*, изданная Р. Смирдинымъ, принадлежишь къ 1827 году, въ концѣ котораго она оппечатама и вышла въ свѣтъ.

Дѣтскаго Цвѣтника, трудомъ самого собирателя; онѣ выбраны удачно и написаны хорошимъ, яснымъ слогомъ.

2) *Московскій альманахъ на 1828 годъ, исторіи, словесности и нравственности*; изданъ Сергѣемъ Глинкою. Это довольно хорошая нравственно-историческая галерея для дѣтей: въ ней приятнымъ слогомъ разсказаны примѣры доблестей Царскихъ, подвиговъ военныхъ и добродѣтелей мирныхъ, взятые изъ исторіи разныхъ странъ и народовъ, но преимущественно изъ лѣтописей нашего Отечества. Жаль, что нѣкоторыя списки набросаны наскоро и необдуманно; таковы, напримѣръ, слѣдующія: *Армяне, Малороссійскія пѣсни*, и нѣкоторыя другія.

3) *Подарокъ моеи дочери* (соч. М. Б. Даргомыжекой), состоящій изъ небольшихъ стихотвореньицъ, писанныхъ матерью къ своей дочери на

разные случаи, и трех драматических пьесъ для дѣтскаго театра. Крошкія замѣчанія и нѣжныя наставленія согрѣты въ нихъ маперинскою любовью, которая у прекраснаго поэта есть послѣднею порою поэзіи сердца.

Поэзія и въ прошломъ году была у насъ богаче прозы и количествомъ, и качествомъ. Три новыя главы *Евгенія Онегина* (4, 5 и 6), коими оканчивается первая часть сего поэтическаго романа, заключають въ себѣ болѣе дѣйствія, нежели три прежнія, и болѣе ихъ раскрываютъ характеры дѣйствующихъ лицъ. Въ 1, 2 и 3 главахъ романа, мы узнали Онегина, Ленскаго, Татьяну и Ольгу, какъ портреты, которые явились намъ своею выразительностію и чуднымъ талантомъ поэта-живописца; въ сихъ послѣднихъ главахъ, мы знакомимся съ нѣмнѣе лицами, какъ съ суще-

ствами живыми, копорья дѣйствіями своими и посушками унверждають въ насъ по понятію, какое мы со- ставили себѣ о нихъ по наружному виду. Въ Олѣгнѣ рановременное пре- сыщеніе всеми наслажденіями, всеми приманками свѣна, и оны шого со- вершенное охлажденіе и нусупона его души; въ Ленскомъ — порывы юнаго сердца узнать и вкусить шо, что обольщаетъ пыкое его воображеніе, и чѣмъ другъ его уже наскучилъ; въ Ташынѣ — мечшашельность, невни- ность сердца и совершенное незнаніе строгихъ законовъ свѣна, сковываю- щихъ чувешво въ узы приличія; въ Ольгѣ — та же невниность, но болѣе равнодушія, легкомыслія и женскаго самолюбія: вонгъ главныя характерныя черны сихъ лицъ, выводимыя чина- шелемъ изъ шѣхъ положеній, въ ко- торыхъ они были предешавлены по

эпюмъ. Подробности и предметы вышше, приданочные, являютъ намъ герость поэмы въ живой и разнообразной картинѣ и дѣлають ихъ какъ бы осязаемыми: сельская жизнь и занятія Онегина, изображеніе русской зимы, гаданіе и сонъ Татьяны, именинный пиръ у Лариныхъ, поединокъ Онегина съ Ленскимъ, мѣняютъ наслажденія читателя и дивятъ его гибкостью дарованія въ поэмѣ, который съ такою легкостью и ловкостью переходитъ изъ шюца въ шюнь, ошь одного впечатлѣнія къ другому. Не довольствуясь еще шѣмъ, что онь, шакъ сказано, играеть ощущеніями читателя, онь представляеть ему подчасъ пороки, странности и зашѣты свѣта въ шакое смѣшное видѣ, что возбуждаеть въ немъ или горькую улыбку, или просподушный, веселый смѣхъ. Таковы выходки его прошивъ

друзей, родныхъ, женской вѣрности, насмѣшливый совѣтъ любишь самого себя, шутки надъ альбомами, элегіями, одами и проч. и проч. Очаровательность стиховъ довершаетъ волшебство, которымъ поэтъ - Прощей дѣйствуетъ на воображеніе, умъ и чувства читателей: свобода, легкость и звучность стихосложенія у Пушкина неподражаемы. Иногда, рѣзвясь, даетъ онъ легкіе толчки грамматикѣ, какъ будто бы для того, что бы порадовать неумолимыхъ своихъ Ариспарховъ, которые нашли не трудный и неубыточнѣйшій для ума способъ разцѣнивать произведенія Пушкина, переводя его поэзію въ прозу.

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукал, соч. И. П. Козлова. — Поэтовъ, по духу твореній ихъ, можно разделить на два рода: одни изъ нихъ гении всеобъемлющіе, могущіе легко и

свободно настраивать свое воображение на предметы разнообразные, принимать все малейшие их оттенки, изменять по свойству их свои ощущения, и, такъ сказать, превращаться изъ бытія въ бытіе. Таковъ Гёте и еще весьма немногіе поэты. Другіе въ поэзіи своей живутъ всегда съ собственно-своимъ бытіемъ нравственнымъ: съ своими страстями, склонностями и чувствованіями; міръ почти всегда кажется имъ поэтамъ въ состояніи срадательномъ, ибо они придаютъ ему нѣ краски, которыми для ихъ воображенія или по ихъ понятію наведена юдомъ здѣшной жизни. Въ ряду такихъ поэтовъ должно поставить пѣвца Нашалин Долгорукой. Выборъ предметовъ въ сочиненіяхъ и переводахъ его, почти неизмѣнно носитъ на себѣ отпечатокъ душевныхъ его ощущеній, настроенныхъ

болзненнымъ состояніемъ шѣла : въ *Чернецѣ*, въ *Паталін*, въ *Песньстъ Абидосской*, въ *Ирландскихъ мелодіяхъ* и въ большей частн мѣлкихъ его стихотвореній, отличается глубокое, долговременное чувство сраданія, порою въ онызвахъ низкою горесни, порою въ изліаніяхъ тихой задумчивосни. Самое стихосложеніе Козлова удивительно согласуется съ теми господствующими впечатлѣніями : оно плавно, благозвучно ; но никогда не увлекается чиншесми быстрыми порывами, никогда не поражаетъ его печальною, смѣлою выходкой или рѣзкимъ переходомъ. Это шрогающій душу, но тихій ропотъ жадующагося срадальца. — Въ *Паталін*, поэма нашъ изображаетъ также срадалицу, покорную исполняющей волю Провидѣнія, жертвующую, изъ любви къ нареченному своему супругу, всеми примаанками

почестей и богатствъ; и когда уже насильственная смерть мужа разорвала брачныя ихъ узы, тогда Пашалия погребла въ волнахъ свое кольцо обручальное и намѣсто его взяла тяжелый крестъ инокини. Содержаніемъ и ходомъ повѣсти, поэтъ ясно доказываетъ справедливостъ того, что выше было сказано о духѣ его поэзіи: онъ схватилъ изъ жизни Пашалии только цѣпь ея несчастій и горестей, описалъ ея странствованія для узнанія о судьбѣ ея супруга, разсказалъ чудное ея видѣніе въ Кремль, разрушившее всѣ ея мірскія надежды и заключилъ повѣсть посириненіемъ Пашалии въ чинъ монашескій; но не рѣшился изобразить сначала свою героиню въ блескѣ знатности и пышности, украшеніемъ великолѣпнаго Двора, предметомъ общаго уваженія и кумиромъ рабочаго поклоненія многочислен-

ныхъ приверженцевъ опца ся и жеп-
 ха. — *Андрей, Князь Переяславскій,*
 повѣсть, соч. неизвѣстнаго. Этой по-
 вѣсти нанечана на шолько первая глава.
 Не смотря на нѣкоторую небрежность
 слога, въ сочиненіи видѣнъ даръ
 поэзіи, сила воображенія, умѣнье упра-
 вляться съ стихомъ и рифмою и зна-
 ніе сшариннаго рускаго быта. По
 первой главѣ нельзя суждѣть о цѣломъ
 сочиненіи: въ ней поэтъ не успѣлъ
 еще развернуть ни характеровъ, ни
 происшествій; и можетъ быть то,
 что кажется крипикамъ неяснымъ и
 несообразнымъ въ опривкѣ, покажется
 имъ ясно и естественнымъ въ повѣсти,
 когда она выйдетъ вполнѣ. Трудно
 предупреждать догадками намѣренія
 автора; иногда, на зло догадливости
 своихъ криптиковъ, онъ обдумываетъ
 свой предметъ совѣтъ иначе и смол-
 щиваетъ на него совершенно съ другой

точка, нежели ша, которую они предполагают. Живопись и верность описаний в 1-й главе Андрея Переяславского с избытком искупаются легкими и немногими недоспешками оной, как то: смѣлосць нѣкоторыхъ выраженій, мѣстами говорливосць поэза и ш. н. — *Хіосскій сирота*, сочиненіе П. Ободовскаго. Герой сей повѣсти—молодой Хіосскій Грекъ Космаки или Конспашиниъ Л*** (находящійся нынѣ въ Петербургѣ и воспитывающійся на паживеніи Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны). Содержаніе поэмы—разореніе Хіоса, бѣдствіе семейства Л***, плѣнь юнаго Космаки у Турокъ, освобожденіе его и пріѣздъ въ Россію; а цѣль изданія—сборъ денегъ на выкупъ малолѣтняго Ламбрице, брата Конспашиниова, находящагося дощитъ въ Смирнѣ, невольникомъ одного Турка. Цѣль прекрасная и благородная!

Кто не пожелаетъ, что бы успѣхъ совершенно ей соотвѣтствовалъ и чтобы подвигъ нашего поэта увѣнчался сладоушною наградой—видѣшь бѣднаго Ламбрине на свободѣ и въ Россіи? Самая поэма, кромѣ заманчивости упомянутого здѣсь обещанья, имѣетъ неопылемое достоинство поэтическое: планъ ея хорошо обдуманъ, описанія ошачающа вѣрнымъ изображеніемъ мѣстности и соблюденіемъ правды исторической, въ стихахъ много движенія и чувства. Какая-то простота разсказа, мѣстами сильно, а по большей части уныло передающая впечатлѣнія Хюсскаго сироты, весьма прилична сему лицу, отъ имени коего поэтъ повѣстуетъ намъ его бѣдствія. — *Наполеонъ*, стихотвореніе Михайлы Дмитриева. Если стихотвореніе сіе писано на смерть Наполеона, то, какъ стихи на случай, оно опоздало

нѣсколькими годами; если жь оно, какъ поэтическая дань памяти великаго челоуѣка, посредствомъ печати передастся потомству, то оно посѣтило нѣсколькими вѣками. Смотришь въ наше время на Наполеона, какъ на предметъ поэтической, есмь то же, что снѣгъ у самой стѣны какой-либо огромной башни, поднимаешь голову вверхъ, чинюбь однимъ взглядомъ обнять всю величину и обширность башни. Такіе исполины правленнаго міра, какъ бывший повелитель Французовъ, созрѣвають для поэзіи уже тогда, когда снѣжныя пролепять надъ ихъ могилой и представляють ихъ глазамъ будущихъ поколѣній, какъ далекій, но ясный и полный призракъ. Славнѣйшіе изъ современныхъ поэтовъ, которые являлись намъ его представити, не достигали своей цѣли и рисовали намъ только оп-

дѣльныя и неполныя черты, изъ коихъ трудно было соснавить себѣ нѣчто цѣлое. Г-нь М. Дмитриевъ стихотвореніемъ своимъ напоминаетъ намъ многіе счастливыя стихи Байрона, Пушкина, Казимира Делавина и другихъ поэтовъ, но не всегда передаетъ ихъ удачно; вообще же его поэма есть какъ бы собраніе эпитафій для будущихъ непориковъ Наполеона; но не имѣетъ ни цѣлостности, ни теплоты, и потому не оснавляетъ въ душѣ читателя живыхъ впечатлѣній.—

Подражанія Корану. Сочинитель взялъ нѣсколько отрывковъ изъ Курана Могаммедова, заключающихъ въ себѣ понятія о вѣрѣ; библейскія повѣствованія по повелѣнію Могаммеда и правила нравственныя, и соснавилъ изъ нихъ двѣнадцать отдѣльныхъ стихотвореній. Предметы выбраны удачно, стихосложеніе свободно, многіе стихи

оплачиваются силою и свѣжесью выраженія и свидѣтельствуютъ о дарованіи молодого поэта. Жаль, что это подражаніе не одному Курану: Пушкинъ первый началъ облакаться въ стихи поэтическія мѣта изъ догматической книги Могаммедовой.

Дурацкій колпакъ. Въ эпоху забавной сатиры, написанной въ видѣ поэмы, съ какою-то добродушною веселостію разсказаны похождения одного проказника, котораго живешь на бѣломъ свѣтѣ шакъ, какъ живешь многіе, ш. е. не заботясь о цѣли жизни и поминутно увлекаясь своими прихотями. Но этакъ проказникъ некрепче другихъ: онъ самъ себя сдѣлалъ приговоръ, въ силу коего присудилъ себя дурацкій колпакъ. Многія мѣта сей эпической сатиры блестяще живою описаніемъ, тонкими замѣчаніями и непринужденнымъ, природнымъ остро-

* *

уміємъ.—*Къ Эросту, сатира на игроковъ*, соч. П. Великопольскаго. Сочинишель вооружается бодцемъ Персія прошивъ порока, издавна уже разпространившася и укоренившася въ образованномъ міръ. Хорошо выходитъ на бой прошивъ пороковъ, но надобно, что бь оружіе было остро и наносило вѣрные, рѣшительные удары. Оружіе сатиры есть убѣдительность доводовъ и краснорѣчивая сила слова, а въ *Сатирѣ на игроковъ* доводы ослаблены многословіемъ, облеченнымъ въ такіе стихи, которые упрямо и лѣниво выражаютъ мысли сочинителя.—
 Въ *Лиригескихъ поэмехъ* Г. Певѣдомскаго, читатель найдеть нѣсколько хорошихъ стиховъ, и цѣлыя страницы, написанныя пухлымъ, уснареннымъ слогомъ, съ надутыми метафорами и странными вымыслами. Его же *комическая Энеида* есть анахронизмъ въ

нашей поэзіи. Изъ всѣхъ прежнихъ Энеидъ, Язонъ и Прозерпина *на-изнанку*, уцѣлѣла только малороссійская пародія Энеиды, Кошляревскаго, потому что сочинитель ее умѣлъ приравнять свою поэму малороссійскою собою и живо представилъ въ ней, вмѣсто Троянцевъ, Каргагенивъ и Лашияны, земляковъ своихъ Малороссійанъ съ ихъ домашнимъ бытомъ, привычками и поговорками.

Ксенапи о пародіяхъ: въ прошломъ году досталось оныхъ нѣхъ не одному покойнику *Виргилію*, но и живому *Пушкину*; ибо какъ назвать, если не пародіями поэмъ *Пушкина*, сѣдующія стихотворныя произведенія: *Евгеній Вельскій*, *Признаніе на 30-мъ году жизни*, *Киргизскій пѣвчикъ*, *Любовь съ тюрмъ*, *Разбойникъ* и проч. и проч.? Назвавъ ихъ подражаніями, не выразишь настоящаго качества сихъ нѣ-

снотливый, ибо въ нихъ часто *пародированы* стихи Пушкина: ш. е. или изковерканы, или взяты цѣлкомъ и вставлены не умѣна. Но пусть бы это были чистыя пародіи: тогда вспрѣтны въ новомъ, юморическомъ видѣ мечты и чувствованія поэта, можешь быть, посмѣялся бы и мы, и самъ Пушкинъ; а по советамъ не въ шулку такъ называемые подражаніи его безъ зазрѣнія совѣсти живящей его вымыслами, описаніями, созданными имъ характерами и собственными его стихами. Вся разница въ этихъ подражаніяхъ та, что одинъ лучше, другой хуже и ничень стиха, одинъ слѣдуетъ за Пушкинымъ издали, другой безъ отдыха гонится за нимъ почти по пятамъ. Не уже ли подражаніе можешь до того занимать умъ и пониманіе, что показывается чужое своимъ?

Надѣюсь, оныя меня никакъ не по-

пробуешь оцѣнки всѣхъ сихъ поэмъ порознь: ихъ безъ грѣха можно опустити въ огонь.

Подражанія иностраннымъ поэтамъ въ заглавіи и содержаніи стихотвореній, и рускимъ въ выборѣ предметовъ, стихосложеніи, любимыхъ оборотахъ и зашверженныхъ выраженійхъ, почти безпрерывно являлись въ печеніе прошлаго года. *Стихотворенія П. Межакова, Опыты А. Шишкова 2, Опыты въ стихахъ П. Борозды, Опыты сонетовъ, Искія золотого рожка, Ditto серебрянаго ditto, Цвѣница* и проч. и проч., выходили попеременно въ разные мѣсяцы 1828 года, какъ ежемѣсячные опичены объ успѣхахъ, которыми наша словесность отличалась въ подражаніи. Не спорю, что нѣкоторые изъ упомянутыхъ здѣсь стихотворцевъ пишутъ чистымъ слогомъ гладкіе стихи; но только ли слогъ и стихосложеніе составляютъ

поэзію? Нѣтъ! поэзія пребуешь изобрѣшенія, новостн мыслей, новаго, смѣлаго выраженія оныхъ; стихин поэзи — воображеніе и пелдона души. Онъ того-шо стихи, гдѣ въ сонный разъ пропверживающа уже знакомые намъ вымыслы, чувствованія, мысли и выраженія, какушея намъ скучными и холодными, сколько бы ни описались они щцательностию ондѣвки. Общимъ эниграфомъ ко вельмъ шакимъ стихамъ, можно бы пославиппъ слѣдующіе:

« Онъ какъ полъ дощеной гладки:

На мысли не спомкнешся въ нихъ. (*) »

Одинъ изъ нашихъ стихопворцевъ - подражателей довелъ искусство подражать до вышей степени совершенства: онъ просно выисывалъ, съ небольшими перемѣнами, цѣлыя строфы и даже цѣлыя стихопворенія изъ

(*) Изъ одной эниграмы, помещеной въ Альбомѣ св. Музы.

прежнихъ и современныхъ русскихъ поэтовъ, и назвала эпошу наборъ чужаго съ примѣсю своего: *Стелл и проза А. Баталлиа!* Если бы кто вздумалъ кланяться, по примѣру Вольтера, всѣмъ старымъ знакомцамъ въ эпихъ стихотвореніяхъ, тошъ вѣрно бы цѣлую недѣлю не могъ разрямншь своей шею ошъ множеству поклоновъ.

Два перевода Тассова *Освобожденнаго Иерусалима*, одинъ Г. Мерзлякова, другой Г. Рапча, конечно заслуживающъ вниманіе, какъ трудъ многолѣтній и требовавшій многихъ усилій; но оба прелагашели не совершенно передали намъ сладосшныя пѣсни Итальянскаго поэта. Одинъ (Г. Мерзляковъ) сдѣлалъ *октавы* его въ однообразный шестистишотный ямбъ: чшная сѣя переводъ, думаешь, что снова перечтываешь *Россиаду* или *Владиміра*:

другой (Г. Раичъ) превратилъ сѣ октавы въ балладическія сиропфы *Двенадцати сплнхъ двѣ*. Такимъ образомъ и шопъ и другой уклонилсь отъ шона поэзи Таессовой: первый переводъ слишкомъ разрянутъ говорливымъ александрійскимъ стихомъ, второй слишкомъ сжатъ усѣченнымъ размеромъ. По моему мнѣнію, вѣрность стихотворнаго перевода не соотношь въ одномъ наблюдѣніи хода поэмы, описаній, картинъ и мыслей поэта: но сѣ описанія, картины и мысли должны выливаться въ переводѣ съ такою же свободой, какъ и въ подлинникѣ; красота поэзи должны быть удержаны съ точностію, безъ дополненій и недомолвокъ. (*) Иначе

*) Есть еще условіе, котораго переводчики *Освобожденнаго Иерусалима* непремѣнно должны были имѣть въ виду и котораго составляеть одно изъ

цельзи удержашь духъ поэзи подми-
ника и шрудъ, въ коноромъ не со-
блюдены помянутыя условія, прилич-
нѣ назвашь подражаніемъ или вольнымъ
переводомъ.

Испину сію чувствовашь Г. Вер-
деревскій, назвавъ *Испину* свою *воль-*
нымъ переводомъ. Хотя многіе изъ
его стиховъ, даже цѣлыхъ опривковъ,
весьма удачно передающь стихи Бай-
рона; но въ конорыи ошечусленія и
пропуски, въ конорыи мѣсна, ослаблен-
ныя переводникомъ, оправдывающь его
скромность. Впрочемъ если приимь

опаччичисельныхъ достоинствъ поэзи Тасса: слад-
козвучіе и легкость стиховъ подминика и округ-
ленные періоды испальнской окнавы, у Г. Мер-
зликова, стихъ опчасит низжелъ и неподвиженъ,
у Г. Радца онъ опривисень и шерохованъ; пер-
вый по волъ разбавленъ періоды подминика,
второй по неволъ ихъ усѣкаенъ либо разсѣ-
клетъ.

въ уваженіе цѣль сихъ трехъ прелатантелей и выполненіе оной, но преимущественно остановился на спорѣ Г. Вердеревскаго. Покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его *Паризины* мы узнаемъ Байрона; но ни въ *Освобожденномъ Иерусалимѣ* Г. Мерзлякова, ни въ *Освобожденномъ Иерусалимѣ* Г. Раича, не узнаемъ Торквато Тасса.

Не стану проводить словъ о *Сельской жизни*, о *Донъ Эльсирѣ де Наварро*, о *Рыбакѣ*, о 2-й части *Александронды* и о другихъ подобныхъ имъ, шумливыхъ, но не свѣдѣмыхъ мессорахъ. Читатели конечно съ удовольствіемъ остановились мыслью на вѣсѣхъ изданіяхъ *Руслана и Людмилы* и *Кавказскаго пльиника*, изданіяхъ, которыхъ давно уже требовало неперѣливое ожиданіе публики. Первую изъ сихъ поэмъ Пушкинъ обогатилъ вѣснучаеіемъ или *присказкою*, въ которой

чародѣй - поэтъ, какъ будто бы махомъ волшебной ширинки, являетъ поэмьно воображенію нашему всю сказочную рускую старину: и Коша-самобая, и заколдованныхъ внизязей и Королевань, и Бурого волка, и Бабу-Ягу, и Коцея беземершнаго и проч. и проч. Нѣсколько поправокъ и дополненій въ самой поэмѣ и эпилогъ въ концѣ оной, а въ началѣ книги небольшая прозаическая ешанья о печашныхъ и словесныхъ кришикахъ на Руслана и порирень Нушкина, гравированный Ушкинымъ — вошь преимуществва сего изданія передъ прежнимъ.—*Кавказскій пльиникъ* напечатанъ почти безъ перемѣнъ.

Вшорое изданіе *Досуговъ сельскаго жителя*, ешихшвореній О. Сльнушкина, дополнено цѣлою книжкою новыхъ его произведеній. Чиспный слогу, довольно легкое ешихсложеніе, про-

спотна и вѣрность описаній и какая-то опикновенная говорливость, сопавляющіе ошличительную черту и досношенство сихъ стихотвореній, конхъ предметы болышею частію взяты изъ сельскаго быта. Последнихъ прочешть сін Досуги и полюбихъ, пошому что они напомнятъ ему все знакомое, все близкое къ его сердцу; знатный баринъ также прочешть ихъ и похвалитъ, пошому что и знатные господа рады подь часъ полюбоваться просешою природой. — Еще вышло новое изданіе *Лирическихъ стихотвореній* Гр. Хвостова. Они все знакомы читающей нашей публикѣ, пошому что не разъ уже были въ печати: это *третье полное изданіе*.новаго ничего о нихъ сказанъ не могу и не умѣю. Если же мнѣ случилось не нарочно проглядѣть между ними что-либо новое, въ шомъ прошу извиненія и у

почтеннаго сочинителя, и учившаго его. *Переписка на 71 году отъ рожденія*, того же автора, принадлежитъ также къ новымъ изданіямъ; ибо при посланія, составляющія сію переписку, прежде были извѣсны чинашелямъ журналовъ и альманаховъ.

Опытъ русской анѳологіи, собранный М. Яковлевымъ, довольно хорошъ, для перваго опыта. Тѣ, которые утверждали, что въ этомъ собраніи много стихотвореній не-анѳологическихъ, должны бы были, прежде, напередъ опредѣлить, какого рода стихотворенія собственно-анѳологическія? Мнѣ кажется, что всякое хорошее стихотвореніе, къ какому бы разряду поэзіи оно ни принадлежало, можетъ войти въ составъ анѳологіи, какъ цвѣтокъ поэтическаго вдохновенія; но въ подражаніе ли древней Анѳологіи греческой или отъ того, что новѣйшіе

опредѣлили по своему и сѣснили значеніе слова *анѳологія*, теперь со-составляютъ сіи сборники изъ однихъ мѣлкихъ стихотвореній, разумѣя подъ словомъ *мѣлкія* нѣ стихотворенія, ко-торыя содержатъ въ себѣ небольшое число стиховъ. Справедливѣе думали другіе критики, упрекавшіе собиравшаго за то, что онъ вмѣстѣ съ душевными и свѣжими цвѣтками безпечно пере-саживалъ въ свой цвѣтникъ много ну-стоцвѣтну, или просто, многія незаслу-живающія вниманія стихотвореньица перепечатавъ изъ прежнихъ журналовъ и проч., даже иногда противъ желанія сочинителей. Мертвые конечно не взыщутъ, но живые въ правѣ попре-бовать ошѣтша, особливо, когда ихъ самихъ тянутъ къ ошѣтну взыска-тельные чинашени и привязчивые критики. Такія стихотворенія въ са-момъ дѣлѣ не-анѳологическія, пошому

чно недостойны занимать мѣсто между хорошими; чадоубійственное перо мое гонимо скръбишь приговоръ Московскаго Вѣстника, подписанный епихонворенію моему: *Къ клену*, которое собираетель Руской Анѳологіи, безъ согласія моего, перепечатала изъ одного журнала, издававшагося въ 1818 году.

Драматическая наша поэзія была также скудна и въ этомъ году, какъ и въ предшествовавшемъ; печатныя произведенія драматическихъ нашихъ музъ были весьма немногочисленны, а число испинно-хорошаго изъ нихъ едва ли не ограничилось двумя или тремя. Г-нь М. В. ко прекраснымъ своимъ переводомъ Байронова *Манфреда* ошменила славу британскаго поэта, на которую въ 1827 году посягнулъ Г. Олинъ, своею драматическою народіей *Корсера*. Пере-

воду Г. В..... ка отличаетея точностію и близостію къ подлиннику; многія мѣста, удивляющія насъ въ Манфредѣ несоотвѣтствующимъ воображеніемъ Байрона, поэтически выражены на нашемъ языкѣ. Самая строгая критика замѣчаетъ у нашего прелаташеля только рѣдкія и неважныя ошечувленія; но сія ошечувленія счастливо искупаются красотою и вѣрностію цѣлаго и многими звучными, блестящими стихами. — Вольеровъ *Магометъ* вновь переведенъ Г. Осиполовымъ. О подлинной трагедіи можно сказать, что Вольеру хотѣлось не предсавить Могаммеда такимъ, каковъ онъ былъ и какъ достигалъ честолюбивыхъ своихъ намѣреній; но переданъ слушателямъ свои попятія о семъ вопиѣ-закоподателѣ и высказанъ нѣкоторыя собенвенно свои политическія и религіозныя мнѣнія. Онь того Могаммедъ

у Вольтера слишком говорливъ и ошкороженъ съ своими патерениками и даже съ противниками; онъ того онъ часно уменьшаетъ, какъ философы XVIII вѣка, какъ самъ Вольтеръ. Создавъ или достигнувъ такимъ образомъ характеръ Могаммеда, французскій трагикъ, что бы возбудишь какое-либо соучаснiе въ зрителяхъ, по необходимости долженъ былъ замѣшать любовь, (ибо она была и есть главною пружиною французской трагедii) и ввести совершенно лишнее лице Пальмиры. Могаммедъ любилъ ее, и ненавидилъ ее отца и брата; послѣдняго онъ подстрекаетъ къ ошцеубiйству, попомъ выслушиваешь укору и проклятiя закалывающейся Пальмиры и говоришь заключительную рѣчь, въ конторой то разкалывается, то снова одушевляется честолюбiемъ. Вотъ Могаммедъ Вольтеровъ, безоп-

четное и спраиное дѣйствиющее лице, созданное изъ обломковъ высокаго характера историческаго! Но трагедію сію, въ конерой еслъ много прекрасныхъ стиховъ и даже черпы превосходно-трагическія, нерѣдко играють въ Парижѣ и въ Пешербургѣ, и пошому прудъ переводчика былъ не лишній. Самъ Г. Осиполовъ говоритъ, что онъ сначала взялся было переправляшь прежній переводъ, оставленный за обвиняемостію слога и что онъ эшого въ новомъ переводѣ можно найши мѣста, сходныя съ прежнимъ. Это бы еще не беда, если бы мѣста, которыя у Вольтера онличаюшя или почнымъ и живымъ выраженіемъ мысли, или блескомъ поэзіи, были переданы вѣрно и сильно; но сіе не всегда удавалось переводчику. Надобно однако жь опдать ему справедливостъ, что нѣкоторыя изъ сихъ мѣстъ пере-

ведены имъ и близко и хорошо. Со
всѣмъ шѣмъ, желательнѣе бы было на-
ходить въ сей трагедіи поменѣе вета-
вокъ для полноты стиха, которыя
ослабляютъ оный и дѣлаютъ вялымъ.

Двѣ комедіи: *Аристофанъ*, Князя
Шаховскаго, и *Благородный Театръ*,
Г. Загоскина, составляютъ все, чѣмъ
можешь похвалиться руская Талія
изъ комедій, напечатанныхъ въ 1828
году. Комедія *Аристофанъ* нѣсколько
льшѣ уже знакома сполнчимъ посѣ-
щителямъ театровъ; но донынѣ наши
журналы только слегка и какъ бы
мимоходомъ о ней упоминали. Въ пред-
ставленіи, она чрезвычайно задобри-
ваетъ зрителей многими хорошими,
остроумными стихами, свободнымъ
разговорнымъ слогомъ, комическими
положеніями нѣкоторыхъ лицъ, велико-
лѣпнымъ спектаклемъ, балетами, празд-
нествами и проч.; наконецъ шѣмъ,

что пьеса сія въ Пенсербургѣ весьма хорошо обещавалась и разыгрывается съ отличнымъ искусствомъ. Но холодный кабинетный читатель не такъ легко и безопасно ублаживается первыми впечатлѣніями, какъ зритель, помпунно обольщаемый изчисленными здѣсь приманками, и прежде всего, взглянувъ на заглавіе, спросишь: точно ли это историческая комедія съ древнемъ родѣ? Другой вопросъ, необходимо слѣдующій за симъ, будетъ: точно ли таковъ былъ Ариснофанъ, какимъ его представилъ намъ рускій комикъ, и подобно ли съ характеромъ сего греческаго насмѣшника по воспорженное самохвальство, которое выказываетъ онъ въ разговорахъ своихъ съ Акинсоей и Касономъ? Далѣе: остропы и язвительныя шуточки Ариснофановы, основанныя иногда на игрѣ словъ, не слишкомъ ли новы

для древяго Грека? Соль его на-
 смѣшекъ опъзывается ли *атинзескою*
 солью, а не французскою или рускою?
 Алкиноя свѣтскимъ умомъ своимъ не
 похожа ли болѣе на ловкую, молодую
 кокешку нашихъ времянь, нежели на
 древнюю Аѳинянку, племянницу Аспа-
 зии? Клеонъ не напоминаетъ ли какого
 нибудь илюшнаго сенешала или баллы
 французской комической оперы, вмѣ-
 сто Хазнодара Аѳинскаго? Много
 другихъ вопросовъ и сличеній можно бы
 найши, разбирая еію комедію въ шини-
 нь кабинетной; но . . . мы не Греки и
 не Римляне, и знаемъ, что для
 соблюденія вполнѣ характера древней
 комедіи, должно совершенно напи-
 таться духомъ древности, а сего
 можно достигнуть только долготѣн-
 нымъ, постояннымъ и глубокимъ из-
 ученіемъ классиковъ греческихъ. Зна-
 емъ также, что мы не довольно учены

и не довольно терпѣливы для такихъ усилий, которыми въ наше время могутъ похвалиться одни трудолюбивые и долгошерпѣливые Немцы. Предубѣжденные въ пользу комедіи успѣхомъ ея въ представленіи, хорошимъ ея планомъ, участіемъ, которое сочинитель ея умѣлъ возбудить и поддержать, связавъ судьбу Аристофана съ представленіемъ его комедіи: *Всадники*, наконецъ многими ценными комическими сценами, хорошо обрисованнымъ характеромъ Ксаниппы и проч. и проч., мы пропускаемъ мимо комедію въ древнемъ родѣ и любимея Аристофаномъ, какъ прекраснымъ произведеніемъ новаго театра.

Комедія : *Благородный театр*, осмѣиваетъ странности нашихъ Трагическихкихъ. Два стиха Демалля (*) по-

(*) C'est à qui sera jeune, amant, prince ou princesse,
Et la troupe est souvent un beau sujet de pièce.

дали Г. Загоскину мысль написать сію комедію. Любскій, богатый провинціалъ, живущій въ какомъ-то городѣ, заводящій у себя благородный театръ, набираетъ волею и неволею актёровъ изъ своихъ пріятелей, должниковъ, жениховъ своей племянницы и ш. п. Сии завербованные имъ актёры опаздываютъ на пробу, ссорятся за роли, отказываются, снова берутся играть—словомъ, здѣсь на сценѣ вся суматоха охотничьихъ театровъ; и между тѣмъ Вельской, молодой человекъ и одинъ изъ обожателей Олишки, племянницы Любскаго, увозитъ ее и обвѣнчивается съ нею. Является Чесполовъ, братъ Любскаго, и улаживаетъ все: миритъ новобрачныхъ съ Любскимъ и его женою, помогаетъ Любскому дать представленіе, едва не рушившееся за отказомъ пькомпорныхъ лицъ — и все идетъ по добру по здо-

рову. Кроме дяди (Честнонова) подоспевшаго а point помнѣ для развязки, есть и другія записныя пружины французской комедіи: Извѣдоу ошесавный акіёръ, замѣняющій наупаслугу, и Пашаша, горничная Омишки. — Плавъ и завязка комедіи не новы; характеры дѣйствующихъ лицъ также изъ числа старыхъ нашихъ комическихкихъ знакомцевъ; но нѣкоторыя положенія очень забавны, языкъ вездѣ чистый и разговорный и стихи вообще гладки и хороши, хоня между ними и немного шакныхъ, которые бы поражали новымъ, счаславнымъ выраженіемъ мысли и невольно запперживались паузусть. Впрочемъ комедіа сіа имѣеть на своей сторонѣ не одни отрицательныя совершенства: въ ней есть красоны, болѣе положительныя. Таковъ прѣздъ къ Любскому старой сплешницы Кутерминой, со вѣтъ ея

родомъ и племенемъ; такова вспрѣча Посошкова, просподушнаго жениха Олшныи, съ Волгинымъ, просподушнымъ дядею Вельекаго: одинъ принимаеиъ сшараго дядю за жданаго актѣра, другой жениха, наряженнаго въ псапральный косномъ, считаеиъ за шуца. Сш и пѣконорыя другія сцены правяишея и зршсешю и чшшателю, и опредѣляюишея комедш *Благородный театръ*, одно изъ почетныхъ мѣсше въ репертуарѣ псапральномъ.

Исправлене, или мужъ на слугай, комедш А. Ш., и *Сборы на Невскшй проспектъ*, комедш Г. Ольшнна, принадлежанше къ пѣмъ обмолвкамъ Талшн, конорыхъ нельзя ни прочесть, ни видѣть на сценѣ больше одного раза. Въ первой изъ нихъ завязка нарушаеише правденодобше, во второй вовсе нѣтъ завязки; но за то въ ней ешея нѣсколькo удачныхъ сшпховъ и языкъ

гораздо чище, нежели въ комедіи Г-на А. Ш.—*Бѣлая волшебница*, опера, соч. Скриба (*La Dame blanche*), переводъ А. П. Писарева. На здѣшнемъ (С. Петербургскомъ) театрѣ играютъ другой переводъ сей оперы; но какъ сей послѣдній не напечатанъ, но по невозможности сравнить оба перевода, я не знаю, которому изъ нихъ должно отдать преимущество. Содержаніе подлинника взято Скрибомъ изъ романа В. Скоппа: *Монастырь*; но Скрибъ не умѣлъ воспользоваться чудеснымъ романа и опера его скудна по изобрѣшенію. Музыка Бюльдьё составляетъ все ея достоинство.—Водявилы, переведенные имъ же Г. Писаревымъ: *Пять лѣтъ въ два часа* и *Средство выдавать дочерей за мужъ*, не оплачающія ни хорошимъ вымысломъ, ни водевильнымъ остроуміемъ. Кажется, покойный Писаревъ пере-

водилъ и передѣлывалъ ихъ также, какъ Скрибъ ихъ пишетъ, т. е. не слишкомъ заботясь о выборѣ предмета, о ходѣ и занимательности пьесы. Скрибу это съ руки, потому что онъ пишетъ водевилы на подрядъ, въ проемъ и въ чешверомъ, и брань журналовъ заглушается для него звономъ полновѣсныхъ лундоровъ, опущиваемыхъ ему дирекціями и sostenutелами Парижскихъ театровъ, которые, въ угоду публикѣ, требуютъ безпрестанно новыхъ пьесъ; но у насъ еще можно быть спрогнмъ въ выборѣ драматическихъ сочиненій, переводимыхъ для театра. Въ Парижѣ для однихъ водевилей есть четыре или пять театровъ, а у насъ на одномъ и томъ же русскомъ театръ играютъ и трагедіи, и комедіи, и нѣмецкія драмы и французскіе водевилы, переведенные или переложенные

по-русски, и оперы большія и малыя, и балеты и проч. и проч., следовательно, при такомъ богатствѣ репертуара для одного и того же театра, можно бытъ гораздо разборчивѣе на сценѣ пьесъ, заимствуемыхъ изъ чужеземнаго запаса. Впрочемъ, сказанное здѣсь мною не столько относится къ покойному Писареву, сколько къ живымъ нашимъ поставщикамъ водевиальнаго остроумія. За Писарева по крайней мѣрѣ говорятъ чистый, разговорный языкъ его переводовъ, нѣкоторые удачныя передѣлки на рускіе нравы и то, что онъ умѣлъ подчасъ хорошо переложить замысловатый куплетъ, дать хорошей оборотъ остроуму словцу или поддѣлаться подъ игру словъ. Это умѣнье далось не всякому изъ нашихъ Гг. водевиальщиковъ. По большей части, ихъ дѣйствующія лица изъясняются такимъ слогомъ, какимъ

можно только орашоретвованъ съ ка-
ведры, а не говоришь въ госпинной. —
Водевиль: *Минета или превращеніе*
кошки въ женщину, забавень, какъ
водевильная шалость (folie-vaudeville),
въ которой не пребуенся правдопо-
добія и который весь успѣхъ долженъ
зависѣть отъ некусной игры актри-
сы, принимающей на себя роль кошки-
женщины. Переводъ Г. Остолонова
хорошъ. — *Вдовецъ на часъ*, водевиль,
передѣланный на рускіе нравы М.
Яковлевымъ, споль же не правдопо-
добень и менѣе замыслованъ. Пьеско-
рыя куплеты переданы удачно и пере-
водчикъ старался соблюсти въ нихъ
то, что одинъ французскій стихо-
творецъ называетъ :

L'esprit des boulevards et le sel de Brunet.

Впрочемъ я несколько не оп-
шунуюсь отъ того, что предъ симъ

сказаль о водевиляхъ, переводимыхъ на нашъ языкъ. Не все по хорошо, что напечатано было въ Парижѣ и прикрито именемъ Скриба. Только при крайней скудости или скупости драматическихъ нашихъ музъ, можно все это переводить, играть и печатать.

Переходя отъ поэзи къ прозѣ, я долженъ сначала упомянуть о двухъ собраніяхъ сочиненій, заключающихъ въ себѣ стихи и прозу. Первое изъ нихъ: *Постійшія стихотворенія П. Ивангиза-Писарева, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ сочиненій его въ прозѣ.* Нѣкоторыя изъ мѣстныхъ стихотвореній Г-на П.—Писарева отличающіяся остроуміемъ и оригинальностью: но отъ нѣкоторыхъ до цѣлой книги прогрессія еще очень велика: основная въ ней наполнена такими стихами, которые можно было сказать или написать экспромптомъ, даже напечатать одна-

жды въ какомъ-либо повременномъ изданіи — и концы въ воду! — Изъ *нѣсколькихъ* сочиненій въ прозѣ, находимъ здѣсь двѣ похвальныя рѣчи (изъ коихъ одна: *въ память Карамзину*, напечатана здѣсь уже, помнишь, вренскимъ изданиемъ). Еще въ одной слышимъ сочинитель что-то слишкомъ часто и слишкомъ сильно побранивать критиковъ. Это напоминаетъ комическій совѣтъ одного француза своему пріятелю: «*chante haut: tu auras l'air de n'avoir pas peur.*» Второе изъ сихъ собраній: *Сочиненія Николая Анненкова, въ стихахъ и прозѣ*. Это дань памяти двадцати-лѣтняго юноши, за два года предъ симъ похищеннаго преждевременною смертію: Н. Е. Анненковъ ушелъ въ Цевѣ. Родные и друзья его издали сіи первыя попытки юнаго литератора въ воспоминаніе о немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы

онъ при жизни своей выпустилъ ихъ въ свѣтъ, но болѣе обработать бы слогу и докончить бы то, что каженся не конченнымъ. Но и въ снхъ рѣзвостяхъ молодого пера замѣтны воображеніе, непринятая веселость, доспашочное знаніе рускаго языка и удачное употребленіе народныхъ выраженій.

Съ нѣкотораго времени, хорошая проза сдѣлалась необходимою потребностью для читающей публики нашей; и, какъ все хорошее и рѣдкое, она ловится съ какою-то ревнивою жадностью: свидѣтельствомъ тому служатъ нѣкоторыя прозаическія сочиненія, изданныя въ послѣднихъ годахъ. Жаль, что молодые наши кандидаты въ литераторы не подмыслили сего направленія умовъ, которое, волею и неволею увлекаясь за своимъ вѣкомъ, требуетъ отъ насъ болѣе положи-

пелынаго, болѣе существеннаго; тогда, можетъ быть, онъ вѣлыхъ подражаній въ стихахъ они обратилась бы къ прозѣ, въ которой еще не все, или даже очень мало сдѣлано для рускаго языка. У насъ нѣтъ еще слога повѣствовательнаго для романовъ и повѣстей, нѣтъ разговорнаго слога для драматическихъ сочиненій въ прозѣ, нѣтъ даже слога письменнаго. Онъ того-шо молодые наши писатели вешупають всегда оцупью въ эпопѣю нушь, и слава Богу, если, за немѣнѣемъ проложенной, гладкой дороги, имъ посчастливилось попасть на хорошую пропѣлку! Не многіе однако жъ похваляея эпою удачей: большая часть или сбиваея на шерохованую нашу устарѣлаго языка славяно-рускаго, или скользитъ и падаея на развалинахъ, сгромажденных когда-то изъ запасовъ чужезычныхъ (галициз-

★ ★

мовъ, германизмовъ и проч.); или пошесть въ неизменной и болѣе чистой почвѣ грубаго, необработаннаго языка простонароднаго. Ученіе сообщаетъ понятіе о различіи слога, но не даетъ языка: никакой учитель не имѣлъ бы ни времени, ни возможности пройти съ своими учениками цѣлый словарь, взвѣсиль каждое слово, назначилъ ему настоящее мѣсто и показанъ все случаи, въ которыхъ прилично употребилъ то или другое выраженіе. Этому учить собственнѣйшій вкусъ, образуемый и направляемый чтеніемъ хорошихъ образцовъ, и наконецъ, изучающійся присваивать и прилагать языкъ изъ живаго, успешнаго разговора. Но здѣсь-то мы и признаемъ свою скудость: хорошихъ образцовъ у насъ мало, а изъ разговоровъ лучшаго общесства скорѣе узнаемъ мы все шоккости, все ошпѣнки

французскаго языка, нежели выучимся по-русски.

Въ такомъ состояннн нашего слова, при пробуждающейя склонности (покрапней мѣрѣ въ новомъ поколѣннн) чнпашь что-либо хорошее на при-родномъ нашемъ языкѣ, не удивитель-но, что каждая новая книга, каждое новое произведепнє, написанныя чи-сною, прнятною прозой, принима-ются у насъ, какъ рѣдкнй подарокъ. Изчисленнє снхъ рѣдкнхъ подарковъ за прошлый годъ, дасть весьма неболь-шой ипсгъ; оспальное принадлежннь къ рѣдкостямъ въ другомъ смыслѣ, ш. е. къ нѣмъ, конторы нли сншкомъ не-дозрѣли, нли сншкомъ опоздали, и въ обонхъ случаяхъ явнлась не во время.

Двдннкъ, нли мои встєра въ Мало-росснн, соч. Антоннн Погорѣльскаго.

По понятію, которое сочинитель связалъ съ этимъ словомъ, *Двойникъ* (*) есть та мечна воображенія, на которой основалось повѣрье, будипо бы человекъ видннхъ иногда *самого себя* въ какомъ-шо зловѣщемъ призракъ. Мысль новая и прекрасная; но сочинитель не совѣмъ счастливо ея воспользовался. Его *двойникъ*, явившійся ему въ часы вечерняго уединенія, есть болѣе припный собесѣдникъ, нежели чудесное существо изъ міра мечтательнаго: сочинитель разговариваетъ съ нимъ; они передаютъ взаимно мысли свои о разныхъ предметахъ, рассказываютъ другъ другу разныя повѣсти и анекдоты, даже

(*) Кажется, сочинитель напрасно выдумывалъ или приписывалъ это названіе: въ рускомъ языкѣ существуетъ уже для сего слово: *стѣня*, прекрасно выражающее сей призракъ или мечту.

подъ насъ не соглашающагося между собою въ мѣнѣяхъ. Для этого не нужно было вызывать духовъ: умный, образованный и начитанный сосѣдь могъ бы также пригодиться сочинителю, какъ и его *двойникъ*. Если бы сочинитель представилъ намъ своего *двойника* существомъ болѣе эфирнымъ; если бы, напримѣръ, въ семь видѣ являлся ему какой нибудь изъ нѣхъ *домовыхъ* или *кикиморъ* (*), кон, по

(*) *Кикимора*, по рускимъ нашимъ повѣрьямъ, есть родъ домашнего духа, иногда добраго и услужливаго, иногда злаго и неугомоннаго. Первый холитъ хозяйскихъ лошадей, наблюдаетъ за чистотою въ домѣ и оберегаетъ хозяевъ; послѣднй лошадей мучитъ и забываетъ, поришетъ все въ домѣ, и иногда по ночамъ, падалъ на людей, давитъ ихъ. Охотники до этимологии могутъ разыскать, не одинъ ли корень рускаго слова *кикимора* съ французскимъ *cauchemar*.² Вообще

мнѣнію нѣкоторыхъ демонологовъ (**), принимаютъ на себя видимый образъ челоуѣка; или если бы въ двойникѣ изобразилъ онъ олицетворенную мысль, ондѣлывиуясь онъ пласенной своей оболочки въ мишуны бытія созерцательнаго, и показывающую намъ, какъ бы въ магнетическомъ ясновидѣніи, все земное въ нешнномъ, яснѣйшемъ свѣтѣ, либо переносящую насъ въ міръ духовный: тогда въ созданіи сего

проспой нашъ народъ думаетъ, что *кикиморы* и *домовые* крайне своенравны и глѣшны.

(**) Одинъ изъ демонологовъ говоритъ, что нѣкоторые изъ сихъ домовыхъ составляютъ собою обезьянью породу въ области духовъ: любимое ихъ занятіе проказити и забавлятися страхомъ, илюдимымъ ими на людей. Для сего принимаютъ они иногда образъ хозяина дома, наряжаются въ домашнее его платье и разгуливая въ семь видѣ, являются служивають или даже и самому нему, кого они передразнивають.

мечтательнаго лица было бы болѣе шой опчешливости, шого условнаго правдоподобія, на которыхъ воображеніе основываетъ и творитъ свои вымыслы. Но сіе разногласіе *двойника* съ шѣмъ, котораго шѣнью онъ является, сія взаимная передача мыслей и понятій, сіи разсказы другъ другу, разрушающъ все очарованіе чиншателя и заснавлиющъ его видѣнъ въ *двойникѣ* живаго человека, другаго Гаррика, умбющаго цекусною мимикой принимать на себя по волѣ подобіе своихъ знакомыхъ. Сколь странно и безошечно само это лице, споль же иногда странны и своенравны его сужденія: *двойникъ*, кажется, порою шущитъ надъ своимъ *подлинникомъ*, сообщая ему съ важношнію химерическія свои сншемы. Таковъ, между прочимъ, математическій его подѣлъ разныхъ добрыхъ и худыхъ свойствъ

ума, достающихся на долю каждого человека. — Въ вечера, проведенные сочинителемъ съ его *двойникомъ*, онъ слышалъ отъ сего таинственнаго посылителя, или самъ ему пересказывалъ, разные повѣсти и анекдоты; сии послѣдніе почти вообще не новы, но приведены кснати, и разсказаны умно и пріятно. Повѣстей четьре, по числу вечеровъ. Первая изъ нихъ (*Издоръ и Аюта*) содержишь въ себѣ приключеніе одного русскаго офицера, которому являлась убиная его невѣста, на печельницѣ его дома, сожженнаго Французами въ Москвѣ. Такія видѣнія не разъ уже были намъ переданы нѣмецкими *духовидцами*; къ тому жь и подробности сей повѣсти не слишкомъ занимательны. Вторая (*Пагубныя слѣдствія необузданнаго воображенія*), въ которой описана также не новая любовь одного

молодаго Графа къ куклѣ или *автомату* и странная его женишба на этой пружинной красавицѣ, — скорѣе могла бы назваться *жалкимъ слѣдствіемъ близорукости*: кно, кромѣ совершенно близорукаго, можетъ не раземошрѣть мершвой неподвижности въ лицѣ и глазахъ автомана, какъ бы хорошо ни былъ онъ сдѣланъ? И могутъ ли кого плѣнить до безумія однѣ паружныя формы, безъ выраженія души въ лицѣ, во взорахъ и движеніяхъ шѣла? — Третья (*Алфертовская Маковница*) есть лучшая изъ новѣшей *Двойника*, по вымыслу и по живости разсказа. Въ ней прекрасно изображень бытъ московскихъ мѣщанъ и колдовство старой маковницы написано кнесью ошличнаго живописца. Наконецъ четвертая повѣсть (*Путешествіе въ дилжансъ*) напоминаетъ намъ недавняго нашего знакома, *Жоко*,

только на оборотъ: *Жоко* живетъ съ людьми, а здѣсь выведенъ человекъ, которъ въ дѣшнѣ жилъ съ обезьянами: изъ смѣшной ревности или боязни своей невѣсны, онъ убиваетъ бывшую свою лѣную няню, обезьяну, и отъ того перзаемъ совершенно и ненавидимъ свѣтъ и людей. Вообще въ созданіи сихъ повѣстей (исключая третью) мало изобрѣтательности и ошечтанности; а въ цѣли ихъ завышно какое-то желаніе преувеличивать спроси человека и выскивать въ немъ такіа чувствованія, которыа могутъ быть только слѣдствіемъ разстройства душевныхъ способностей. Но приятный, увлекашелей слогъ, благородный, чистый языкъ, какое-то тонкое чувство въ выборѣ словъ и выраженій, вездѣ приличныхъ и точныхъ, и особенное искусство разсказывать умно и занимательно,

невольно заставляющъ читателя забывать все странности и несообразности, встрѣчаемыя имъ въ повѣстяхъ и разсужденіяхъ *Г. Погорьльскаго* и его *двойника*.

Три новые тома *Сочиненій Булгарина*, служащія продолженіемъ изданныхъ за годъ предъ тѣмъ двухъ томовъ. Содержаніе ихъ тоже, какъ и въ прежнихъ: статьи историческія, повѣсти, нравы, повѣствованія и смѣсь. До сихъ поръ, въ одномъ только Московскомъ Вѣстникѣ сказано было нѣсколько словъ о Сочиненіяхъ Булгарина, и лишь же прибавлено было странное оправданіе другихъ журналовъ: «они не говорили о сихъ сочиненіяхъ потому, что не считали ихъ новостью императорскою.» Если нѣсколько повѣстей и другихъ статей, сочиненныхъ извѣстнымъ писателемъ и дошлѣ ин-

гдѣ еще не напечатанныхъ, не считающихся у насъ новостію, такъ что же Гг. наши кришники прикажутъ названъ новымъ?

Сочиненія Булгарина могутъ служить примѣромъ постепеннаго усовершенствованія, до котораго можетъ достигать природное дарованіе, управляемое вкусомъ и подкрѣпляемое трудолюбіемъ. Булгаринъ началъ писать уже въ шѣхъ лѣтахъ, когда страсти начинаютъ утихать, когда пылъ молодости, составляющій поэзію жизни, смѣняется хладнокровнымъ наблюденіемъ, переселяющимъ человека въ прозу существованія и опытно-сти. Обещаніе съсѣла на долго было развели Булгарина съ рускою словесностію; но быстрые и счастливые успѣхи его въ рускомъ слогѣ и въ чистотѣ языка, должны по справедливости быть причислены къ пріят-

нымъ явленіямъ литературнымъ. Повѣствовательный слогъ Булгарина пла-
 вень, ясенъ, отличается точностію
 и приличіемъ выражений и хорошо
 округленными періодами; историчес-
 кія сцены его, какъ напр. *Картина*
Испанской войны, *Осада Трёмбли*,
Марина Мнишекъ, *Знакомство съ*
Карамзинымъ и проч., кромѣ богат-
 ства предменовъ, имѣють неопъе-
 мемое достоинство хорошаго изложе-
 нія. Нѣкоторыя сцены правятся
 живою разсказа и какою-то воен-
 ною бойкою слога; таковы: *Зна-*
комство съ Наполеономъ, *Военная*
жизнь, *Ужасная ночь*, *Бесѣды у боль-*
наго литератора. Въ повѣстяхъ своихъ,
 Булгаринъ придерживается болѣе фор-
 мы эпической, нежели драматической,
 и должно замѣтить, что слогъ по-
 вѣствовательный гораздо у него ярче
 и естественнѣе, нежели слогъ раз-

говорный. Сей послѣдній мѣстами многорѣчивъ и сбивается на декламацию. Впрочемъ, сіе замѣчаніе не есть общее: въ повѣстяхъ *Эстерка* и *Леокидія*, есть мѣста испинно-драматическія, особливо въ первой изъ нихъ *Жидовскій Санхедринъ* и *Нападеніе Гайдамаковъ на караванъ*, имѣють много жизни и движенія. Забавная шалость воображенія: *Чертополохъ*, или *новый Фрейшицъ*, ошлывается вѣрностію кисти живописца и плашическимъ правдоподобіемъ олицетвореннаго порока. Въ отдѣленіи: *правды*, многія сцены Булгарина имѣють сіе же достоинство; въ нихъ удачно изображены пороки, слабости и страпности людей разныхъ состояній. Таковы, въ особенности, слѣдующія сцены: *Ходатай по дѣламъ*, *Ходатай на ловль*, *Судья по выборамъ*, *Чувствительное путешествіе по перед-*

нимъ, Званый обѣдъ и т. п., въ которыхъ видимъ живую картину того, что перѣдко встрѣчается у насъ на святой Руси; но въ некоторыхъ сценахъ, Сочинитель слишкомъ явно высказываетъ на позоръ и пороки и слабости, которыя хочется изобразить, и дѣйствующія лица, созданныя имъ, иногда бываютъ чрезъ мѣру ошкороны. Иногда, желая представить какого-нибудь чудака или вреднаго обществу челоуѣка, онъ собираетъ въ этомъ лицѣ все самыя рѣзкія черты, замѣчаемыя у многихъ подобныхъ имъ чудаковъ или порочныхъ, и сворнитъ изъ оныхъ идеалы или лицеворенія пороковъ и странностей: это разрушаетъ правдоподобіе и онъывается какимъ-то усиленнымъ паняжкою. Впрочемъ, нельзя требовать, что бы все написанное однимъ писателемъ въ разные времена и въ

различномъ разноложеніи духа, было въ одинакой степени хорошо: примѣры славнѣйшихъ писателей служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Но если хорошее беретъ и числомъ и достоинствомъ верхъ надъ слабымъ и посредственнымъ, то голосъ безпристрастной критики, за одно съ голосомъ публики, долженъ быть на сторонѣ сочинителя и отличить его отъ писателей обыкновенныхъ.

Записки Москвитина, Чувствительное Путешествіе по Невскому проспекту и Разказы Лужницкаго старца. Сіи три сочиненія написаны однимъ лицомъ: тотъ же слогъ, та же способность подмѣчать странности съ перваго взгляда и тотъ же небрежный способъ передавать мимоходныя свои впечатлѣнія, не останавливаясь ни на одномъ пред-

мень и не разматривая его съ разныхъ сторонъ. Однако же въ *Запискахъ Москвитя* есть двѣ или три снаны, которыя должны были изъясны изъ сего общаго правила: въ нихъ замѣнены даръ наблюдательности, который, къ сожалѣнню, сочинитель употребляетъ слишкомъ бережливо. Слозь хорошъ, чистъ и легокъ, и напоминаетъ слозь нѣкоторыхъ французскихъ юмористовъ. — *Рукопись покойнаго К. И. Хабарова*. Это сочиненнце, кажется, еродитъ нрѣмъ вышепомянутому: въ слозь есть между ними какое-то фамилное сходство. Здѣсь описывается жизнь одного честнаго фактора типографн, бывшаго попомъ спрашивующимъ книгопродавцемъ, и предлагающимъ мнѣнн, будто бы его, о русской азбукѣ. *Сн жизнь и мнѣнн* — забавная шутика. — *Анекдоты о Суворовѣ*, изданные

★ ★

Е. Б. Фукеомъ , изображають намъ въ разныхъ случаяхъ и отношеніяхъ , характеръ безмернаго нашего *Чудобогатыря* , который удивительными подвигами своими на поирнщѣ вопи-скомъ и замысловатыми сравненіями въ жизни часной , заранѣ сдѣладеа для пономковъ въ иѣкошоромъ смыслѣ сущеснвомъ баснословнымъ : шакъ оиъ великъ и шакъ неизъяснимо-загадоченъ. Можно пожалѣнь , что въ иѣкошорыхъ анекдотахъ Суворовъ говорить не своимъ языкомъ , а слогомъ сочиншпеля. *Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга* , соч. Г. Броневскаго. Это продолженіе его же *Записокъ и Иисемъ морскаго офицера* ; въ сей книгѣ , написанной хорошимъ , пріятнымъ слогомъ , любопытнѣе всего описаніе иѣкошорыхъ мѣсть Венгріи , о которой наши рускіе путешественники писали еще очень мало. *Записки*

о Монголіи, сочиненный монахом Іакинѣомъ, принадлежанъ къ шесть сочиненіямъ, которые наша словесность приносишь, какъ вкладъ въ европейское хранилище свѣдѣній о Востоку. Географія и естествознаніе страны, лежащей оныя восточныхъ предѣловъ Россіи до еполицы Кинная, никѣмъ еще не была епюль вѣрно и подробно описана, какъ почтеннымъ О. Іакинѣомъ, который долговременнымъ пребываніемъ въ шамонскихъ краяхъ и совершеннымъ знаніемъ киншайскаго языка, заслуживаетъ полную довѣренность читателей. Здѣсь прилично упомянушь о другомъ, важномъ сочиненіи, которымъ сей же почтенный шнокъ подарилъ нашу словесность: объ *Описаніи Тибета*, переведенномъ имъ съ киншайскаго языка. Должно оцѣнить справедливосшь киншайскому сочинителю сего описанія : оны

не упустилъ изъ виду ни малѣйшей подробности касательно спашенни-ки Тибена, равно какъ нравовъ и обычаевъ тамошнихъ жителей. Примѣчанія, сдѣланныя къ сей книгѣ О. Іакинѳомъ и дополняющія извѣствія Китайца, дѣлають ее еще занима-тельнѣе и любопытнѣе. — *Нынѣшнее состояніе Турецкихъ Княжествъ Молдавіи и Валахіи и Россійской Бессарабской Области*, соч. Игнація Яковенка, имѣеть также не одно временное достоинство: ибо свѣдѣнія, заключающіяся въ сей книгѣ, преденавлиють въ полной картинѣ страны нашихъ единовѣрцевъ, долгое время спенав-шихъ подъ игомъ Турокъ. Жаль толь-ко, что въ разположеніи ея, сочи-нитель не держался никакой спене-мы. *Замѣчанія о Сибири, Сенатора Корнилова*, содержащія въ себѣ, кромѣ общаго взгляда на сей любопытный

край, мнѣнія о средствахъ къ населенію онаго. Мнѣнія сіи, предложенныя государственнымъ человекомъ, конечно заслуживаютъ вниманіе всякаго Рускаго, но входивъ въ изслѣдованія о пользѣ или неудобствѣхъ предлагаемыхъ въ сей книгѣ улучшеній, предложимъ тѣмъ, которые хорошо знаютъ Сибирь и нынѣшнее ея состояніе. —

Война съ Турціей породила нѣсколько книгъ касательно сего государства. Книги сіи суть компіляціи, составленныя изъ сочиненій иностранныхъ. Лучшая изъ нихъ *Взглядъ на Европейскую Турцію и окрестности Константинополя*, собр. Г. Ладыженскимъ, а худшая та, которая явилась подъ слѣдующимъ пышнымъ заглавіемъ: *Повѣстия историческія, политическія, статистическія и географическія свѣдѣнія о Турецкой Им-*

перш. Это безпорядочная смесь описаний и сказокъ, хорошаго и посредственнаго, и, какъ видно, сдѣланная на подрядъ разными переводчиками, часто не понимавшими шексна подлинниковъ и даже иногда худо знавшими рускій языкъ. — *Историческія изслѣдованія о древностяхъ Новгорода*, сочиненіе Н. П. Муравьева, заключающъ въ себѣ многія любопытныя поясненія и многія остроумныя догадки о происраненіи, многолюдствѣ, богатствѣ и пр. сего славнаго въ старыя вѣки, торговаго рускаго города. Все эшо видитъ сочинитель не въ шомъ огромномъ размѣрѣ, какъ до него предполагали другіе писатели.

Должно бы упомянуть еще о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ историческихъ; должно бы еще пересмотрѣть нѣсколько книгъ разнаго содержанія, какъ-то:

путешественный, романовъ и повѣстей русскихъ и переводныхъ и пр. и пр.; но сіе завело бы насъ слишкомъ далеко, а Обзоръ нашъ и безъ того занялъ такое пространство, что глаза разбѣгаются. О романахъ и повѣстяхъ русскихъ можно только сказать, что въ нихъ есть надъ чѣмъ пошвыннться, но перья ушвыннтся. То же можно повторить и о нѣкоторыхъ изъ переводныхъ. Въ числѣ ихъ, должно однако же отмѣнить одинъ переводъ романа В. Скопина: *Конетабль Честерскій*, которъй хорошъ и близокъ къ подлиннику. Еще одна небольшая книжка, переведенная съ французскаго: *Правы XIX столѣтія*, замѣчательна по хорошему, легкому слогу переводчика; но снати въ ней помещенныя слишкомъ слабо обрисовываютъ картину нравовъ современныхъ.

Вотъ почти все, изъ произведеній собственно-литературныхъ , о чемъ следовало напомнить въ этомъ Обзоре. Оснальное найдешь себѣ мѣсто въ каталогахъ книгопродавцевъ , или было уже внесено въ номинальные журнальные.

P. S. Между тѣмъ , какъ Обзоръ сей печатался , появилось нѣсколько новыхъ произведеній , и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ полное право на вниманіе публики. *Баль* , повѣсть , соч. Е. Баратынскаго , представляетъ пылкій и гордый характеръ модной прелестницы изъ лучшаго круга общества , и характеръ сей является въ живой , шумной и разнообразной картинѣ большаго свѣта. Заманчивый ходъ поэмы , движеніе , быстрота разсказа , вѣрность описаній , свѣжесть красокъ и неожиданная , поразительная развязка — вотъ неопровергаемая

доскопности сей поэтической повѣ-
 сти, написанной живыми, прелест-
 ными стихами. Въвѣсть съ цѣю, яв-
 ляется *Графъ Пушкинъ*, съ которымъ
 читателямъ наши познакомились уже
 въ прошлагоднихъ *Сверныхъ Цвѣтахъ*.
 Обѣ сіи небольшія поэмы изданы подъ
 заглавіемъ: *Два повѣсти въ стихахъ*. —
Гамлетъ, Шекспира, переложенный
 съ англійскаго М. В—мъ, размеромъ
 подлинника, радуешь насъ добрымъ
 началомъ: теперь мы можемъ похва-
 литься, что имѣемъ одну изъ трагедій
 Шекспировыхъ, не искаженную по-
 правками и передѣлками, но удержа-
 ную духъ поэзіи великаго британ-
 скаго трагика; и можемъ надѣяться,
 что будемъ имѣть въ такомъ-же
 видѣ *Макбета*, *Короля Лира*, *Отелло*
 и другія изъ лучшихъ его трагедій (*).

(* Въ стихотвореніяхъ этой книжки, читате-
 лямъ найдутъ сцену изъ *Ромео и Юліи*: одну

Гецъ фонъ Берлингенъ, трагедія Гёте, переведена Г-мъ Цюгодинымъ. Переводъ довольно близокъ, но холоденъ, и предлагашель не избѣгъ ной же ошибки, въ кошорую впадалъ Г. Шевыревъ при переводѣ *Валленштейнова лагеря*: у него Немцы среднихъ вѣковъ говоряшь иногда рускія народныя поговорки. Это показывашель недоснашокъ вкуса и соображенія.— *Гвіанскій Пустыинникъ*, соч. Жуп, переводъ Г. де-Шапленна, вышелъ на свѣтъ дняхъ изъ печати. Говорить о достоинствѣ переводовъ Г. де-Шапленна было бы лишнее: публика уже ондала имъ справедливоснь.—Еще показались *Полевые Цвѣты*, альманахъ на 1828 годъ (?). Эти запоздалые *Полевые Цвѣты*, раз-

изъ опечатныхъ нашихъ позновъ передалъ уже при дѣйствіи сей трагедіи, и подарилъ издашель помшуннымъ опривкомъ.

цвѣтшіе подъ вліяніемъ осеннихъ дождей и морозовъ, ждущъ, что бѣ ихъ согрѣлъ благосклонный взоръ снисходительныхъ чинашелей и чинашельницъ. Подъ стихами и прозой сего альманаха, по большей части вѣснѣе одну и ту же подпись: С—рг—ь.

Весьма любопытная книга, знакомая уже ошчасни нашей публикѣ изъ журналовъ: *Два года въ Константинополь и Моревъ*, наконецъ вышла въ свѣтъ. Переводъ вѣренъ и слогъ переводчика хорошъ. Запруженіе въ литографированіи и разбращеніи картинокъ, вѣроятно, задерживало досель переводчика въ изданіи оной. — Здѣсь печатается еще *Живописное Путешествіе по Сициліи*, одного нашего соотечественника; книга сія издана будетъ съ прекрасными италіанскими гравюрами. — На будущій годъ обѣщаюнь намъ еще два новыхъ журнала:

здѣсь, въ Санктпетербургѣ—*Сверный
Вѣстникъ*, коего издашелемъ будетъ
Г. Олшнь. Сколько книжекъ выйдетъ
въ годъ, не извѣстно, а обѣцано ихъ
24. Въ Москвѣ будетъ издаваться
Галатея, Г-мъ Ранчемъ. Увидимъ,
какъ-но новый Пигмалионъ оживитъ
свою Галатею!

О. Соловь.

IV ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

День былъ праздничный. Гаврила Аванасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пришеледей. Въ обширной залѣ навывала длинный столъ. Госни съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными оныя зашворничества домашняго указами Государя и собственнымъ Его примѣромъ. Маша Гавриловна поднесла каждому госпо сребрянный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалья, что поцѣлуй, получаемый

вешарину при такомъ случаѣ, вышель
ужь изъ обыкновенія ; пошла за столомъ.
На первомъ мѣсѣ, подлѣ хозяина,
сѣлъ шестъ его Князь Борись Алексѣе-
вичъ Львовъ, 70-ти лѣтній Бояринъ ;
прочіе госени, наблюдая старшинство
рода, и шѣмъ поминная счастливыя
времена мѣшинчества, сѣли—мужчины
по одной сторонѣ, женщины по дру-
гой ; — на концѣ заняли свои при-
вычныя мѣста : барская барыня, въ
старинномъ шушунѣ и кичкѣ ; карлица,
30-ти лѣтняя малюшка, чопорная и
сморщенная, и лѣтній панцмейстеръ,
въ синемъ попошеномъ мундирѣ. Столъ,
ушавленный множествомъ блюдъ, былъ
окрыженъ сущанвой и многочисленной
челядью, между кошорою отличался
дворецкой спрогимъ взоромъ, пол-
нымъ брюхомъ и величавой непо-
движностію. — Первая минуны обѣда
посвящены были единственно на вни-

маніє къ произведеніямъ спаринной панней кухни, звошь шарелокъ и дѣльныхъ дожекъ возмущала одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяинъ, видя, что время занято гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: а «гдѣ-же Екимовна? Позванъ ея сюда.» Пѣсколько слугъ бросились было въ разные стороны, но въ ту же минуту старая женщина, набѣленная и парумищенная, убранныя цвѣтами и мишуурою, въ шифонномъ роброндѣ, съ открытой шеей и грудью, вошла пригъвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

— «Здравствуй, Екимовна,» сказала К. Лыковъ, «каково поживаешь?»

— «По добру по здорову, кумъ: поючи да плясучи, женишковъ поджидаячи.»

— «Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

— « Наряжалась, кумь, для дорогихъ гостей, для Божіа праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всему міру, по швецкому маніру. »

При сихъ словахъ поднялся громкой хохотъ, и дура спала на свое мѣсте, за спуломъ хозяина.

— « А дура-но врешь, врешь, да и правду соврешь, » сказала Ташьяна Аванасьевна, старшая сестра хозяина, сердечно имъ уважаемая. « Подлинно пышнѣйшіе наряды на смѣхъ всему міру. Коли ужь и вы, банюшки, обрили себя бороду и надѣли кургузый кафшань, шакъ про женское преръе толковашь, конечно, нечего: а право жаль сарафана, дѣвичьей лентны и повойника. Вѣдь посмотрѣли на пышнѣйшихъ красавицъ, и смѣхъ и жалость: волоски то взбины, чпо войлокъ, насалены, засыланы французской му-

кою, животикъ перетянувь такъ, чшо еде не перервешся, исподниці напялены на обручи: въ колымагу садяшся бочкомъ; въ двери входяшь — пагибаюшся. Ни ешашь, ни сѣшешь, ни духъ перевесити — суція мученицы, мои голубушки.

— « Охъ, мапушка Татьяна Аѳанасьевна, » сказала Кирила Петровичъ Т., бывшій въ Рязани воевода, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, по и другое съ грѣхомъ пополамъ. « По мнѣ жена какъ хочешь одѣвайся: хонь кушафьей, хонь болдыханомъ; шолько бь не каждый мѣсяць заказывала себѣ новыя плашья, а прежніи бросала повѣшенькія. Бывало внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшніе робронды — поглядишь — сегодня на барынь, а завпра на холонокъ. Чшо дѣлашь? разореніе рускому дворяншву! бѣда, да

★★

и шолько.» При сихъ словахъ, оны со вздохомъ посмопрѣль на свою Марью Ильиничну, копорой, казалось, вовсе не нравились ни похвалы снгаритѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почиталась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— «А кто виноватъ,» сказала Гаврилла Аванасьевичъ, набѣгая кружку кислыхъ щей, «Не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся; а мы имъ пошакась.»

— «А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирила Петровичъ. «Иной бы радъ былъ запереть жену въ перемѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ требуюшь на ассамблею; мужъ за пидежку, а жена за наряды.— Охъ ужь энтѣ ассамблеи! наказаль насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинична спдѣла, какъ на
иголкахъ; языкъ у нея шакъ и свер-
бѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и
обращаясь къ мужу, спросила его съ
кисленькой улыбкою, что находишь
онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

« А по въ нихъ дурно, » ошвѣчала
разгоряченный супругъ, что съ шѣхъ
поръ, какъ онъ заведись, мужья не
сладяшь съ женами. Жены позабыли
слово Апостольское: *жена да убоится*
своего мужа. Хлопочуть не о хозяйствѣ,
а объ обновкахъ; не думаютъ, какъ бы
мужу угодишь, а какъ бы приглянушь
офицерамъ вершопрахамъ. Да и при-
лично ли, сударыня, русской боярынь
или боярынищѣ находишь вмѣстѣ съ
Нѣмцами - табачниками, да съ ихъ
работницами? Слыхано ли дѣло, до
ночи плясанъ и разговариванъ съ
молодыми мужчинами? И добро бы еще

съ родственниками, а шо съ чужими, съ незнакомыми.

— « Сказаль бы словечко, да волкъ не далечко, » сказаль, нахмурясь, Гаврила Аѳанасьевичъ; « а признаюсь— ассамблей и мнѣ не по праву: шого и гледи, что на пьянаго нашколишесь, аль и самаго на смѣхъ пьянымъ напойшь. Того и гледи, чтообъ какой-нибудь повѣса не напроказиль чего съ дочерью; а нынче молодежь такъ избаловалась, что ни на что не похоже. Вотъ, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К на прошедшей ассамблей, надѣлалъ шакого шуму съ Нашашей, что привелъ меня въ краску. — На другой день, гляжу, каишь ко мнѣ прямо на дворъ; я думаль, кого-шо Богъ несетъ, ужь не Князя-ли Александра Даниловича? Не шуть-шо было: Ивана Евграфовича! небось, не могъ остановишься

у воропъ, да поспруднисья пѣнкомъ
дойши до крыльца — куды! влешель!
разшаркался! разболнался! что и
боже унаси, Дура Екимовна уморинель-
но его передразниваешь; кешани:
предешавъ, дура, заморскую обезьяну. »

Дура Екимовна схватила крышку
съ одного блюда, взяла подъ мышку
будто шляпу и начала кривляясь,
шаркань и кланяясь во все стороны,
приговаривая: « мусье . . . мамзель . . .
ассамблея . . . пардонъ. » — Общій и
продолжительный хохонъ снова изъ-
являлъ удовольствіе гостей.

— « Ни дашь, ни взяшь — К. , »
сказалъ старый князь Лыковъ, опирая
слезы смѣха, когда спокойствіе мало
по малу возстановилось. « А что
грѣха шаяшь? Не онъ первый, не
онъ послѣдній воропился изъ Нѣмеччи-
ны на сваяную Русь скоморохомъ.

Чему тамъ научаются наши дѣти? Шаркашь, болташь, Богъ въсѣхъ на какомъ нарѣчїи, не почитаешь старшихъ, да волочишься за чужими женами. Изъ всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ, (прости Господи), Царской Арапъ всѣхъ болѣе на челоуѣка походитъ.

— « Ахши! башонка князь, » сказала Татьяна Аѳанасьевна: « видѣла, видѣла его близехонько: какая жь у него страшная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную! »

— « Конечно, » замѣтилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, « челоуѣкъ онъ степенный и порядочный, не чета въпрогону. . . . Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужь не опань ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скоты? » продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ: « бѣгите, откажите ему; да чтобы и впредь. . . . »

— « Старая борода, не бредишь ли? »
перервала дура Екимовна. « Али шы
сѣшь: сани-шо Государевы, Царь
прѣхаль. »

Гаврила Аонасьевичъ вешалъ по-
стѣнно изъ-за енода; все бросался
къ окнамъ; и въ самомъ дѣлѣ увидѣли
Государя, копорый выходилъ на крыль-
цо, опираясь на плечо своего день-
щика. Сдѣлалась сумашоха. Хозяинъ
бросился навстрѣчу Петра; слуги раз-
бѣгались, какъ одурѣлые, госини пере-
прусились, иные даже думали, какъ бы
убрашья поскорѣ домой. Вдругъ въ
передней раздался громозвучный голосъ
Петра, все ушхлю и Царь вошелъ,
въ сопровожденіи хозяина, ошоронѣ-
лаго ошь радости. « Здорово, госнода, »
сказаль Петръ съ веселымъ лицемъ.
Все низко поклонилсь. Быстрые взоры
Царя опыскали въ шолѣ молодую
хозяйскую дочь; Онь подозваль се.

Нашаля Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покрасѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ ошь часу хорошеешь,» сказала ей Государь и по своему обыкновению, поцѣловалъ ее въ голову; пошомъ обратился къ госнямъ, — «Что же? Я вамъ помѣшалъ. Вы обѣдали; прошу садиться оняшь, а Миѣ, Гаврила Аѳанасьевичъ, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него подносъ, самъ наполнилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ Государю. Петръ, выпивъ, закусилъ кределемъ и впорично пригласилъ госпей продолжатъ обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнїя мѣста, кромѣ карлицы и барской барыни, конорья не смѣли оставашься за столомъ, удосноеннымъ Царскимъ присутствїемъ. Петръ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себе

щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоповою косною, ножикъ и вилку съ зелеными костяными черенками, ибо Петръ никогда не употреблялъ другаго прибора, кромѣ Своего. Обѣдь, за минушу предъ симъ шумно оживленный вселіемъ и говорливостию, продолжался въ тишинѣ и принужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости, ничего не ѣлъ, гости также чинились и съ благоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-нѣмецки разговаривалъ съ лѣвнымъ Шведомъ о походѣ 1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ вопрошаемая Государемъ, отвѣчала съ какою-то робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ) вовсе не доказывало природной ея глупости. Наконецъ обѣдь кончилась. Государь всталъ, за нимъ и всѣ гости. «Гаврила Афанасьевичъ!» сказалъ Онъ хо-

зину: «Мнѣ нужно съ побою погово-
рить на единѣ,» и взявъ его подъ
руку, увелъ въ гостиную и заперъ за
Собою дверь. Гости осмались въ
сноловой, но потомъ толкуя объ этомъ
неожиданномъ посѣщеніи, и опасаясь
быть нескромными, вскорѣ разѣха-
лись одинъ за другимъ, не поблагода-
ривъ хозяина за его хлѣбъ-соль.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ МОРСКОМЪ ПОХОДѢ ИЗЪ ПЕТЕР-
БУРГА КЪ ВЫБОРГУ (1710 ГОДА, (*))

(Историческій Отрывокъ).

Что сдѣлало Петра великимъ? Что
заслужило Его жертвованіе Собою
для преобразования Россіи, для упро-
ченія ея славы и могущества побѣ-

(*)) Въ *Журналѣ Петра Великаго* (Часть I),
въ сочиненіи Голицына: *Дѣянія Петра Великаго*
и проч. (Часть III) и въ *Марсовой книгѣ* упоми-
нуто вкратцѣ о трудностяхъ, претерпѣнныхъ
Императоромъ Петромъ Великимъ, въ слѣдованіи
моремъ отъ С. Петербурга до Выборга. Въ *Военной*

дами и полезными завоеваніями? Лю-
бовь къ Опечесиву! Только сіе воз-

*Исторіи походовъ Россіянъ въ XVIII столѣ-
тіи*, соч. Г. Бушуряна (часть II), о семъ об-
стоятельствѣ сказано нѣсколько словъ. — Его Прев.
Петръ Григорьевичъ Бушковъ, извѣстный люби-
тель и знатокъ Россійскихъ древностей, собиравъ
мнѣ рукопись, полученную имъ отъ Г. Выборгскаго
Командира, Г. Л. Бургарна Максимовича Берха,
въ конторой описывающагося съ величайшею подроб-
ностью всѣ подробности сего знаменитаго и
многошруднаго морскаго похода Государя Петра
Великаго, и особенно опасности, конторымъ Онь
подвергся подъ свѣтами самой крѣпости. Сихъ
подробностей не нашелъ я ни въ вышеупомяну-
тыхъ книгахъ, и ни въ одномъ изъ извѣстныхъ
мнѣ сочиненій о подвигахъ Петра Великаго. Будучи
утѣренъ, что все касающееся до безсмертнаго Пре-
образователя Россіи любезно рускому сердцу, я со-
спавилъ, основываясь на сообщенной мнѣ рукопи-
си, краткую справку о семъ морскомъ походѣ, въ
конторѣмъ Петръ Великій столько кратъ жернцо-
валъ Собою для блага Своихъ подданныхъ, и помѣ-
стилъ въ оной подробностію, конторыя, какъ мнѣ
кажется, повнѣ осматривались неизвѣстными.

Соч.

вышнее чувство можетъ вознестъ проснаго гражданина выше людей обыкновенныхъ, и Государя выше смертныхъ. Славолубіе разчепливо, подобно всемъ опраслямъ эгоизма, Любовь къ Отечеству не знаетъ никакихъ разчеповъ, никакихъ личностей, и заснавая челоуѣка забывая свое собственное существованіе, такъ сказашь, снваетъ его быніе съ общимъ благомъ, порождая въ возвышенной душѣ чувство самоопроверженія. Истинный любитель Ошчества въ немъ одномъ видить свою жизнь, свое счастье, свое богатство. Таковъ былъ Петръ, поименный названный Великимъ, Опцемъ Ошчества!

Адмираль графъ Апраксинъ осаждалъ Выборгъ. Недоснанокъ въ артиллеріи, боевыхъ снарядахъ и продовольствіи, довелъ малочисленное войско его до крайности. Окрешная

спрана была разорена, море покрыто льдомъ, даже самое ошешупленіе ошь Выборга не спасло бы чешн рускаго оружія : изнуренныя лошади не могли двгашь орудій : голодная смершь ожидала воиновъ на обратномъ пуши. Адмиралъ писалъ Государю : « спаси насъ, Государь! солданы Твоя погибнуть бѣденвенно безъ славы и безъ пользы для ошечешва. » Сердце Оица Ошечешва обавалось кровью, при мысли объ опасносши, угрожавшей Ею вѣрнымъ воинамъ. Ои рѣшился, во что бы не ешало, спасши ихъ. — Государь повелѣлъ флоту Сьо-ему съ провіантскими судами выешупишь въ море, шончасъ по вскрышии Невы. Эскадрю начальешвовалъ Вице-Адмиралъ Крюйсь : Государь былъ на флотѣ въ званіи Конширь-Адмирала. 30 Аирѣля флотъ выешупилъ изъ Кроншпаша; но едва отошела 20 верешь,

какъ передовые суда возвратились съ извѣщеніемъ, что по причинѣ множествва льда, не возможно дойти даже до Березовыхъ острововъ. Гдѣ только опасность, тамъ видимъ Петра впереди. Онъ пошелъ на своей шнявѣ далѣе въ море, чтобы удостовѣриться въ истинѣ донесенія. Едва не заперло льдомъ шнявы, на которой былъ Государь и Онъ съ величайшимъ трудомъ и опасностью дошелъ до берега (при урочищѣ Курома), въ шестидесяти миляхъ отъ Березовыхъ острововъ и бросилъ якорь по близости гребнаго флота, бывшаго подъ начальствомъ Шаубенахта Боциса. Туда же прибылъ и Вице-Адмиралъ Крюйсъ, не взирая на все препятствія. Примѣръ Государя невольно увлекаетъ подданныхъ на поприще славы и опасности.

Въ ночь, съ 1 Мая, льдомъ и печеніемъ оштрѣзало галеры и провіантскія

суда ошь корабельнаго флота, и унесло ихъ въ море. Самые опытные моряки были въ отчаяннн, и не знали, какъ пособить ему новому бѣдствію. Петръ Великій нашель средснво въ Своемъ генн. Въ совѣтѣ, Онъ подалъ мнѣніе, положншь начало успѣхамъ надъ врагомъ, побѣдою надъ самою природою: разбишь большими кораблями ледъ и такимъ образомъ дошедь до галеръ и ласновыухъ судовъ, спашь на якорь; послѣ того мелкимъ судамъ прикрѣпншься къ большимъ, и общнми силами возпрошнвшися наппеку льдовъ. — Государю сказали, что первыя суда, кошорымъ должно пробнвать ледъ, подвергнушетя величайшей опасности. « Для спасенія сполькнхъ людей надобно пенншашь все средснво, » ошвѣчалъ Государь: « Я Самъ пойду впередъ! » — Все бывшіе въ совѣтѣ умоляли Государя посланъ кого

либудь другаго, утверждая, что въ случаѣ бѣдствія, не возможно будешь даже поданъ ему помощь. — Государь не соглашался уступити другому сіе почетное порученіе, говоря: «кто охотнѣе Меня выполнитъ это? здѣсь дѣло идетъ о Монхъ дѣляхъ.» — Тогда Вице-Адмиралъ Крюйсъ употребилъ власнѣ, данную ему Самимъ Государемъ, и по чину будучи старшимъ на флотѣ, поручилъ исполнити сіе предпріятіе капитанамъ: Виллимоветскому съ кораблемъ Демокриномъ и Валранну съ бомбардирскимъ галіономъ. Государь не хотѣлъ преспунашь собешвенныхъ своихъ повелѣній и съ прискорбіемъ повиноваея Вице-Адмиралу. — Успѣхъ сошвеншвовалъ предположеніямъ Государя. Большія суда, пушшвшисъ по вѣтру на вѣсхъ парусахъ, разбили ледъ и шали на якоряхъ, а галеры и ласшовья суда помѣшвлисъ

* *

за кораблями. Ледъ пронесло въ ночи, и флотъ достигъ благополучно до Березовыхъ острововъ.

Здѣсь (2 Мая) Государь получилъ снова письмо изъ подъ Выборга отъ Адмирала графа Апраксина, что у него остается продовольствія только на нѣсколько дней, что войско должно скоро начать питаться лошадинымъ мясомъ, а послѣ того гибнуть голодною смертию. «Впередь!» воскликнулъ Государь, прочитавъ письмо. Къ Адмиралу графу Апраксину послалъ офицера съ извѣщеніемъ, что помощь уже въ пуни, и повелѣніемъ, что бы онъ прискивалъ мѣсто для выгрузки. Посланный возвратился; не исполнивъ порученія, по невозможности пристать къ берегу за множествомъ льда. Это еще болѣе тревожило Государя и заставляло спѣшнѣе къ Выборгу.

Государь повелѣлъ корабельному флоту опасаться при Березовыхъ островахъ, а Самъ вознамѣрился съ галерами и ласповыми судами пробираться между льдами къ Выборгу. Военный совѣтъ просилъ убедительно Государя поручить исполненіе сего предпріятія Шаубенахту Боцису. Государь явился въ совѣтъ во всемъ величій Самодержца, и рѣшилась объявить, что Опы никому не хочеть поручать исполненія сего опаснаго подвига, примолвивъ: «Я смѣле могу употребить всевозможныя средства, не опасаясь ответственности, тогда какъ Боцисъ долженъ отвѣчать и за себя и за другихъ. — Я Самъ хочу подать помощь Моимъ храбрымъ солдатамъ!» Совѣтъ долженъ былъ согласиться, и упросилъ Государя объ одномъ — отложить походъ до утра, потому что въ этотъ день море было покрыто льдомъ на

необозримое пространство. Офицеры и матросы провели ночь в молитвах о здравии и спасении Царя.

Наконецъ 5 Мая ледъ съдвинулся рѣже, подулъ попутный, хотя и слабый вѣтеръ и Государь выступилъ въ походъ. Но едва флотилія успѣла отойти до веревъ, какъ вѣтеръ повѣялъ съ моря и льдомъ заперло все проходы. Опасались, что при усиливающеюся вѣтеръ, скопившимся льдомъ разобьются мѣлки суда. Великій умъ Петра снова нашелъ средство къ спасенію: Онъ повелѣлъ флотиліи снаться за мысомъ, при самыхъ мѣляхъ, чтобы избѣгнуть написка льда. Въ ночи ледъ прошелъ съ шумомъ и невѣроятною силой, при большомъ волненіи: онъ безъ сомнѣнія унесъ бы съ собою большую часть судовъ и разбилъ бы ихъ въ щепы. Флотъ, спасенный отъ одной опасности, пошелъ въ другую. Суда,

сноявшія близъ мѣлей, осыли на оныхъ при убыли воды. Государь приказалъ перегрузить тяжести на малыя гребныя суда и снаскивать съ мѣлей галеры и ласновыя суда: Онъ Самъ провелъ цѣлую ночь въ надзоръ за работниками, и къ утру флотилія, дважды спасенная онъ погибши Петромъ Великимъ, пошла въ море, при слабомъ вѣтрѣ. 6 Мая, около 5 часовъ по полудни, поднялась ужасная буря. Море кипѣло и волны, воздымаясь какъ горы, несли ледъ, которымъ снова заперло все плесы. Наступила ночь. Сильные порывы вѣтра, ревъ моря, смѣшанный съ шорохомъ льда, приводилъ въ трепень самыхъ неуспрашиваемыхъ моряковъ. Петръ пребылъ хладнокровенъ. Онъ снова пославилъ флотилію Свою у береговъ и ожидалъ утишенія бури, увѣщая опочаившихъ Своихъ спутниковъ уповать на Бога

и не терять надежды. Буря утихла, но то же несчастіе, что и въ прошлый день, постигло флотилію. — Но събитіи воды, большія суда снова осыпн на мели и надлежало употребить нѣ же среденва и нѣ же пруды къ спасенію флотиліи. Государь Своимъ примѣромъ ободрялъ усмалыхъ мапрсовъ, и Самъ начальствоваль надъ рабонами, продолжавшимся цѣлую ночь. Офицеры просили Государя ошдохнуть. «Могу ли Я покопнсья,» ошвѣчалъ Великій: «когда Моимъ поданнымъ угрожаеть голодная смернсь, а Россіи спыдь.» — 7 числа подуль поупный въпрь, но ледь видѣнъ былъ въ морь. Надлежало держансья по близоспи береговъ. Государь шель впереди на шлюпкъ, безпрестанно измѣряя глубнну. Въ темную ночь, Огн имѣль фанарь на своей мачнѣ, для снгнальныхъ знаковъ. Никпо не смь-

каль глазъ на флотъ. — Взоры всѣхъ успрямлены были на роковой блескъ, который въ то время былъ свѣщильникомъ Самого Провидѣнія. Когда фанарь опускался, весь флотъ османавливался: это означало, что шлюпка Государева нашла на мель и неушомимый Петръ кружилъ въ морѣ, съ дономъ въ рукѣ, пока не находилъ глубины. Тогда фанарь снова свѣщилъ на мачтѣ и флотъ снимался съ якоря. Моряки проливали слезы оны умиленія, видя такую заботливость Самого Государя о ихъ спасеніи. Наконецъ, 8 числа въ 10 часовъ по полуночи, Государь дошелъ урочища Шнранзундъ, гдѣ находилась русская башня-рея, для удержанія шведскаго флота оны поданія помощи осажденному Выборгу. — Здѣсь Государь оидохнулъ четыре часа, провелъ безъ сна и въ безпрестанномъ шрудѣ двое сутокъ

съ половиною. Ошеюда Онъ послалъ къ Адмиралу графу Анракенну секретную инструкцію и повелѣніе прислать лоцмановъ, сдѣлавъ разпоряженіе, въ какомъ порядкѣ слѣдовать флоту, одѣвъ Своихъ мажорсовъ и солдатъ въ шведскіе мундиры, велѣвъ вышавити шведскіе флаги и отправился къ Выборгу. 9 Мая, въ 8 часу утра, флотилія поравнялась съ русскими башняреями, успросиными въ 12 вершинахъ отъ Выборга. По повелѣнію Государя, съ русскихъ башнярей открыли пальбу, какъ будио по флоту непріятельскому и съ нашей флотиліи отвѣщивовали также залпами. Въ крепости радовались, думая что къ нимъ идетъ помощь. — Гарнизонъ и жители шотмань на городскихъ сѣняхъ. Наконецъ флотилія приблизилась къ крепости на пушечный выстрѣлъ: Государь былъ впереди на десятише-

сельной шляпкѣ; за Нимъ шагнулись
 ласновыя суда съ продовольственнымъ,
 боевыми снарядами и вспомогатель-
 ною артиллеріею. Галеры осмались
 при русской башарѣ, занимаясь пере-
 стрѣлкою, какъ будто для того,
 что бы способствовать судамъ войти
 въ крѣпость. Изъ русскихъ шанцевъ
 и башарей, усмотренныхъ подъ крѣ-
 постью, не было пальбы. Когда Госу-
 дарь подошелъ на шляпкѣ подъ пушки
 крѣпости, Выборгскій Комендантъ въ
 избытокъ радости отворилъ ворота
 и вышелъ съ своимъ штабомъ на
 встрѣчу къ мнимоу начальнику вспомо-
 гательныхъ войскъ. Государь при-
 ближался къ берегу тихою греблею
 и когда увидѣлъ, что ласновая фло-
 тилія подошла подъ пушки, тогда, по
 данному знаку, все рускія суда по-
 воронили къ рускому лагерю, и въ
 ту же минуту со всехъ русскихъ баш-

тарей спали мешавъ бомбы въ крѣпость и открыли ужасную канонаду. Изъ крѣпости снами также стрѣляли ядрами и картечами по флоту, устремляя большую часть выстрѣловъ на шлюпку Государеву.

Рускіе съ ужасомъ взирали на шествіе Государево: одни усердно молились о Его здравіи, другіе въ отчаяніи проливали слезы и беспомощные пренесали, видя въ неизбежной опасности Отца Отечества. Изъ рускаго лагеря видѣли, какъ ядра и картечи ударялись въ воду вокругъ шлюпки Государевой, но перелетая черезъ голову, по не долетая. Вода брызгала отъ повноряемыхъ ударовъ и заливала шлюпку (*). Съ каждымъ выстрѣломъ непріятельскимъ раздавались въ рускомъ лагерьѣ жалосные вопли,

(*) Слова рукописи. Сог.

каждое мгновение считали послѣднимъ въ жизни Великаго. Но Провидѣніе спасло мудраго Преобразователя Россіи для дальнѣйшихъ подвиговъ. Всѣ, бывшіе при Государѣ, оспались невредимы: ни одно судно не пощуплено. Десница Всевышняго руководила смѣлымъ предпріятіемъ Рускаго Царя, для спасенія Его подданныхъ. Слезы и рыданія русскихъ воиновъ не прекратились, когда Государь вышелъ на берегъ: «О чемъ вы плачете, друзья?» спросилъ Петръ. «О Тебѣ, Государь!» отвѣчали генералы и просиные воины: «мы видѣли, какой опасности Ты подвергался, и уже не надѣялись видѣть Тебя.» Государь поблагодарилъ ихъ за любовь, разцѣловалъ всѣхъ, и прибывъ въ ставку Адмирала графа Апраксина, подчивалъ всѣхъ изъ Своихъ рукъ водкою. — День провели въ радости. При захожденіи солнца,

Государь осмапириваль лагерь и ночеваль въ славкѣ адмиральской.

Комендантъ Выборгской крѣпости, полковникъ Шерншпраль, былъ въ опчаяніи. Онъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ доведенъ былъ до такого ослабленія, что даже не выслалъ боновъ для освѣдомленія о новоприбывшихъ и допустилъ ихъ къ самымъ крѣпостнымъ вѣрошамъ. Узнавъ, что на передней шлюпкѣ находится Самъ Государь, шведскій Комендантъ сказалъ окружающимъ его: «дѣяніями Рускаго Царя управляеть Само Провидѣніе : смиримя предъ Его Святою волею.»

Сдѣлавъ все нужныя распоряженія и заложивъ новыя осадныя работы по собственному Своему плану, Государь воспользовался благопріятнымъ вѣтромъ и выпустилъ въ море, 15 Мая.— Петръ снова провель благополучно

Свою ласповую флотилію подъ пушками крѣпости, занявъ оную канонадою и бомбардированіемъ съ нашихъ баннарей. 18 числа, въ 6 часу утра Государь прибылъ благополучно съ ласповою флотилією къ Березовымъ островамъ, и соединившись съ корабельнымъ флотомъ, возвратился въ Кронштадтъ, въ 8 часу. — Въ ночь же день, въ 4 часа по полудни, сильный шведскій флотъ пришелъ къ Березовымъ островамъ, съ тѣмъ, чинить заперевъ нашей эскадрѣ выходъ изъ Финскаго залива, возпрепятствовать ей подать помощь рускому войску, осаждавшему Выборгъ. Но въ какое удивленіе приведены были Шведы, узнавъ, что Государь уже кончилъ великое предпріятіе, которое по ихъ разсчету шестеръ только можно было начать. — Начальникъ шведскаго флота едва вѣрилъ вѣсти, и доносилъ

Сенату о семъ произшествіи, сознавался, что геній Рускаго Царя торжествуетъ надъ счастіемъ и природою.

Разпоряженіи Петра Великаго при осаде и доснавленнаи Имъ осаждавшему войску помощь, перемѣнили обстоишельства. Выборгскій гарнизонъ спалъ переговариванься о сдаче крѣпости и Государь поспѣшалъ изъ Пешербурга къ Выборгу сухимъ путемъ, для окончанія переговоровъ. Онь прибылъ туда 11 числа Іюня. На другой день подписана капитуляція, посланная въ крѣпость съ капитаномъ гвардіи Семеномъ Нарышкинымъ. Въ рускомъ лагерь послелъ слухъ, разпространенный выходцами изъ крѣпости, что подъ ворашиами и на улицахъ оной устроены пороховые подконы, которые будутъ взорваны при вступленіи Рускихъ въ

крѣпость. Адмиралъ графъ Апраксинъ и всѣ Генералы просили Государя перемѣнить намѣреніе и не входить первому въ крѣпость, съ Преображенскимъ полкомъ. — « Тебя всѣ знаютъ, Государь, » сказала Апраксинъ: « и одинъ злодѣйскій вышуртъ превратитъ наше шоржество въ вѣчную скорбь. Подожди, пока шведское войско выйдетъ изъ города и наши займутъ его; тогда вступи шоржественно. » — « Уповаю на Бога, » отвѣчалъ Государь: « благодаренъ Его. ошведю Мнѣ силна (*)! Не говорите Мнѣ больше объ этомъ. » — Петръ Великій первый вступилъ въ покоренную крѣпость, 14 Іюня, и шествовалъ впереди Преображенскаго полка, въ полковничьемъ мундирѣ. Шведы съ удивленіемъ взирали на

(*) Подмѣныя слова рукописи. Сос.

героя, которому попомество удив-
ляешся гораздо болѣе, чѣмъ въ одномъ
лицѣ неуспрашимаго воина, некус-
наго полководца, мудраго законода-
теля и водворителя просвѣщенія въ
Россіи.

Ө. Булгаринъ.

УЕДИНЕННЫЙ ДОМИКЪ НА ВАСИЛЬЕВСКОМЪ.

П о в ѣ с т ь .

Кому случилось гулять кругомъ всего Васильевского острова, поспѣвъ безъ сомнѣнiя замѣтить, что разные концы его весьма мало похожи другъ на друга. Возьмите южный берегъ, уславленный пышнымъ рядомъ каменныхъ, огромныхъ спросенiй — и северную сторону, которая глядитъ на Пешовскiй островъ и вдается длиною косою въ сонныя воды залпа. По мѣрѣ приближенiя къ этой окрестности, каменные зданiя, рѣдѣя,

успупають мѣсто деревяннымъ хижинамъ; между ними хижинами проглядываютъ пустыри; наконецъ спроектие вовсе исчезаетъ и вы идете мимо ряда проспорныхъ огородовъ, который по лѣвую сторону замыкается рощами; онъ приводитъ васъ къ послѣдней возвышенности, украшенной однимъ или двумя европайскими домами и нѣсколькими деревьями; ровъ, заросшій высокою кранивой и ренейникомъ, отдѣляетъ возвышенность отъ вала, служащаго оплопомъ отъ разливовъ; а дальше, лежить лугъ, вязкій какъ болото, соединяющій взморье. И лѣпомъ печальны снѣга пустынные, а еще болѣе зимою, когда и лугъ и море и боръ, обняющій противоположные берега Петровскаго острова — все погребено въ сѣдые сугробы, какъ будто въ могилу.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ , когда сей околотокъ былъ еще уединеннѣе , въ низкомъ , но обширномъ деревянномъ домикѣ , около означенной возвышенности , жила спарушка , вдова одного чиновника , служившаго не помню въ конторой изъ Коллегій. Оставляя службу , онъ купилъ эшопъ домикъ вмѣстѣ съ огородомъ , и намѣренъ былъ завести небольшое хозяйство ; но кончина помѣшала исполненію дальнѣхъ его замысловъ ; вдова вскорѣ нашла себя принужденною продать все , кромѣ дома , и жить малымъ денежнымъ досплаткомъ , накопленнымъ певными , а можетъ быть иногда и грѣшными прудами покойнаго. Все ея семейство составляли дочь и преспарѣлая служанка , бывшая въ должностяхъ горничной и вмѣстѣ кухарки. Вдалекѣ отъ свѣща , вела она тихую жизнь , конто-

рая при всемъ своемъ однообразіи казалась бы счастливою. По праздни- камъ въ церковь; по буднямъ устро- за работою; послѣ обѣда, мать ви- жеть чулокъ, а молодая Вѣра чп- таетъ ей Минею и другія священныя книги, или занимается съ нею гада- ніемъ въ карны — препровожденіе вре- мени, которое и нынѣ въ обыкно- веніи у женщинъ. — Вѣра давно уже достигла того возраста, когда дѣ- вушки начинаютъ думать, какъ гово- рится въ просторѣчій, о томъ, какъ бы приспособиться; но главную черту ея права составляла младенческая простота сердца; она любила мать, любила по привычкѣ свои вседневныя занятія и довольная наспоющимъ, не цѣшала въ душѣ черныхъ предчувствій на счетъ будущаго. Снарушка мать думала иначе: съ грустью помышляла она о преклонныхъ лѣтахъ своихъ, съ

отчаяніемъ смирилась на разцвѣтшую красону двадцати-лѣтней дочери, которой въ бѣдномъ одиночествѣ не было надежды когда либо найтти супруга-покровителя. Все это иногда заспаивало ее посковавъ и тайно плакавъ; съ другими спарухами, она не знаю почему, водилась вовсе не охотно; за то ужь и спарухи не слишкомъ ее жидовали; онѣ полковали, будто съ мужемъ жила она подь копецъ дурно, уптшавъ ее ходилъ подозрительный пріисель; мужъ умеръ скоропостижно и — Богъ знаетъ, чего не придумаешь злорѣіе.

Одиночество, въ коемъ жила Вѣра съ своей матерью, нзрѣдка было развлекаемо посѣщеніями молодого, достачнаго опдаленнаго родспвенника, который за нѣскольکو лѣтъ пріѣхавъ изъ своей деревни служилъ въ Пешербургъ. Мы условимся называвъ

его Павломъ. Онъ звалъ Вѣру сестрицею, любилъ ее, какъ всякой молодой челоуѣкъ любитъ пригожую, любезную дѣвушку, угождалъ ее мапери, у которой и былъ, какъ говорится, на примѣнѣ. Но о союзѣ съ нимъ напрасно было думать: онъ не могъ часно явѣщати семью Васильевекаго острова. Этому мѣшали не дѣла и не служба: онъ пѣмъ и другимъ занимался довольно небрежно; жизнь его состояла изъ досуговъ почти непрерывныхъ. Павелъ принадлежалъ къ числу тѣхъ разсудительныхъ юношей, которые терпѣть не могутъ излишества въ двухъ вещахъ: во времени и въ деньгахъ. Онъ, какъ водилося, искалъ, и пріискалъ услужливыхъ товарищей, которые охотно избавляли его отъ сихъ совершенно лишнихъ опягощеній и на его деньги помогали ему издерживать время. Каршежная игра, увеселенія,

ночные прогулки — все призывано было въ помощь; и Павелъ былъ счастливейшимъ изъ смертныхъ, ибо не видалъ, какъ ушекали дни за днями и мѣсяцы за мѣсяцами. Разумѣется, не обходилось и безъ непріятностей: иногда кошелекъ опустѣеть, иногда совѣсть проснется въ душѣ, въ видѣ разкаяніи или мрачнаго предчувствія. Что бы облегчить себѣ новое бремя, онъ сперва держался обыкновенія посѣщанія Вѣру. Но могъ ли онъ безъ угрызений сравнить себя съ этою невинною, добродѣтельной дѣвушкой? — И такъ необходимо было искать другаго средсва. Онъ скоро нашелъ его въ одномъ изъ своихъ соучастниковъ веселія, изъ котораго сдѣлалъ себѣ друга. Этого друга, котораго Павелъ зналъ подъ именемъ Варѣоломея, часто наславлялъ его на такія проказы, какія и въ голову не пришли бы простодуш-

тому Павлу; за то онъ умѣлъ всегда и выпустать его изъ опасныхъ послѣдствій; главное же, неоспоримое право Варѣоломея на шишуль друга соспоило въ помъ, что онъ въ нуждѣ снабжалъ нашего юношу припасомъ, кошораго излишество пнягосишно, а недостатокъ еще пнягосинѣе—именно деньгами. Онъ такъ легко и скоро доспавалъ ихъ во всякомъ случаѣ, что Павлу на сей счетъ приходили иногда въ голову странныя подозрѣнiя; онъ даже рѣшался вынынать сію шайну ошъ самого Варѣоломея; но какъ скоро хотѣлъ приступить къ своимъ разспросамъ, сей послѣдній однимъ взглядомъ его обезоруживалъ. Припомъ: « что мнѣ за дѣло, » думалъ Павелъ, « какими средствами онъ добываетъ деньги? Вѣдь я за него не пойду на кашоргу... ни въ адъ! » прибавлялъ онъ шихомолкомъ ошъ своей совѣсни. Варѣ-

еоломей къ тому же имѣлъ искусство убѣждать и силу нравиться, хотя въ невольныхъ его порывахъ нерѣдко обнаруживалось жестокосердіе. Я забылъ еще сказать, что его никогда не видали въ православной церкви; но Павелъ и самъ былъ не слишкомъ Богомолецъ; при томъ Варѣоломей говорилъ, что онъ принадлежитъ не къ нашему исповѣданію. Короче, нашъ юноша наконецъ совершенно покорился вліянію избраннаго имъ друга.

Однажды въ день воскресный, послѣ ночи, поперянной въ разсѣянности, Павелъ проснулся поздно поутру. Разкаеніе, недоверіе, давно шакъ его не мучили. Первая мысль его была итти въ церковь, гдѣ давно, давно онъ не присутствовалъ. Но взглянувъ на часы, онъ увидѣлъ, что проспалъ часъ обѣдни. Яркое солнце высоко блистало на горячемъ лѣтнемъ небосклонѣ. Онъ

невольно вспомнилъ о Васильевскомъ островѣ. «Какъ виноватъ я передъ старухою,» сказалъ онъ себѣ: «въ послѣдній разъ я былъ у ней, когда ея еще не спаяла. Какъ весело теперь въ уединенномъ сельскомъ домикѣ. Милая Вѣра! она меня любитъ, можетъ быть жалѣеть, что давно не видала меня, можетъ быть...» Подумалъ и рѣшился провести день на Васильевскомъ. Лишь только, одѣвшись, онъ вышелъ со двора, откуда ни возьмись, Варѣоломей на встрѣчу. Цеприана была встрѣча для Павла; но свернуть было некуда.

— «А я къ тебѣ, товарищъ!» закричалъ Варѣоломей издали; «хотѣлъ звать тебя, гдѣ пренѣгодня были.

— «Мнѣ сегодня некогда,» сухо отвѣчалъ Павелъ.

— «Вонъ хорошо, некогда! ты пожалуй захочешь меня увѣрить, что у

тебя можетъ быть дѣло. Вздоръ!
пойдемъ. —

— « Говорю тебѣ, некогда; я должень
быть у одной родешвенницы, » сказала
Павель, вытисывая руку свою изъ
холодной руки Варѳоломея.

— « Да! да! я и забылъ объ своей
Васильевской вѣдьмѣ. Ксшани, я оиъ
тебя слышалъ, что швоа сестрица
довольно мила; скажи, пожалуй, сколько
дѣтъ ей? »

— « А мнѣ почему знаешь? я не крестилъ
ее! »

— « Я самъ никого не крестилъ оиъ
роду, а знаю наперечень и швоа дѣша
и всѣхъ, кпо со мной за наибрана. — »

— « Тѣмъ для тебя лучше, однако.... »

— « Однако не въпомъ дѣло, » прервалъ
Варѳоломей: я давно хотѣлъ
шуда забранъся съ швоєю помощью.
Ныише погода чудная; я радъ погулять.
Веди меня съ собою. »

— « Ей ей не могу, » отвѣчала Павелъ съ неудовольствіемъ; « онѣ не любятъ незнакомцевъ. Прощай, мнѣ нельзя терять времени, »

— « Послушай, Павелъ, » сказала Варволомей, сердито осматривая его рукою и бросая на него шопъ взглядъ, кошорый всегда имѣлъ на слабого юношу неодолимое дѣйствіе. « Я не узнаю тебя. Вчера ты скакалъ какъ сорока, а теперь надулся какъ индѣйскій пѣтухъ. Чшо это значить? Я не въ одно мѣсто возилъ тебя изъ дружбы; потому и ошь тебя могу того же требовать. »

— « Такъ! » отвѣчала Павелъ въ смущенія; « но теперь не могу исполнить этого, ибо... ибо знаю, что тебе тамъ будетъ скучно. »

— « Пущая опговорка; если хочу, стало не скучно. Веди меня непремѣнно; иначе ты не другъ мнѣ. » —

Павель замылся; наконецъ, собравшись съ духомъ, сказала: « Слушай, ты мнѣ другъ! но въ этихъ случаяхъ я знаю, для тебя пить ничего свѣплаго. Вѣра хороша, непорочна какъ ангель, но сердце ея просно. Дашь ли ты мнѣ честное слово не разсвлять еѣшей ея невинности? »

— « Вошь нашелъ присяжнаго волокишу, » прервалъ Варѣоломей съ какимъ-то адекимъ смѣхомъ. « И безъ нея, брань, много есть дѣвчонокъ въ городѣ. Да что толковань долго? честнаго слова я не дамъ: ты долженъ мнѣ вернуть, или со мной разсоришься. Вези меня съ собою, или — давай лѣвую. » —

Юноша взглянулъ на грозное лице Варѣоломея, вспомнилъ, что и честь его и самое имущество находится во власти этого чловѣка и ссора съ нимъ есть гибель; сердце его содрог-

нулось; онъ употребилъ еще нѣсколь-
ко слабыхъ возраженій, и согласился.

Старушка отъ всей души благода-
рила Павла за новое знакомство ;
сшепенный, щипательно одыный по-
варищъ его крайне ей понравился ;
она, по своему обыкновеіію, видѣла въ
немъ выгоднаго женишка для своей
Вѣры. Впечатленіе, произведенное
Варѳоломеемъ на сію послѣднюю ,
было не столь выгодно : она робкимъ
привѣщеніемъ отвѣчала на поклонъ
его, и живыя ланиты ея покрылись
внезапною блѣдностію. Черты Вар-
ѳоломея были знакомы Вѣрѣ. Два
раза, выходя изъ храма Божія, съ ду-
шою, полною смиренными, набожными
чувствами, она замѣчала его стоя-
щимъ у каменнаго столпа прищвора
церковнаго и устремляющимъ на нее
взоръ, который пресѣкалъ все набож-
ныя помыслы и какъ рана осшавался у

ней врезаннымъ въ душу. Но не любовной силою приковала эношь взоръ бѣдную дѣвушку, а какимъ-то страхомъ, неизъяснимымъ для нея самой. Варѳоломей былъ спашень, имѣлъ лице правильное; но это лице не отражало души, подобно зеркалу, а подобно личинѣ, скрывало все ея движенія; и на его чель, видимо спокойномъ, Гальмъ вѣрно замѣнила бы органъ высокомерія, порока отверженныхъ.

Впрочемъ, Вѣра умѣла скрыть свое смущеніе, и едва ли кто замѣнилъ его, кромѣ Варѳоломея. Онъ завелъ разговоръ общій, и былъ любезнѣе, умнѣе, чѣмъ когда нибудь. Часы проходили непримѣнно; послѣ обѣда, предложена прогулка на взморье, по окончаніи конной всѣ воропились домой и шарушка принялась за любимое свое препровожденіе вечера —

гаданіе въ карты. Но сколько ни трудилась она разкладывать, какъ нарочно ничего не выходило. Варволомей подошелъ къ ней, оставя въ другомъ углу своего друга въ разговоръ съ Вѣрою. Видя досаду шарухи, онъ замѣнилъ ей, что по ея способу разкладыванія нельзя узнать будущаго, и карты, какъ онѣ теперь лежатъ, показываютъ прошедшее. «Ахъ, мой батюшка! да вы я вижу масхерь; разшолкуйте мнѣ, что же онѣ показываютъ?» спросила шаруха съ видомъ сомнѣнія. — «А вотъ что» — отвѣчалъ онъ, и придвинувъ кресла, говорилъ долго и тихо. Что говорилъ? Богъ вѣсть, только кончилось тѣмъ, что она отъ него услышала такія тайны жизни и кончины покойнаго сожителя, которыя почтала Богу да ей одной извѣстными. Холодный потъ проступилъ на морщинахъ лица ея,

сѣдые волосы сжали дыбнться подъ чепцомъ ; она дрожа перекрестилась. Варѳоломей поспѣшно оношелъ ; онъ съ прежнею свободою вмѣшался въ разговоръ молодежи ; и бесѣда вѣрно продолжалась бы до полночи , если бы наши гости не пошоронились , предсказывая , что скоро будутъ разводиться и имъ придется почевать на вольномъ воздухѣ .

Не станемъ описывать много другихъ свиданій , которыя друзья наши имѣли вмѣстѣ на Васильевскомъ въ продолженіе дѣна . Для васъ довольно знать , что въ теченіе сего времени , Варѳоломей все болѣе и болѣе вѣрадовался въ довѣренность вдовы ; добродушная Вѣра , которая привыкла согласоваться съ чужими манерами , забывала понемногу непріятное впечатлѣніе , сперва произведенное незнакомцемъ ; но Павелъ

* *

оставался для нея предметомъ предпочтенія нескрипнаго, и если сказать правду, такъ было за что: частыя свиданія съ молодою родственницею возымѣли на юношу преблагошворное дѣйствіе; онъ началъ прилежитѣ заниматься службою, бросилъ многія безцупныя знакомства, словомъ, захотѣлъ быть порядочнымъ человекомъ; съ другой стороны, безпечный его нравъ покорялся вліянію привычки, и ему изрѣдка казалось, что онъ можетъ быть счастливъ такою супругою, какъ Вѣра.

Предпочтеніе этой прелестной дѣвушки къ товарищу, казалось, должно бы оскорбилъ неукротимое самолюбіе Варфоломея; однако онъ не только не изъявлялъ неудовольствія, но обращался съ Павломъ радушиѣе, ласковѣе прежняго; Павелъ, платя ему дружествомъ искреннимъ, совершенно

опкинулъ все сомнѣнiя на счетъ замысловъ Варѳоломея, принималъ все его совѣты, повѣрялъ ему все тайны души своей. Однажды зашла у нихъ рѣчь о своихъ взаимныхъ достоинствахъ и слабостяхъ — что весьма обыкновенно въ дружеской бесѣдѣ на чешыре глаза. « Ты знаешь, я не люблю лести, » говорилъ Варѳоломей; « но опкровенно скажу, другъ мой, что я замѣчаю въ тебѣ съ недавняго времени весьма выгодную перемену; и не одинъ я, многіе говорятъ, что въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ ты созрѣлъ больше, чѣмъ другіе созрѣвають въ шесть лѣтъ. Теперь недоспаетъ тебѣ только одного: навыка жить въ свѣтѣ. Не шути этимъ словомъ; я самъ никогда не былъ охотникомъ до свѣта, я знаю, что онъ нуль; но эпомъ нуль десятирншъ достоинства единицы. Предвижу твое возраженіе: ты ду-

маешь женишься на Вѣртъ» ... (при сихъ словахъ Варѳоломей оспановился на минушу, какъ будто забывшись) ... «ты думаешь на ней женишься,» продолжалъ онъ, «и ничего не хочешь знать, кромѣ счастья семейнаго да любви будущей супруги. То-шо и ешь: вы, молодежь, воображаете, что обвѣчался, шакъ и балъ конченъ; анъ только начинаешся. Помни ты мое слово — проживешь съ женою годъ, онышь веномишь объ людяхъ; но тогда ужъ пошрудитѣ будете вперешся въ общешво. Припомъ люди необходимы, особливо чловѣку семейному: у насъ безъ покровишелей и правды не добудешь. — Можешь быть еще шебя спрацаешь громкое имя: большой свѣтъ? Успокойся: это манекшая лошадь; она очень смирна, но кажешся онашою пошому, что у ней ешь свои привычки, къ кошорымъ

надо примѣнишь. Да къ чему спрашивать слова по пустому? Лучше повѣрь ихъ истину на опытъ. После завтра вечеръ у Графини П...; ты имѣешь случай шуда ѣхать. Я вчера у нея была, говорили объ тебѣ, и она сказала, что желаетъ видѣть твою безцѣпную особу.»

Слѣдъ слова, подобно яду, имѣющему силу перевернуть внутренность, превратили все прежніе замыслы и желанія юности; никогда не бывавшій въ большомъ свѣтѣ, онъ рѣшился пуститься въ эпитѣ вихрь, и въ условленный вечеръ, его увидѣли въ гостиной Графини. Домъ ея стоялъ въ не очень шумной улицѣ и снаружи не представлялъ ничего ошачнаго; но внутри — богатое убранство, освѣщеніе. Варѳоломей уже заранѣе уведомилъ Павла, что на первый взглядъ иное покажется ему стран-

нымъ : ибо Графиня недавно прѣхала изъ чужихъ краевъ , живеть на шамошій ладъ и принимаетъ къ себѣ общество небольшое , но за то лучшее въ городѣ. Они заснади нѣсколькихъ пожилыхъ людей , которые отличались высокими париками , шароварами огромной ширины , и не скидали перчатокъ во весь вечеръ. Это не совсемъ согласовалось съ тогдашними модами средняго Пешербургскаго общества , которыя одиѣ были извѣсны Павлу , но Павелъ уже положилъ себѣ за правило не удивляться ничему , да и когда ему было замѣнить снѣмъ-лочи ? его вниманіемъ овладѣла хозяйка совершенно. Вообразите себѣ женщину знающую , въ нынѣшномъ цвѣтѣ юности , одаренную весьма прелестными , какими природа и искусство могутъ украсить женскій полъ на пугубунопомковъ Адамовыхъ , прибавьте,

что она потеряла мужа и въ обращеннн съ мужчинами можетъ позволять себѣ такую смѣлость, которая болѣе всего пѣтляетъ необычнаго. При такихъ искушеніяхъ, могъ ли двѣшвенный образъ Веры оспавать-ся въ сердцѣ переменчиваго Павла? Спращи загорѣлся въ немъ; онъ все употребилъ, что бы спскашь благоволеніе красавицы, и послѣ повнноренныхъ постыженій, замѣнилъ, что она не равнодушна къ его спараніямъ. Какое открытіе для пламеннаго юноши! Павелъ не видалъ земли подь собою, онъ уже мечпалъ... Но случилась неприятность, которая разрушила все спважные воздушные замки. Однажды, будучи въ довольно многонудномъ обществѣ у Графини, онъ увидѣлъ, что она въ споронѣ говоритъ тихо съ однимъ мужчиною; надобно замѣнить, что эпонъ моло-

дець щеголялъ непомѣрнымъ образомъ, и не смощя на всѣ сипаранія, не могъ однако скрыть шѣлеснаго недоснапка, за который Павелъ съ Варѣоломеемъ заочно ему дали прозвание косоногаго; любобыщество, ревность, заснавили Павла подошши ближе, и ему послышалось, что мужчина произнесши его имя, шумиши надъ его дурнымъ французскимъ выговоромъ, а Графиня изволиши оппѣчать на эшо уемѣшками. Нашъ юноша вбѣсеняся, хошѣлъ шумъ же бросенъся и наказанъ насмѣшника, но удержался при мысли, что эшо подвергнешъ его новому, всеобщему посмѣянню. Онъ шонъ же часъ оставилъ бесѣду, не говоря ни слова, и помялся ввѣкъ не видѣши Графиню.

Разтревоженный въ душѣ, онъ оняпъ вспомнилъ о давно покинутой имъ Вѣрѣ, какъ грѣшникъ среди бездны

развраща вспоминаеть о пути спасения. Но на эшошь разъ, онъ не нашель близъ милой дѣвушки желаемой ошрады; Варѳоломей хозяиномъ господствоваль въ домѣ, и шого, кпо ввель его шуда за нѣсколько мѣяцевъ, принималь уже, какъ госня пошпороншго. Сшаруха была больна, и не на шушку. Вѣра казалась въ сшрашныхъ суешахъ и развлеченіи; Павла пришла она съ необычайною холодносною, и занимаясь имъ, сколько необходимо требовало приличіе, готовила лѣкаршва, бѣгала за служанкою, ухакивала за больною, и перѣдко призывала Варѳоломея къ себѣ въ помощь.— Все эшо, разумѣется, было сшрашно и досаждало Павлу, на кошораго шенерь, какъ на бѣднаго Макара, валилась одна неудаца за другою. Онъ хошѣль было зашѣлянь объясненіе, но побоялся разшревожншь больную сшаруху, и

Вѣру, безъ того уже разстроенную болѣзнію махери. Оставалось одно средство — объясниться съ Варѳоломеемъ. Принявъ такое рѣшеніе, Павелъ, извѣщаясь головою болью, оплакиваясь не много спустя послѣ обѣда, и неудержанный никѣмъ, уѣхалъ, намекая Варѳоломею съ нѣкоторою крутостію, что желаетъ его видѣть въ завтрашнее утро.

Что бы вообразилъ себѣ по соображенію, въ какомъ несчастный Павелъ ожидалъ на другой день своего бывшего друга и настоящаго соперника, должно понять всѣ различныя страсти, которыя въ то время боролись въ душѣ его, и какъ хищныя птицы, словно хотѣли разорвать между собою свою жертву. Онъ покаялся забывши навѣки Графиню, и между тѣмъ въ сердцѣ пылалъ любовію къ изменницѣ; привязанность его къ Вѣрѣ была не

столь пламенна; но онъ любилъ ее любовью брашскою, дорожилъ добрымъ ея мнѣнiемъ, а въ немъ починалъ себя пошеряннымъ надолго, если не навѣки. Кто же былъ виновникъ всѣхъ этихъ напастей? Коварный Варфоломей, этотъ человекъ, котораго онъ некогда называлъ своимъ другомъ и конорый, по его мнѣнiю, такъ жестоко обманулъ его довѣренность. Съ какимъ несердечiемъ ждалъ его къ себѣ Павелъ, съ какою досадою онъ смотрѣлъ на улицу, гдѣ бушевала ночью такая же мясель, какъ и въ душѣ его: «Бездѣльникъ,» думалъ онъ, «воспользуеся непогодю, онъ избежитъ моей правдивой мессы; онъ лишитъ меня последней оспрады — скажетъ ему въ безстыдные глаза, до какой степени я его ненавижу!»

Но въ это время, какъ Павелъ мучился сомнѣнiемъ, отворилась дверь,

и Варѳоломей вошелъ съ такимъ же мраморнымъ спокойствіемъ, съ какимъ спашуя Командора приходишь на ужинъ къ Донъ-Жуану. Однако лице его въкорѣ приняло выраженіе болѣе человѣческое; онъ приблизился къ Павлу, и сказалъ ему съ видомъ со-спрадапельной пріязни: «ты на себя не похожъ, другъ мой; что причиною твоей горести? Открой мнѣ свое сердце.»

— «Я тебѣ не другъ!» закричалъ Павелъ, опскачивъ онъ него въ другой уголь комнаты, какъ онъ лютой змѣи; дрожа всѣми соснавами, съ глазами, наполненными кровью и слезами, юноша опроремъ высказалъ все чувства души, можетъ быть и несправедливо разгнѣванной.

Варѳоломей выслушалъ его съ какимъ-то обиднымъ равнодушіемъ, и потомъ сказалъ: «рѣчь твоя дерзка,

и была бы достойна наказанія; но я тебе прощаю: ты молодъ, и цѣлы еще не знаешь ни словамъ, ни людямъ. Не такъ говорилъ ты со мною бывало, когда безъ моей помощи приходилось тебе хоть шагу совать въ петлю. Но теперь все это забыто, потому что холодный пріемъ дѣвушки раздражилъ твою самолюбивую душу. Изволь пропадать по цѣлымъ мѣсяцамъ, изволь невѣдомо съ кѣмъ, невѣдомо какія проказы; а я за него шери, и не ходи, куда мнѣ хочется. Нѣтъ, сударь; буду ходить къ шарухѣ, хоть бы тебе одному на зло. Пришомъ у меня есть и другія причины: не шану шавишь ихъ — знай, Вѣра влюблена въ меня.»

— « Лжешь, негодяй! » воскликнулъ Павелъ въ изступленіи; « можетъ ли ангелъ любить дьявола? »

— «Тебѣ прощительно не вѣришь,»
отвѣчала Варѳоломей съ усмѣшкою;
«природа меня не изукрасила наравнѣ
съ шобою; за то ты и плѣняешь
знашыхъ барынь, и плѣняешь навѣки,
постоянно, неизмѣнчиво.»

Этой насмѣшки Павелъ не могъ
вынести, тѣмъ болѣе, что онъ давно
подозрѣвалъ Варѳоломея въ содѣйствіи
къ его разладу съ Графиней. Онъ въ
ярости кинулся на соперника, хотѣлъ
убить его на мѣстѣ; но въ эту
минуту, онъ почувствовалъ себя уда-
реннымъ подъ ложку; у него духъ
заялся, и ударъ, безъ всякой боли,
на мигъ привелъ его въ безсознатель-
но. Очнувшись, онъ нашелъ себя у про-
тивной стѣны комнаты, дверь была
запворена, Варѳоломея не было, и
какъ будто изъ просонки, онъ вспо-
миналъ послѣднія слова его: «поищи,

молодой человекъ, ны не съ своимъ братомъ связался.»

Павель дрожала отъ ужаса и гнѣва; тысячи мыслей быстро смѣнялись въ головѣ его. То рѣшался онъ отыскать Варфоломея хоть на краю свѣта и разможипть ему черепъ; но хотѣлъ пинни къ шарухъ и обнаружить ей и Вѣрѣ все прежнія проказы измѣнника; вспоминалъ объ очаровательной Графинѣ, хотѣлъ шо заколошь ее, шо объяснипсь съ нею, не измѣняя прежнему рѣшенію: последнее согласить конечно было трудно. Грудь его снѣжилась; онъ какъ полумумный выбѣжалъ на дворъ, чувствуя въ себѣ признаки вознапшительной горячки; блѣдный, въ безпорядкѣ, рыскалъ онъ по улицамъ и вѣрно нашель бы развязку всемъ сомнѣніямъ въ глубокой Невѣ, если бь она къ счастью не была закушана въ шо время ледяною своей шубою.

Упомнлась ли судьба преслѣдовать Павла, или хотѣла только слыше уязвить его минуинымъ роздыхомъ въ несчастіяхъ, онъ, веронясь до-мой, былъ встрѣченъ неожиданнымъ исполненіемъ главнаго своего желанія. Въ прихожей дожидаль его богато-одѣшый слуга Графини П, который вручилъ ему записку; Павелъ съ шре-пенномъ развершываешъ и читаешъ слѣдующія слова, начертанныя слиш-комъ ему знакомою рукою Графини.

«Злые люди хотѣли поссорить насъ; я все знаю; если въ васъ осталась капля любви ко мнѣ, капля соспра-данія, прійдите въ такомъ-шо часу вечера. Вѣчно швоа П.»

Какъ глупы любовники! Павелъ, пробъжавъ сіи магическія шпроки, забылъ и дружбу Вѣры, и неприязнь Варѣоломея; весь міръ насшоящій, прошедшій и грядущій сшѣнился для

него въ доскупкѣ бумаги; онъ прижимаетъ къ сердцу, цѣлуешь его, подносишь нѣсколько разъ къ свѣту. Пись! восклицаешь онъ въ восторгѣ; это не обманъ; я точно, точно счастливъ; какъ не написать, не можешь написать ничего кромѣ ея одной. Но не хочешь ли плутовка зазвать и морочить меня, и издѣваться надо мною по прежнему? Пись! клянусь, не бываешь этому. «Твоя — вѣчно твоя,» пусть разпokuешь мнѣ на опытъ, что значить это слово. Не по.... добрая слава ея теперь въ моихъ рукахъ.

Въ урочный часъ, нашъ Павелъ, пригожій и разряженный, уже на широкой лѣстницѣ Графини; его безъ доклада провожаютъ въ госпиную, гдѣ къ его досадѣ собралось уже нѣсколько посѣнителей, между кошорыми однако не было косоногого. Хозяйка

**

привѣщивуешь его сухо, едва говоришь съ нимъ; но она не даромъ на него усмѣхивалась большіе черные глаза свои, и томно опустила ихъ: мисиническая азбука любящихъ, непонятная профанамъ. Гости принимаютъ за игру; хозяйка, ошказываясь, увѣряешь, что ей пріятно садиться близь каждаго изъ игроковъ поочередно, ибо она надѣется ему принести счастье. Все не надвигаясь ея шонкой въжливости. Немного спустя: « вы у насъ давно не были, » говоритъ Графиня, обращаясь къ юности: « замѣчаете ли пѣкшорыя перемѣны въ уборахъ этой компании? Вошь напримеръ завѣсы висѣли сперва на лавровыхъ гирляндахъ; но мнѣ лучше показалось замѣнить ихъ епрутамн. » — Недосаждаетъ сердце — ошвѣчаетъ Цавель полу-сухо, полу-въжливо. « Но не въ одной гостиной, » продолжаетъ Гра-

финя, «есть новые уборы» и вешавая съ кресель: «не хопише-ли,» говоришь она, «заглянуть въ диванную; тамъ развѣшены привезенные недавно Гобелены оплчнаго рисунка.» Павелъ съ поклономъ идетъ за ней. Незъяенимымъ чувствомъ забилось его сердце, когда онъ вошелъ въ эту очарованную комнату. Это была вмѣстѣ зимняя оранжерея и диванная. Миршова дѣревья, распавленные вдоль стѣны, укрощали яркость свѣта канделябровъ, копорый, освѣщая роскошные диваны въ шѣни за деревьями, тихо разливался на Гобеленовые обои, гдѣ въ лицахъ являлись, внушая сладострастїе, подвиги любви боговъ баснословныхъ. Пропивъ анфилады епюло прямо, а возлѣ на стѣнѣ похищенїе Европы, — доказательство власни красоти, хопъ изъ кого сдѣлать екопину. У этого прямо начинается

роковое объяненіе. Всякому просвѣщенному извѣстно, что разговоръ любящихъ всегда есть самая жеспокая амплификація: и такъ перескажу только сущность его. Графиня увѣрjala, что насмѣлки ея надъ дурнымъ французскимъ выговоромъ относились не къ Павлу, а къ одному его соменнику, что она долго не могла понять причины его ошеушества, что наконецъ Варѣоломей ее наставилъ, и проч. и проч. — Павелъ, хоня ему казались спранными свѣдѣнія Варѣоломея въ такомъ дѣлѣ, о которомъ никто ему не сказывалъ, и роль мирошворца, которую онъ принялъ на себя при этомъ случаѣ, повѣрилъ разумѣется всему; однако упорно пришворялся, что ничему не вѣришь. «Какого же еще доказательства хотите вы?» Спросила наконецъ Графиня съ нѣжнымъ нетерпѣніемъ. Павелъ, какъ

въжливый юноша, въ отвѣтъ поцѣловала жарко ея руку; она упрямилась, робѣла, спѣшила къ госпнямъ; онъ сѣпанился на колѣни, и крѣпко держа руки ея, грозилъ, что не вынесишь, да къ этому въ прибавокъ сію же минушу засмѣялся. Сія пакшика имѣла вожделѣнный усѣхъ — и лихое, дрожащее рукожаніе, съ тихимъ шопотомъ: «завтра, въ 11 часовъ ночи, на заднее крыльцо, » громче пороха и пушекъ возвѣстили счастливому Павлу шоржесиво его.

Графиня весьма кешани ворошила въ госиную; между двумя изъ игроковъ шолько что не дошло до драки. «Смоприше, » сказала одинъ Графинь, запыхавшись онъ гнѣва: «я даромъ проигрываю нѣсколько сотъ душъ, а онъ....» — «Вы хотише сказать нѣсколько сотъ рублей, » прервала она съ важносью. — «Да, да... я винованъ...

я ошибся, • отвѣчалъ спорщикъ заикаясь и посматривая искоса на юношу. Игроки замили споръ и всю суматоху какъ рукой сняло. Павелъ на сей разъ пропустилъ все мимо ушей. Волненіе души не позволило ему долго побыть въ обществѣ, онъ спѣшилъ домой предасться отдыху, но сонъ долго не опускался на его вѣжды; самая дѣйствительность была для него сладкимъ сновидѣніемъ. Разналенной его фаншазин беземѣнно предешояли черныя, большія, влажныя очи красавицы. Они сопровождали его и во время сна; но сны, онъ предчувствія ли таѣнаго, онъ волненія ли крови, всегда кончались чѣмъ-то снраннымъ. То прогуливался онъ по зеленой нравѣ; передъ нимъ возвышались два цвѣтка, дивные красками; но лишь только касался онъ стебля, желая сорвать ихъ, вдругъ взвивалась

черная, черная змѣя, и обливала цвѣт-
ки ядомъ. То смопрѣлъ онъ въ зеркало
прозрачнаго озера, на днѣ котораго
у берега играли двѣ золотыя рыбки;
но едва опускалъ онъ къ нимъ руку,
земноводное чудовище, спирация, про-
буждало его. То ходилъ онъ ночью
подъ благоуханнымъ лѣшнымъ небо-
склономъ, и на высотѣ сіяли нераз-
лучно двѣ яркія звѣздочки; но не
успѣвалъ онъ полюбоваться ими, какъ
зараждалось черное пишию на тем-
номъ западѣ, и разтянувшись въ
длину облачнаго змѣя, пожирало
звѣздочки. — Всякій разъ, когда такое
видѣніе прерывало сонъ Павла, встре-
воженная мысль его невольно усрем-
лялась на Варѳоломея; но чрезъ нѣ-
сколько времени, черные глаза снова
одерживали верхъ, покуда новый ужасъ
не прерывалъ мечты пѣнистой.
Не смотря на все это, Павелъ,

проспавши до полудня, вспаль веселѣ чѣмъ когда нибудь. Остальные 11 часовъ дня, какъ водится, показались ему вѣчностію. Не успѣло смеркнуться, какъ онъ уже бродилъ вскругъ дома Графини; не принимали никого, не зажигали огня въ парадныхъ комнатахъ, шолько въ одномъ дальнемъ углу слабо мерцалъ свѣтъ: « шамъ ждетъ меня прелесная, » думалъ про себя Павелъ — и заранѣ душа его утопала въ наслажденіи.

Прошнжно пробнло одиннадцать часовъ на Думской башнѣ, и Павелъ, любовью окриленный Но здѣсь я прерву картинну свою и въ подражаніе лучшимъ классическимъ и романтическимъ писателямъ древняго, средняго и новѣйшаго времени, предоставлю вамъ дополнить ее собственнымъ запасомъ воображенія. Коротко и ясно: Павелъ думалъ уже вкушать блажен-

ство какъ вдругъ поступались пихонько у двери кабинета ; Графиня въ смущеніи опшворяетъ ; довѣренная горничная входитъ съ докладомъ, что на заднее крыльцо пришелъ человекъ, которому крайняя нужда видѣть молодого господина. Павелъ сердится, велитъ сказать, что некогда, колеблется, выходитъ въ прихожую, ему говорятъ, что незнакомый ушелъ сію минушу. — Онъ возвращается къ любезной ; « ничто съ тобой не разлучитъ меня, » говоритъ онъ спрасшно. Но опять случается снова, и горничная входитъ съ повпореніемъ прежняго. — « Показаніе къ чорну незнакомца, » кричитъ Павелъ топнувъ ногою « или я убью его ; » выходитъ, слышитъ, что и топъ вышелъ ; сбѣгаетъ по лѣстницѣ на дворъ, — но тамъ ничто не колыхнется, и лишь только сибѣть безмолвно валитъ хлопьями на землю.

Павель бранишь слугъ, запрещаетъ пускашь кого бы то ни было, возвращается пламеннѣе прежняго къ встревоженной Графинѣ; но прошло нѣсколько минутъ, и случается въ преній разъ, еще сильнѣе, продолжилельнѣе. « Нѣтъ, полно! » закричалъ онъ внѣ себя онъ ярости; « я доберусь, что шунтъ за привидѣнiе; это какая нибудь штука. » — Вбѣгая въ прихожую, онъ видитъ край плаща, который едва успѣлъ скрыться за затворяемую дверь; опрометью накидываетъ онъ шинель, хватается просить, бѣжитъ на дворъ, и слышитъ спукъ калитки, которая лишь только захлопнулась за кѣмъ-то. « Стой, стой, кто ты таковъ? » кричитъ вельдъ ему Павель, и выскочивъ на улицу, издали видитъ высокаго мужчину, который какъ будто останавливается, что бы поманить

ему рукою и скрывается въ боковой переулочекъ. Неперпѣливый Павелъ за нимъ слѣдуетъ, кажется нагоняетъ его; пошь снова останавливается у боковой улицы, машетъ и исчезаетъ. Такимъ образомъ юноша слѣдитъ за незнакомцемъ изъ улицы въ улицу, изъ закоулка въ закоулокъ, и наконецъ находишь себя поколѣна въ сугробѣ, между низенькими домами, на разнуни, котораго никогда отъ роду не видываль; а незнакомецъ пропаль безо всякаго слѣда. Павелъ ошолбенѣль, и признаюшь, никому бы не завидно, пробѣжавъ нѣсколько верешъ, очнушься въ снѣгу въ глухую полночь, у черна на куличкахъ. Что дѣлашь? ииши? — залушаешь; спучаешь у ближнихъ ворощъ? — не добудишься. Къ неожиданной радости Павла пробѣгаютъ сани. « Ванька! » кричишь онъ, « вези меня домой въ шакую-шо улицу. »

Везешь послушный Ванька, невѣсть по какимъ мѣстамъ, скрыпншь снѣгъ подь санями, луна во вкусѣ Жуковского невѣрно свѣтншь пушикамъ сквозь облака лешучія. Но вѣдуть долго, долго, все нѣтъ мѣсна знакомаго; и наконецъ вовсе выѣзжаютъ изъ города. Павлу пришли естественна на мысль все старыя разсказы о мертвыхъ тѣлахъ, находимыхъ на Волковомъ полѣ, объ извоцникахъ, которые шамъ рѣжутъ сѣдоговъ своихъ и п. п. — «Куда ты везешь меня?» спросилъ онъ твердымъ голосомъ; не было отвѣта. Тутъ, при свѣтѣ луны, онъ захотѣлъ всмотрѣться въ жезляной билетъ извоцника, и къ удивленію замѣнилъ, что на этомъ билетѣ не было означено ни часни, ни квартала; но крупными цифрами странной формы и оплыва написанъ былъ № 666, число Апокалипсеса, какъ

онъ позднѣе вспомнилъ. Укрѣпившись въ подозрѣннн, что онъ попалъ въ руки недобряя, нашъ юноша еще громче повторилъ прежннй вопросъ, и не получивъ отвѣта, со всего размаху ударилъ своей палкою по спинѣ извоцника. Но каковъ былъ его ужасъ, когда этотъ ударъ произвелъ звонъ костей о кости, когда мннмый извоцникъ, оборотивъ голову, показалъ ему лице мертваго остова, и когда это лице, спрашно оскаливъ челюсти, произнесло невнятнымъ голосомъ: «*поише, молодой человекъ; ты не съ своимъ братомъ связался.*» Несчастннй юноша только имѣлъ силу совершить знаменне креста, онъ котораго давно руки его отвыкли. Тутъ, санки опрокинулись, раздакъ днкнй хохотъ, пронесся спрашный вихрь; экипажъ, лошадь, ямщикъ — все сравнялось съ

снѣгомъ, и Павелъ оспался одинъ однихонекъ за городской заспавою, еле живой онь спрахъ.

На другой день, юноша лежалъ изнеможенный на кровати въ своей комнатѣ. Подлѣ него стоялъ добрый престарѣлый дидька, и одной рукою держа вилую руку господина, часно опворачивался, что бы спереть другую слезу, украдкой наворачнувшуюся на подельную збницю его. « Баринъ, баринъ, » говорилъ онь: « не даромъ докладывалъ я вашей милости, что не бываешь добра онь почной гульбы. Гдѣ вы пропадали? что это съ вами сдѣлалось? » — Павелъ не слышалъ его: онь то дикими глазами глядѣлъ по нѣскольку времени въ уголь, то впадалъ въ дремоту, въ просонкахъ дрожалъ и смѣлся, то векакивалъ съ поспехи какъ сумасшедшій, звалъ имена женскія, пономъ онянь бросался

лицемъ на подушки. — « Бѣдный Павелъ Ивановичъ! » думалъ про себя дядька : « Господь его помилуй, онъ вѣрно ума лишился ; » и въ порывѣ добросердечія уловивъ первую удобную минушу, побѣжалъ за врачомъ. Врачъ покачалъ головою, увидя больного, не узнававшего окружающихъ, и ощутивъ лихорадочный пульсъ его. Наружные признаки противорѣчили одинъ другому, и по нимъ ничего не лзя было заключить о болѣзни : все подавало поводъ думать, что ея причина крылась въ душѣ, а не въ тѣлѣ. Больной почини ничего не вспоминалъ о прошедшемъ ; душа его, казалось, была замучена какимъ-то ужаснымъ предчувствіемъ. — Врачъ, убѣжденный вѣрнымъ дядькою, съ нимъ вмѣстѣ не отходилъ цѣлый день отъ одра юноши ; къ вечеру состояніе больного едѣлалось ощутянно ; онъ метался, плакалъ,

ломалъ себѣ руки, говорилъ о Вѣрѣ, о Васильевскомъ островѣ, звалъ на помощь, къ кому и кого, Богъ въспѣ, хваталъ шанку, рвался въ дверь, и соединенныя усилія врача и слуги едва смогли удержать его. Сей ужасный кризисъ продолжался за полночь; вдругъ, больной успокоился — ему стало легче; — но силы душевныя и нѣлесныя совершенно были убиты борьбою; онъ погрузился въ мерцающій сонъ, послѣ коего прежній кризисъ возобновился.

Припадокъ одержалъ юношу полные прѣе сундукъ съ перемѣнчивою силою; на прѣше упря, начиная чувствовать въ себѣ болѣе крѣпости, онъ вешавалъ съ постели, когда ему сказали, что въ прихожей дожидается старая служанка вдовы. Сердце не предвѣщало ему добраго; онъ вышелъ; старушка плакала на взрыдъ. «Такъ!

еще несчастіе! » сказала Павель, подходя къ ней; « не мучь меня, голубушка; все скорѣе выскажи. » — Барыня приказала долго жить, онѣвчала старушка, а барыниѣ Богъ вѣснь долго ли жить осталось. — « Какъ? Вѣра? что? » — Не шеряйте словъ, молодой барынь: барыниѣ нужна помощь. Я прибрела пынкомъ; коли у васъ доброе сердце, ѣдемше къ ней сію минушу; она въ домъ священника церкви Андрея Первозваннаго. — « Въ домъ священника? за чѣмъ? » — Бога ради, одѣвайшесь, все послѣ узнаете. » — Павель окушался и поскакали на Васильевскій.

Когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ Вѣру и мать ея, вдова уже давно спрадала болѣзнію, кошорая при ея преклонныхъ лѣтахъ оставляла немногую надежды на изцѣленіе. Слишкомъ бѣдная, что бы звать врача, она пользовалась единешвенцо совѣтами Вар-

еоломея, который, кроме другихъ свидѣній, хвалился нѣкоторымъ знакомствомъ съ медициною. Дѣятельность его была неупомима: онъ успѣвалъ утѣшать Вѣру, ходилъ за больною, помогать служанкѣ, бѣгавъ за лекарствами, которые приносилъ иногда съ такою скоростію, что Вѣра дивилась, гдѣ онъ могъ найти такую близкую аптеку. Лекарства, доставленные имъ, хотя и не всегда помогали больной, но постоянно придавали ей веселости. И странно, что чѣмъ ближе подходила она къ гробу, тѣмъ неоплучше пребывали ея мысли прикованы къ жишнейскому. Она спала и видѣла о своемъ выздоровленіи; а шамъ, какъ ея дѣши Варѣоломей и Вѣра пойдуть подъ вѣнецъ и начнутъ жить да поживашъ благополучно, болясь, не будетъ ли эшошь домикъ пѣсень для будуща

семьи, удастся ли найти другой по ближе къ городу, и проч. и проч. Мухная невыразительность кончины была въ ея глазахъ, когда она, подзвавъ будущиxъ молодыхъ къ своей постели, съ какою-то нелюбою улыбкою говорила: «не спыднесь, моя Вѣра, поцѣлуйся съ женихомъ своимъ; я боюсь ослѣпнуть и тогда уже не удастся мнѣ сморѣть на ваше счастье.» Между тѣмъ рука смерти все болѣе и болѣе тяготѣла надъ шарухою: зрѣніе и память часъ оиъ часу спупѣли. Въ Варѣоломѣе не замѣнно было горестни; можетъ быть самая хлопоты, непрерывная бѣготня, помогали ему разсѣяться. Вѣру же превождали размышленія объ мащери, какъ и о самой себѣ. Какой невѣстѣ не бываетъ спрашно передъ бракомъ? Однако она всячески старалась успокоить себя. «Я согрѣшила передъ

Богомъ, » думала дѣвица; « не знаю, почему я сперва почла Варѳоломея за лукаваго, за злаго чловѣка. Но онъ гораздо лучше Павла; посмотрите, какъ онъ стараешся о манушкѣ: самъ себя бѣдный не жалеть—снало онъ не злой чловѣкъ. » Вдругъ мысли ея шуманились. « Онъ крушаго права, » говорила она себѣ: « когда чего не хочешь и скажешь ему: Варѳоломей, Бога ради это сдѣлайте,—онъ задрожитъ и поблѣднѣетъ.—Но, » продолжала Вѣра, мизинцемъ сширая со щекъ слезинку, « вѣдь я сама не ангель; у всякаго свой крестъ и свои пороки: я буду неправаянъ его, а онъ меня. »—Тутъ приходили ей на умъ новыя сомнѣнія: « онъ, кажешся, богачъ; честными ли онъ средешвами добылъ себѣ деньги? но это я выспрошу; вѣдь онъ меня любитъ. »—Такъ, утѣшала себя добрая, невинная Вѣра; а шарухъ между шѣмъ все хуже

да хуже. Вѣра сообщила свой страхъ Варѣоломею, спрашивала даже, не нужно ли призвать духовника; но онъ горячился и сурово опивчалъ: «хотите ускорить кончину маюшки? это лучший способъ. Болѣзнь ея опасна, но еще не опасна. Что ее поддерживаетъ? надежда изцѣлиться. А призовемъ пона, такъ ониимемъ послѣднюю надежду.» — Робкая Вѣра соглашалась, побѣждая шайный голосъ души; но въ этотъ день, — и замѣньше, это было на другой день роковаго свиданія Павла съ прелестною Графиней, — опасность сминкомъ ясно поразила вѣще сердце дочери. Ошозвавъ Варѣоломея, она ему сказала рѣшишельнымъ голосомъ: «Царемъ Небеснымъ заклинаю васъ, не оставьте маюшку умереть безъ покаянія: Богъ знаетъ, проживетъ ли она до завтра,» — и упала на спудъ, заливаясь сле-

зами. Что происходило тогда въ Варѳоломѣ? глаза его катались, на лбу просунулась потъ, онъ силится что-то сказать и не могъ выговорить. «Дѣвичье малодушіе, пробормотала онъ напоследокъ.» Ты ничему не вѣришь... вы, сударыня, не вѣрите моему знанію медицины... Поспѣйте, ... у меня есть знакомый врачъ, который больше меня знаетъ... жаль, далеко живетъ онъ.» Тутъ онъ схватилъ руку дѣвицы и подведя ее стремительно къ окну, показалъ на небо, не поднимая глазъ своихъ: «смотрише; тамъ еще не явилась первая звѣзда, какъ я буду назадъ, и тогда рѣшимся; обѣщаете ли только не звать духовника до моего прихода?» — Обѣщаю, обѣщаю.» — Тогда послышался пронзительный вздохъ изъ спальни. — Слышите, закричала Вѣра, бросаясь къ дверямъ ея, потомъ оборотилась, взглянула еще

разъ съ умилеиёмъ грусти неописанной на вкопаннаго, и махнувъ ему рукою, повторила: спѣшише, ради меня, ради Бога. — Варѳоломей скрылся.

Мало по малу зимнѣй небосклонъ окутывался тучами, а въ больной жизни и шлѣнѣ выстунали внослѣднѣе на смерннй поединокъ. Снѣгъ начиналъ падать; порывы лешучаго вѣтра заставляли прещать оконницы. При малѣйшемъ хрустѣ снѣга, Вѣра подбѣгала къ окну сморѣть, не Варѳоломей ли возвращается; но лишь кошка мяукала, галки клевались на воронахъ, и калашку вѣнерь ошворялъ и захлопывалъ. Ночь съ своей черной зеленою прилетѣла преждевременно; Варѳоломея цѣнь какъ цѣнь, и на сводѣ небесномъ не блещеть ни одной звѣзды. Вѣра рѣшилась послать по духовника старую служанку; долге

не возвращалась она, и не мудроно, потому что не было ни одной церкви ближе Андрея Первозванного. Но хлопнула каминка и вместе по кухарки явился Варфоломей, блѣдный и разсироепный. «Что? надежды нѣтъ?» прошептала Вѣра. — «Мало, сказалъ онъ глухимъ голосомъ; я былъ у врача; далеко живешь онъ, много знаешь....» — Да что же говорить онъ, Бога ради? — «Что до того нужды?... за попомъ теперь посылаешь время. А! вижу; вы послали уже.... шуда и дорога!» сказалъ онъ съ какой-то сухостью, въ которой обнаруживалось отчаяніе.

Черезъ нѣсколько времени, уже въ глухую ночь, сшарая служанка прибрела съ вѣстью, что священника нѣтъ дома, но когда воронится, ему скажутъ и онъ тотчасъ прійдетъ къ умирающей. Объ этомъ рѣшились предварить ее. «Съ умомъ ли вы,

двини, сказала она слабо; неужь-то я шакъ хвора? Вѣра! чпо шы хныкаешь? Вынеси лампаду; сонъ меня поправнишь.» Дочь лобызала руку мащери, а Варѳоломей во все время безмолвствоваль по-одадь, ушавишь на больную глаза, кошорые, когда лампада роияла на нихъ свое мерцаиё, свѣщились какъ уголья.

Вѣра съ кухаркою стояли на кольнахъ и молились. Варѳоломей, ломая себѣ руки, безпрестанно выходилъ въ снни, жалуясь на жаръ въ головѣ. Черезъ полчаса, онъ вошелъ въ спальню и какъ сумасшедшій выбѣжалъ опшуда съ вѣщью: «все кончено!» Не спану описываешь, чпо въ сию минушу почувствовала Вѣра! — Однако сила ея духа была необычайная. «Боже! эно воля Твоя!» произнесла она, поднимая руки къ Небу; хотѣла пини; но тѣлесныя силы изменили, она полумершвая

опустилась на кресла, и не стало бы несчастной, если бы внезапный попокъ слезъ не облегчилъ ей спѣсенной груди. Между тѣмъ спаруха, воя, обмыла шрупъ, пошавила свѣчу у изголовья, и пошла за иконою; но шрупъ же ошъ услаоелни ли, ошъ иной ли причины, забылась еномъ неодолимымъ. Въ эту минушу, Вар-оломей подошелъ къ Вѣрѣ. У самаго бѣса разпаяло бы сердце: такъ она была прелесна въ своей горести. «Ты меня не любишь,» возкликнулъ ошъ спрашно: «я съ швоею маперью потерялъ единственную опору въ швоемъ сердцѣ.» — Дѣвицу изнугало его ошчаянне.—«Нѣтъ, я себя люблю,» ошвѣчала она бояливо. Ошъ упалъ къ ногамъ ея: «клянись, говорилъ ошъ, клянись, что ты моя, что любишь меня болѣе души своей.» Вѣра никогда не ожидала бы такой спрашни въ

этомъ холодномъ челоѣкѣ: «Варѣоло-
 мей, Варѣоломей,» сказала она съ
 робкою нѣжностію; «забудь грѣшныя
 мысли въ эготъ снрашннй часъ; я
 поклянусь, когда схоронимъ машушку,
 когда свнщенникъ въ храмъ Божіемъ
 насъ благословншь» — Варѣоломей
 не выслушалъ ее, и какъ изступлен-
 ный, ну молотъ околесную? увѣрлль,
 что это все пусныя обряды, что
 любнцнмъ не нужно ихъ, звалъ ее съ
 собою въ какое-шо дальнее опечеснво,
 обѣцалъ шамъ осыпашъ блескомъ кня-
 жескимъ, обнмалъ ее колѣна со
 слезамн. Опъ говорлль съ такою
 снраснью, съ шакимъ жаромъ, что
 всѣ чудеса, о которыхъ разсказывалъ,
 въ шу мнуну казалнсь вѣрояшными.
 Вѣра уже чувствовала швердоснъ свою
 екудѣющей, опасность пробудила ее
 силу душевную; она вырвалась и по-
 бѣжала къ дверямъ снальной, гдѣ думала

найти служанку; Варѳоломей заступилъ ей дорогу, и сказалъ уже съ припворною холодносною, съ глазами свирѣпыми: «послушай, Вѣра, не упрямься; тебѣ не добудиться ни служанки, ни мащери: никакая сила не защититъ тебя отъ моеи власни.» — Богъ защитникъ певинныхъ, закричала бѣдняжка, въ опечаніи бросаея на колѣни предъ Развѣншемъ. — Варѳоломей осполенѣлъ, его лице изобразило безсильную злобу. «Если шакъ,» возразилъ онъ, кусая себѣ губы, «если шакъ мнѣ, разумѣенся, съ шобою дѣлашь нечего; но я заставляю швою мать сдѣлашь тебя послушною.» — «Развѣ она въ швоей власни?» спросила дѣвица. «Посмошри» отвѣчалъ онъ, ушавивши глаза на полуразпворенную дверь спальни, и Вѣрѣ привидѣлось, будто двѣ струи огня шекуть изъ его глазъ, и будто покойница,

при мерцаніи свѣчи нагорѣвшей, приподнимаетъ голову съ мукою неопи-санной и изсохшею рукою машетъ ей къ Варѣоломею. — Тунь Вѣра уви-дѣла, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. « Да вос-креснетъ Богъ! и ты исчезни, окаян-ный, » — вскрикнула она, собравъ всю силу духа — и упала безъ памяти.

Въ эпошу мигъ, словно пушечный выстрѣлъ пробудилъ спящую служанку. Она очнулась, и въ страхѣ увидѣла двери отворенными наснежь, комна-шу въ дыму и синее пламя, разбѣгав-шееся по зеркалу и гардинамъ, кошо-рья покоищица получила въ подарокъ огонь Варѣоломея. Первое ея движеніе было схватить кувшинъ воды, въ углу стоявшій и вышлеснуть на полость; но огонь заклокоталъ съ удвоенною яростію, и опалилъ сѣдые волосы кухарки. Тунь она безъ памяти вбѣжа-ла въ другую комнату, съ крикомъ :

«пожаръ, пожаръ!» — Увидя свою барышню на полу безъ чувства, схватила ее въ оханку, и вѣрояшно получивъ отъ испраха подкрѣпленіе своимъ дряхлымъ силамъ, вынащала ее на мостъ за ворота. Близкаго жилья не было, помощи искашь негдѣ; пока она опширала сѣгомъ виски полумертвой, пламя показалось изъ оконъ, изъ шрубы и надъ крышею. На зарево прискакала команда полицейская съ ведрами, ухватками: ибо залитыя шрубы еще не были тогда въ общемъ употребленіи. Сбѣжалась толпа зрительей, и въ числѣ ихъ благочинный церкви Андрея Первозваннаго, который шелъ съ дарами посѣивши умиравшую. Онъ не былъ въ особенныхъ ладахъ съ покойницей и считалъ ее за дурную женщину; но онъ любилъ Вѣру, о которой слыхалъ много хорошаго отъ дочери, и соболъзнуя несчастію,

объяслять деньги пожарнымъ служившимъ, если успеюшь выгнатьшь шло, что бы доставить покойницѣ хоть погребеніе Христіанское. Но не шупь-то было. Огонь, разносимый вьюгою, презиралъ все дѣйствіе воды, все усилія человѣческія; одинъ полицейскій капиталь изъ молодцовъ задумалъ было ворваться въ комнаты, дабы вынесши шрупъ; но пробывъ минушу и выбѣжалъ въ ужасѣ; онъ разсказывалъ, будто успеваъ уже добранься до спальной, и только что хотѣваъ подойти къ одру умершей, какъ вдругъ прыгнула сверху образина сапаннская, часень потолка съ ужаснымъ шрескомъ провалилась и онъ только особенною милосшію Николы Чудотворца уберечь на плечахъ свою головушку, за что объяслять шупь же поставитъ полншнюю передъ его образомъ. Между собою зрители толковали, что онъ шрусъ

и упавшее бревно показалось ему бѣсомъ; но капраль остался швердъ въ своемъ убѣжденіи, и до конца жизни проповѣдывалъ въ шинкахъ, что на своемъ вѣку лицезрѣлъ во плоти нечистаго со хвостомъ, рогами и большимъ горбатымъ носомъ, копорымъ онъ раздувалъ поломя, какъ мѣхами въ кузницѣ. «Нѣтъ, брашцы, не приведи васъ Богъ увидѣть окаяннаго.» Симвъ краснорѣчивымъ обѣтомъ нашъ геній всегда заключалъ повѣсть свою, и хозяинъ, въ награду его смѣлости и глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго рассказомъ на просвѣщенныхъ слушателей, даромъ подносилъ ему полную снопу чистѣйшаго пѣнника.

И такъ, невзирая на всѣ старанія команды, копорой дѣятельнымъ успіямъ въ семъ случаѣ потомство должно впрочемъ отдать полную справед-

ливосць, уединенный домикъ Васильевскаго острова сгорѣлъ до основанія, и мѣсто, гдѣ стоялъ онъ, не знаю почему до сихъ поръ остается незастроеннымъ. Преспарѣлая служанка, при пособіи благочиннаго съ причетомъ приходскимъ, воскресивъ Вѣру изъ обморока, нашла съ нею убѣжище въ домѣ сего достойнаго пастыря. Пожаръ случился столь печально, и всѣ обстоятельства онаго были такъ справки, что полиція нашла нужнымъ о причинахъ его учинить подробное изслѣдованіе. Но какъ подозрѣніе не могло падать на старую служанку, а еще менѣе на Вѣру, то зажигателемъ ясно оказался Варѣоломей. Описали его примѣты, несли его явнымъ и тайнымъ образомъ не только во всѣхъ кваріалахъ, но и во всемъ уѣздѣ Петербургскомъ; но все было напрасно: не нашли и слѣдовъ его, что

★★

было нѣмъ болѣе удивительно, что зимою нѣтъ судоходства, и слѣдственно ему никакой не было возможности тихонько оплыть на проширанномъ корабль въ чужіе края. Незвѣстно, до чего могло бы довести долгое излѣдованіе; но благотивный, любя Вѣру душевно и не зная, до какой глубины могли простирались ея связи съ этимъ человекомъ, благоразумно употребилъ свое вліяніе, дабы помешать дѣлу и не дать ему большей гласности.

Такимъ образомъ Павелъ, за которымъ послали на вѣршій день, узнавъ о нѣ спарухи дорогою, что было ей извѣстно изъ цѣпи несчастныхъ приключеній, пошелъ юную свою родственницу больную въ жилищъ отца Іоанна. Гостепріимное семейство пригласило его остаться тамъ до ея выздоровленія. Выбранный молодой

человѣкъ не испыталъ въ короткое время столько душевныхъ ударовъ, и сокровенныя причины ихъ оставалась въ такомъ ужасномъ мракъ, что сіе произвело дѣйствіе неизгладимое на его воображеніе и характеръ. Онъ ослепенъ и нередко впадалъ въ глубокую задумчивость. Онъ забывалъ и прелести таинственной Графини, и буйныя веселія юности, сопряженныя съ такими пагубными послѣдствіями. Одно его моленіе къ небу соединяло въ немъ, что бы Вѣра изцѣлилась и онъ могъ служить для ней образцемъ вѣрнаго супруга. Въ минуты удивленнаго свиданія, онъ рѣшался предлагать ей сіи мысли; но она, впрочемъ оказывая ему сестриную доверчивость, съ неизмѣнною швердосенно ошвергала ихъ. «Ты молодецъ, Павелъ,» говорила она, «а я ошвергла мой вѣкъ; скоро применю меня могла,

и шамъ Богъ милосердый можетъ бышь пошлеть мнѣ прощеніе и спокойствіе.» — Эта мысль ни на часъ не оставляла Вѣру; припомъ ее кажется мучило тайное убѣжденіе, что она своею слабостью допустила злодѣя совершить погибель матери въ сей, а можетъ быть — кто знаетъ? — и въ будущей жизни. Никакое врачевство не могло возвратишь ей ни веселости, ни здоровья. Поблекла свѣжеснъ ланиты ея — небесные глаза, утрачивъ прежнюю живость, еще пѣвляли помнымъ выраженіемъ груести, угнѣшавшей душу ея прекрасную. — Весна не успѣла еще украсишь луга новою зеленью, когда сей цвѣшокъ, обещающій пышное развитіе, сокрылся невозвратно въ лонѣ природы всепріемлющей.

Надобно догадывашься, что Вѣра предъ кончиною, кромѣ духовнаго отца, повѣрила и Павлу тѣ обещан-

тельства послѣдняго года своей жизни, которыя могли быть ей одной извѣстными. Когда она скончалась, юноша не плакалъ, не обнаруживалъ печали. Но вскорѣ потомъ, онъ осматривалъ сполнцу, и сопровождаемый преслѣваемымъ слугою, поселился въ дальней вошчинѣ. Тамъ во всемъ окологкѣ слылъ онъ чужакомъ, и въ самомъ дѣлѣ показывалъ признаки помѣшательства. Не только сосѣди, но самые крестьяне и слуги, послѣ его прїѣзда, ни разу не видали его. Онъ опростилъ себѣ бороду и волосы, не выходилъ по три мѣсяца изъ кабинета, большую часть приказаній отдавалъ письменнo, и то еще, когда положалъ на его споль бумагу къ подписанію, случалось, что онъ вмѣсто своего имени возвращалъ ее съ чужою, слранныю подписью. Женщинъ не могъ онъ видѣть, а при внезапномъ появленіи

высокаго блокураго челоуька съ стьрыми глазами, приходилъ въ судороги, въ бьненство. Однажды, шагая по своему обыкновенію по комнатѣ, онъ подошелъ къ двери въ то самое время, какъ Лавреншій обворилъ ее неожиданно, что бы доложить ему о чемъ-то. Павелъ задрожалъ: «ты — не я умерилъ ее,» сказалъ онъ опривисно, и черезъ недѣлю просилъ прощенья у стараго дьдки, ибо выполкнулъ его такъ неоспорочно, что шонъ едва не проломилъ себѣ зашляокъ о проешьнокъ. — «Послѣ этого,» говорилъ Лавреншій, «я всегда прежде поешучь, а пошомъ уже войду съ докладомъ къ его мшосни.»

Павелъ умеръ, далеко не доживъ до старости. Повѣсть его и Вьры извѣстна нькоторымъ лицамъ средняго класса въ Пенсербургъ, чрезъ которыхъ дошла и до меня по изуешному пре-

данію. Впрочемъ, почтенные чина-
тели, вы лучше меня разсудите,
можно ли ей повѣршишь, и откуда у
чершей эта охота вмѣшиваться въ
людскія дѣла, когда никто не про-
ситъ ихъ?

Тить Космократовъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

Je jette mes idées sur le papier
et elles deviennent ce qu'elles
peuvent.

DIDEROT.

Въ ночь на Ивановъ день изстари
зажигались на высотахъ кругомъ Ревеля
огни, бочки съ смолою, огромные
костры: всѣ шли толпами пус-
каться на почное пилигримство, со-
бирались, ходили веругь огней и сіе
празднество въ виду живописнаго
Ревеля, въ виду зеркала моря, от-
ражающаго прибрежное сіяніе, должно

было иныиъ иъчно поэтическое и
 ипоржественное. Нынѣ развѣ кое-гдѣ
 блещуть сиропливые огни, зажигае-
 мые малымъ числомъ вѣрныхъ поклон-
 никовъ старины. Это жаль. Вездѣ
 падаютъ народныя обычаи, преданія
 и повѣрья. Народы какъ будто спы-
 дяиетя держатся привычекъ дѣтства,
 достигнувъ совершеннолѣтня. Хорошо
 инымъ; но зачѣмъ оиешавать оиъ
 поэзиі бабушкиныхъ сказокъ другимъ,
 все таки еще чуждымъ прозы про-
 свѣщенія? Право, многимъ поребятичь-
 ся еще не грѣшно. Мы съ своею
 еиененностію и нагою разсудитель-
 носію смѣицы, какъ дѣици, которыя
 важничаютъ въ маскарадахъ, навью-
 ченные парикомъ съ буклями, фран-
 цузскимъ кафтаномъ и шагою. Край-
 носіи смежны. Пешинное, коренное
 иросвѣщеніе возвращаетъ умы къ иъ-
 которымъ дѣдовскимъ обычаямъ. Ста-

рость падаетъ въ ребячество, говоришь пословица: такъ и съ народами; но только они замечиваютъ изъ своего ребячества то, что было въ немъ поэтическаго. Это не малодушіе, а набожная благодарность. Спарикъ съ умцленнымъ чувствомъ, съ пѣклымъ благоговѣніемъ смотритъ на дерево, на которое онъ лазилъ въ младенчествѣ, на лугъ, на которомъ онъ рѣзвился. Въ возрастѣ мужества, въ возрастѣ какого-то благоразумнаго хладнокровія, онъ смотрѣлъ на нихъ глазами сухими и въ сердцѣ безмолвномъ не отвѣчалъ на голосъ спарикъ, который подавали ему съ краснорѣчивые свидѣтели. Спарость ясная, лебединая пѣнь жизни, совершенной во благо, имѣетъ много созвучія съ юностью изящною: поэзія одной сливается съ поэзіею другой, какъ вечерняя заря съ молодымъ раз-

евномъ. Возрастъ зрѣлости есть душный, сухой полдень; благопворный, ибо въ немъ сосредоточивается издѣшное дѣйствіе солнца, но менѣе богатый ошныками, болѣе единообразный, вовсе не поэтический. Литературы, сіи выраженія вѣковъ и народовъ, подшверждаютъ наблюденіе. Литература, обошедши кругъ общихъ мыслей, занятій, пещинъ, выданныхъ намъ счепомъ, кидается въ пещочки первообычныхъ вдохновеній. Смотрише на литературу англійскую, германскую: Шекспиръ, утро; Цоль, полдень; Валшеръ-Сконшъ, вечеръ.

«Когда я начиналъ учиться англійскому языку, «говорить Вольшеръ о Шекспирѣ,» я не понималъ, какъ могъ народъ столь просвѣщенный уважать автора столь сумасброднаго: но познакомившись короче съ англійскимъ

языкомъ, я увѣрился, что Англичане правы, что невозможно цѣлой націи ошибаться въ чувствѣ своемъ и не знать, чему она радуется. (et a tort d'avoir du plaisir.) » Умъ Вольтера былъ удивительно свѣтелъ, когда не находили на него облака предубѣжденія или пристрастія. Въ словахъ, здѣсь приведенныхъ, есть явное опроверженіе шутокъ и обвиненій, устремленныхъ нѣмъ же Вольтеромъ на *пьянаго дикаря*. Будь Шекспиръ *пьяный дикарь*, то дикарями должны были и просвѣщенные Англичане, которые поклоняются ему, какъ кумиру ихъ народной славы. Дѣло въ томъ, что должно глубоко проникнуть въ нравы и въ духъ чуждаго народа, совершенно покумиться съ нимъ и опречься отъ всѣхъ своихъ народныхъ повѣрій, мѣтій и узаконеній, готовясь прислушаться къ сужденію о лише-

ратурѣ чуждой. *Шекспиристы*, говоря о трагедіяхъ Расина: «и Французы называютъ это трагедіею?» а *Расинисты* о театрѣ Шекспира: «и Англичане называютъ это трагедіею?» похожи на французскихъ солдатъ, которые, не окрещенные при рожденіи своемъ рускимъ морозомъ и незваные гости на Руси, восклицали въ 1812 году, спрадая отъ голода и холода: «и несчастные называютъ это опеченствомъ! (et les malheureux appellent cela une patrie!)»

Слава хороша, какъ средство, какъ деньги; потому что на нее можно купить что нибудь. Но тотъ, кто любитъ славу единственно для славы, также безуменъ, какъ скупецъ, который любитъ деньги для денегъ. Безкорыстіе славолубиваго и скунаго—противорѣчія. Счастливъ, кто жертвуя славѣ, думаетъ не о себѣ, а

хочешь озарить ею могилу отца и колыбель сына.

Вѣда иной литературы заключается въ томъ, что мыслящіе люди не пишутъ, а пишущіе люди не мыслятъ.

Сумароковъ единственъ въ своемъ самохвальствѣ: мало того, что онъ высказывалъ для сравненія свои и Ломоносова сироты, и — онѣднимъ справедливость его праводушію — лучшія сироты Ломоносова; онъ еще даль другое доказательство въ просносердечіи своего самолюбія. Въ прозаическомъ опривкѣ: *О путешествіяхъ*, вызывается онъ за 12.000 руб., сверхъ его жалованья, объѣздить Европу и выдать свое путешествіе, которое по мнѣнію его заглавливъ казнѣ съ изданкомъ, ибо считая, что продается его шесть тысячъ экземпляровъ по три рубли каждый, составившея 18,000 руб., продолжаетъ: *Если бы*

такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи, ежели бы она и триста тысячъ рублей на это безвозвратно употребила.»

Синховъ его по большей части иеречнишаванъ не можно, по опривки его прозаическіе имѣють какой-то оппечашокъ спрандосни и при всемъ безобразіи своемъ нѣкоторую живоснъ и ипривоснъ ума, всегда заманчивыя, если не всегда удовленворншельныя для любопынешнва. Въ общекнишіи былъ онъ, сказывающъ, также живъ и започивъ, какъ и въ липеранурной полемикѣ: часно не могъ онъ, на зло себѣ, удержашся отъ насмѣшки, и часно крушыми и рѣзкими выходками наживалъ себѣ непріятелей.

Онъ имѣлъ шяжебное дѣло, которое поручилъ ходатайству какого-то Г-на Чернова. Однажды, написавъ ему шсь-

но по этому делу, заключилъ его такимъ образомъ: « съ испиннымъ почитеніемъ имѣю честь быти, не ваша покорный слуга, пошому что я Чершовымъ слугою быти не намѣренъ, а просто слуга Божій, Александръ Сумароковъ.»

Свидѣтель следующей сцены разсказалъ мнѣ ее. Въ какой-то годовой праздникъ, въ пребываніе свое въ Москвѣ, прѣхалъ онъ съ поздравленіемъ къ Н. П. Архарову и привезъ новые стихи свои, напечатанные на особенныхъ листкахъ. Раздавъ по экземпляру хозяину и госнямъ знакомымъ, спросилъ онъ о имени одного изъ посѣщителей, ему неизвѣстнаго. Узнавъ, что онъ чиновникъ полицейскій и доверенный человекъ у хозяина дома, онъ и его подарилъ экземпляромъ. Общій разговоръ коснулся до драматической литературы: каждый

вносилъ свое мнѣніе. Новый знакомецъ Сумарокова изложилъ и свое, которое по несчастію не попало на его мнѣніе. Съ живою вешавъ съ мѣсяца, подошедши онъ къ нему и говоришь: «прошу покорнѣйше оидашь мнѣ мой ешихи, эшошь подарокъ не по васъ; а завира для праздника прилаво вамъ возъ сѣна, или куль муки.»

Мнѣніе одного государственнаго человека, что въ характеръ Наполеона близывалось нѣкоторое *простодушіе* (*bonhomie*), было въ свое время выда-но за мнѣніе несообразное и слишкомъ простосердечное. Не повѣряя онаго характерисшиками Наполеона, начершанными многими изъ приближенныхъ его, которые посвящали насъ въ шаниство его частной жизни и разоблачили предъ нами героя исторіи, являя просто человека, — можно каженея по одному правши-

★ ★

венному соображенію признать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ женщину приведеннаго заключенія. Въ порѣ могущества нечего было ему лукавить: однимъ лукавствомъ не совершилъ бы онъ геркулесовскихъ подвиговъ, ознаменовавшихъ грозное его поприще: шупъ нужны были спрасни, а спрасни окровенны.

Суворовъ былъ осперъ не одною оконечностью штыка, но и пера: ланискъ эпиграммы его былъ также сокрушителенъ. Онъ писалъ однажды объ одномъ Генералѣ: «онъ человекъ честный, воображаю, что онъ хорошо знаетъ свое ремесло и поному надѣюсь, что когда нибудь да вспомнитъ, что есть конница въ его арміи.»

О нѣкоторыхъ сердцахъ можно сказать, что они свойства *не промокаемаго* (*imperméable, water-proof.*)

Слезы ближних не пробиваютъ ихъ,
а только скользятъ по нимъ.

Опъ чего это мало по малу всё
крадущая въ дверь изъ шой комнаты?
что за господина эмиграція? — «Верно
N. N. началъ шамъ рассказывать анек-
доты.» — Это напоминаетъ мнѣ одно
острое слово покойника А...., ко-
шораго, впрочемъ, весь разговоръ
былъ фейерверкъ острыхъ словъ.
Назвался къ нему однажды обѣдать
знакомый, теперь также покойникъ,
но который при жизни слылъ не
даромъ неушомнымъ и упоминель-
нымъ повѣнвовашелемъ. При большой
медленности въ производствѣ мыслей,
оплачался опъ еще и большою мед-
ленностью въ произношеніи словъ.
«Я пришелъ просить у васъ отпуска
на 28 дней, сказалъ А... начальнику
своему въ день назначеннаго обѣда.—
Что тебѣ вздумалось, отвѣчали ему:

ты знаешь, теперь не время. —
« Не управляюсь прежде, » отвечалъ
А . . . : « у меня сегодня обѣдаетъ
такой-то. »

Кн. Вяземскій.

ТРИ ЭПОХИ ЛЮБВИ.

(Отрывокъ изъ неконченнаго романа.)

Три эпохи любви переживаетъ сердце, для любви рожденное. Первая любовь чиста, какъ пламень; она, какъ пламень, на все равно свѣтитъ, все равно согреваетъ; сердце неперенливо рвется изъ шьеной груди; душа просится наружу; руки все обнимають, и юноша, въ первомъ развитіи способностей, плышетель

какъ младое древо въ раннихъ листь-
яхъ и цвѣтахъ. Какъ бы ни являлась
ему красота, она для него равно
прекрасна. Взоръ его не ищетъ Вене-
ры Медицѣйской, когда онъ изумляется
важному зрѣлищу издыхающаго Лао-
коона. Холодные слова спрогаго
Омира и теплые пѣсньи чувствительнаго
Пенрарки равнозвучны въ
ушахъ его, и любовница его — одна
вселенная. Это эпоха восторговъ.

Настаетъ другая. Душа упиалась;
взоры успали разбѣгаться, имъ на-
добно успокоиться на одномъ пред-
метѣ. Счастлива первая дѣва, коно-
рую онъ впервѣишъ! Какая душа
посвящаетъ ей свои восторги! Какою
прелестью облакаетъ ее молодое во-
ображеніе! Какъ пламенны о ней
пѣсни! Какъ пѣжно юноша плачетъ!
Эта эпоха одинъ мигъ, но лучший
мигъ въ жизни.

Что разочаровываетъ отрока, когда онъ разбиваетъ имъ созданную игрушку? Что разочаровываетъ поэта, когда онъ предастъ огню первые, быть можетъ, самые горячіе стихи свои? Что заставляешь юношу забыть первый идеалъ свой, забыть юный образъ, въ который онъ выливалъ всю душу? Мы не долго любимъ свои созданья, и природа приковываетъ насъ къ дѣйствительности. Дорого плачущъ юноша за воспоминанія второй любви своей. Чѣмъ болѣе предполагалъ онъ въ людяхъ, тѣмъ мучительнѣе для него ихъ встрѣча. Онъ молчаливъ и задумчивъ. О, если тогда на другомъ челѣ, въ другихъ очахъ прочтешь онъ слѣды тѣхъ же чувствъ, если онъ подслушаетъ сердце, бьющееся согласно съ его сердцемъ — съ какою радостію подастъ онъ руку существу

родному! И какъ ясно понимаютъ они
другъ друга! — Въпть шретья эпоха
любви: эпо эпоха думъ.

Д.м. Веневитиновъ.

1826 года.

О НОВОУСТРОЕННОЙ ЦЕРКВИ
ПРИ ОБУХОВСКОЙ ГРАДСКОЙ
БОЛЬНИЦѢ.

Лишеніе блага, взятаго у насъ или тяжкою случайностію, или обыкновеннымъ ходомъ природы, печалѣется въ душахъ скорбными, и вмѣстѣ сладкими воспоминаніями. Мы любимъ припоминать себѣ счастье, которымъ наслаждались, и съ сердцемъ спѣшнымъ представляемъ себѣ утрату онаго. Таковы бывають чувствованія каждаго человека, каждой семьи людей; но если плачевная утрата

тяготѣеть надъ огромною семьею
цѣлаго народа, тогда чувствованія
сіи выражающіяся въ тысячи видахъ
и повторяющіяся миліонами голосовъ.
Еще недавно были мы тому горесни-
выми свидѣтелями и учасниками,
еще недавно плакали мы кунно съ
цѣлою Россіей надъ гробомъ Мило-
сердой Машери несчастныхъ, сырыхъ
и болящихъ, надъ гробомъ въ Возвъ
почившей Государыни Императрицы
Марии Феодоровны!

Теперь, когда утѣхли первые по-
рывы горесни, всѣ съ какимъ-то
унылымъ наслажденіемъ припомина-
ють другъ другу подвиги добра, ко-
торыми въ печеніе полвѣка счаст-
ливала Россію Благолюбивая Сія
Монархиня. Одни изчисляютъ всѣ
Богоугодныя и челолюбивыя за-
веденія, кои Она основала и гдѣ Она
пшала цемущихъ, покоила дряхлыхъ,

изцѣляла спраждущихъ, прпзрѣвала неизцѣлимыхъ, образовала юношество, возвращала обществу опшноргниуныхъ опгъ него или предразсудками людскими, или скупоспню самой природы, иногда не вполне надѣляющей человека чувствами при его рожденн. Другіе пересказываютъ примѣры Ея чашныхъ добродѣтелей: состраданія къ несчастнымъ, нѣжнаго соучаснія въ судьбѣ ихъ, кои потерпѣли тяжкія для сердца потери; воспоминающъ Ея привѣплнвость и ласковоспъ ко всякому, кто былъ осчастливленъ Ея вниманіемъ, испинно-Руское Ея госпспрнмспво и благодушную попечнпшельноспъ о покоѣ, выгодахъ и самыхъ удовольствіяхъ лицъ, Ее окружавшихъ.

Каждый годъ жпзни Ея ознаменованъ былъ новыми благопвореніями человекуспву. Одно изчисленіе ихъ

составило бы цѣлую книгу, утѣшительную для добродушннпаго друга людей. Изъ безчисленныхъ дѣлъ заботливости Сей Матери Ошечества о немощныхъ и скорбящихъ, упомяну объ одномъ, совершенномъ Ею въ печеніе мннущаго (1828) года: объ усироеніи церкви въ Обуховской градской больницѣ. По неизьяненному спеченію случайностей, освященіе сего храма происходило 22 Іюля, въ день Тезоименишснва Ея Императорскаго Величества, Высокой Покровишельницы помянушаго Богоугоднаго заведенія; а вѣчно оплакиваемая кончина Сей Незабвенной Монархини возпослѣдовала въ годовыи праздникъ онаго новоосвященнаго храма, въ день Божіея Машери всѣхъ скорбящихъ радости, 24 Октябрия.

Ея Императорское Величество, удостоивъ прнннпть подъ Высокое Своѣ

покровительствово Обуховскую градскую больницу, съ 1-го Марша 1828 года, изволила ознаменованъ первое Свое посѣщеніе сей больницы изъявленіемъ Высочайшей Своей воли, усмотрѣвъ при оной храмъ во имя *Образа Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ радости*, и возложила приведеніе оной въ дѣйствіе на Попечителя Обуховской больницы, Дѣйствительнаго Сшанскаго Совѣтника А. Д. Снога. Изнавъ церкви, усмотренной въ самомъ больничномъ зданіи, въ средней палатѣ верхняго этажа, сопоставленъ былъ архидіаконъ Квадри и исполненъ съ Высочайшаго утвержденія. Государь Императоръ изволилъ пожаловать въ сію церковь богатыю ризницу, а въ Божь почившая Государыня Императрица великодушную ушваръ и церковныя книги. Пѣкоторые часовныя лица, движимыя Высокимъ примѣромъ

Августѣйшихъ Звѣдипелей благолѣпія въ новоустроенномъ храмѣ, принесли въ даръ оному разныя пожертвованія. Такъ супруга Попечителя Обуховской больницы, Г-жа Дѣшев. Сп. Совѣщн. Софія Михайловна Споговъ, принесла въ даръ церкви посвященный надъ жертвенникомъ Образъ Божіея Маіери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, списанный сухими красками съ подлинной картины Гверчини, академикомъ Бугаевскимъ; Санкціонербургскій Градскій Глава П. П. Кусовъ — шипный Образъ Іоанна Богослова, шрудовъ бывшей воспитанницы Смольнаго монастыря, Т. С. Марьи Соколовской, урожденной Яковлевой; Смоленскель Обуховской больницы, К. С. Сорокинъ — Образа Богомаіери Пверскія и Свящителя Николая. (*) — Во время устройства

(*) Въ послѣдствіи, одна незадѣленная особа принесла въ даръ сему храму еще три картины ду-

церкви, Градскій Глава Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ Кусовъ, до-
снавилъ Попечителю пожертвованныя
оныхъ разныхъ лицъ 4650 руб., и удо-
стоился за сіе получить Высочайшее
благоволеніе Ея Императорскаго Вели-
чества.— Директоръ Александровскаго
литейнаго завода, Г. Кларкъ, принесъ
въ даръ церкви чешыре посеребренныхъ
лампады.— Въ день же освященія храма
сего, 1-й гильдіи купецъ и Коммерціи
Совѣтникъ П. П. Пономаревъ, воз-
хищенный благоуміемъ иконописца,
принялъ на себя уплату слѣдовав-
шую за живопись оного двухъ тысячъ
рублей.

ковнаго содержанія, писанныя отличными древни-
ми художниками; а Г. Градскій Глава Кусовъ, вмѣ-
стѣ съ братомъ своимъ Коммерціи Совѣтникомъ
Алексѣемъ Нв., пожертвовали весьма красивое се-
ребряное паникадило.

Иконостась сей и точно привлекаетъ взоры и обращаетъ на себя вниманіе любителей изящныхъ искусствъ. Всѣ иконы, находящіяся въ ономъ, писаны Г. Академикомъ Венеціановымъ и учениками его, которыхъ труды съ весьма выгодной стороны являлись въ Академической выставкѣ 1827 года. Имена Гг. Тиронова, Алексѣева и Злашова обѣщаютъ намъ современемъ отличныхъ художниковъ въ снхъ молодыхъ воспитанникахъ Г. Венеціанова. Изчислимъ образа, написанные ими, подъ руководствомъ ихъ учителя, для иконостаса Обуховской больничной церкви.

Запреснольный образъ: *Изцѣленіе разслабленнаго*, оригинальный; трудъ ученика Тиронова. Въ Царскихъ вратахъ, снски съ оригиналовъ Боровиковскаго: *Богоматери* и *Архангела Гавріила* — у. Денисова; Евангелис-

шовъ *Иоанна и Матоея* — у. Серебрякова; *Луки и Марка* — у. Зиновьева. Надъ вратами, Тайная Вечера, Леонарда да Винчи, съ эстампа — у. Злашова. — Мѣстные Образа: *Преображеніе Господне*, списокъ съ оригинальной картины Венеціанова — у. Тиршова; *Богоматери всѣхъ скорбницъ радости*, оригинальный — у. Алексеѣва; *Архангела Михаила*, списокъ съ оригинала Боровиковскаго — у. Алексеѣва. *Св. Марія Магдалина*, оригиналь, шрудовъ самого Г. Венеціанова. *Плащаница*, оригиналь — у. Алексеѣва.

Рѣзная и позолотная работа иконостаза произведена была купцемъ Кузнецовымъ. — Живопись въ аркѣ и на оной, также по стѣнамъ церкви и на пополкѣ, работы художника Травина.

Образа на хоругвяхъ: *Христа Спасителя*, съ шерповымъ вѣнкомъ, спис-

сокъ съ карнишы Боровиковскаго; *Александра Певскаго*, съ карнишы Егорова; *Божіел Машери*, съ оригинала Гвидо, и *Святителя Николая*, съ карнишы Боровиковскаго, — всѣ работы глухо-нѣмого Беллера, воспитаннаго въ здѣшнемъ Училищѣ Глухонѣмыхъ на иждивеніи въ Божѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Церковь сія, какъ выше было упомянуто, освящена 22 Іюля 1828 года, въ день Тезоименичества Ея Императорскаго Величества. Освященіе совершалъ Преображенскаго Собора Протоіерей съ чинарми священниками, въ числѣ коихъ былъ и новоношенный изъ кандидатомъ Богословія священникъ церкви при Обуховской Больницѣ, Александръ Горяскій, который произнесъ, по окончаніи литургіи, приличное торжествену шого

дня слово. Текстъ замѣчательнаго сего слова взятъ былъ изъ книги Царевны; «Благословенъ Господь Богъ днесь, «иже даде покой людямъ своимъ — «Израилю.» Иеность въ изложеніи Христіанскихъ пѣсней, убѣдительное краснорѣчіе и чистота языка общепонятнаго — пошому чинъ оны болѣе сближенъ съ языкомъ разговорнымъ — весьма много способствовали къ умилению преденоявншихъ.

Благодарственная молитва по освященіи храма, принесена была и священствомъ, и посѣщителями, и болящими призрѣваемыми, съ колѣно-преклоненіемъ, съ чувствами душевнаго умиленія и щедрой благодарности къ Царю Царей. По совершеніи же литургіи, всенѣно было молебствіе о здравіи Государя Императора, Государыни Императрицы Александры Феодоровны, Государыни Императрицы

Марии Ѳеодоровны, Высокой Покровительницы заведенія, и Всего Августѣйшаго Императорскаго Дома; принесены были также молебны о служащихъ при семъ заведеніи и призрѣваемыхъ въ ономъ.

Попечитель Обуховской больницы имѣлъ счастіе въ ночь же день, принеся лично въ Павловскъ всеподданнѣйшее поздравленіе Государынѣ Императрицѣ со днемъ Ея Ангела, поздравивъ Ея Величество и съ освященіемъ храма, Высочайшимъ Ея попеченіемъ усироеннаго, Государыня Императрица, принявъ съ особеннымъ удовольствіемъ сіе извѣстіе, изволила пожаловать (сверхъ суммы, доспавленной прежде отъ Ея Величества для пополненія Всемилощивѣйшедарованной ризницы) еще тысячу руб. въ казначаль новоосвященной церкви.— Деньги сіи приложены были при

Высочайшемъ рескриптъ Ея Императорскаго Величества, оны 22 Юля, на имя Понечинскаго больницы, А. Д. Спюга. Десниное благоволеніе Государыни Императрицы, изъясненное въ заключеніи сего рескрипта, было для получившаго оныи самую ободрительную и сладешивѣйшею наградою.

Такъ умѣла благоиворить, шакъ умѣла привизывать къ Себѣ души и сердца вѣрноподданныхъ, неподражаемою Своею благосклонношю, Сія Милосердая Монархиня, бывшая на землѣ живымъ образомъ Благосши Небесныя! Съ чувешвами горешни объ ушранѣ Ея, едва умѣряемыми воспоминаніемъ Ея къ намъ щедротъ и благодѣній, слышаемъ съпующій голосъ нашъ съ голосомъ поэта (*).

(*) В. А. Жуковскаго. См. Сѣверную Пчелу на 1828 годъ, Но 137.

Благодаримъ! благодаримъ
Тебя за жизнь Твою межъ нами!...
Въ единый плачь слись сердцами,
Искъ предъ Тобою говоримъ:
Благодарили! благодарили!
И внуки повторить за нами
И съ нами свѣшь; благодарили!

О НОВОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКѢ.

Пускай шалашигъ не мой удыль,
 Но и для музъ дышалъ не даромъ:
 Любилъ прекрасное; и съ жаромъ
 Твой гений чувствованья умѣлъ.

Стихи Ватюшкова къ Карамзину.

Смотря на послѣднія происшествія
 вѣка оиъ возвышенія до паденія На-
 полеона, кино-шо въ Европѣ говорилъ:
я живу изъ любвишества. Угодно ли
 у насъ имѣть такое побужденіе для
 жизни людямъ, давно соскучившимъ
 всемъ обыкновеннымъ, — нуешь они
 взглянуть на происшествіе, чудесно
 въ нашей литературѣ.

Тѣнь Карамзина, посвященная почпи
 полувѣковою славою, споншь передъ
 нами; и какъ будто преслѣдуетъ ста-

рыхъ и новыхъ соперниковъ, но соперниковъ-самозванцевъ, съ успіемъ влачащихся на попрнице его славы и до упадка борящихся съ нею. Такое бореиіе пробудило бы одинъ смѣхъ, какъ замѣтила справедливо К. Вяземскій (*), если бы не послѣдовало изъ того важнаго дѣла и странной тяжбы: геній Карамзина не имѣетъ нужды въ защитникахъ; его творенія не могутъ спряться онъ порицателей; нѣтъ въ немъ сомнѣній. Но въ перешнемъ соепоиіи дѣла, при явномъ разгоряченіи нѣкоторыхъ умовъ, при тайномъ охлажденіи другихъ къ шрудамъ сего исашема, не должно молчать, какъ нѣкогда молчалъ Карамзинъ, но говорить за него, за честь шаша, за справедливостъ дѣла.

(*) См. замѣчаніе къ стихотворенію: *Вольс*, въ 19 No Телеграфа на 1828 годъ, стран. 271.

Съ перваго взгляда кажется, будно крипика можетъ бытъ дѣломъ всякаго писателя, и что она входитъ въ права ученика и мастера въ семь дѣлъ; но я смѣю думать, что крипика, въ ея высочайшемъ отношеніи размерѣнная, есть родъ либеральной диктантуры, на которую даютъ право только заслуги и способности, въ республикѣ наукъ признанныя. Великія власни вѣрною великимъ людямъ или покрайней мѣрѣ людямъ опытнымъ. Кто идетъ парави съ вѣкомъ и просвѣщеніемъ, тотъ знаетъ, какія порученія пребуяна, въ системѣ законодательства, отъ представителей народа. Вы хотише бытъ въ словесности представителемъ вкуса, мѣня, искусства писатъ: укажише мнѣ на права ваши; укажише на голоса, васъ избравшіе; укажише наконецъ на ли-

литературныя шипла, копорыя оправдывають вашу высокую миссию. Безъ того мы въ правѣ оприцать ваше законодательное предешавишельство. Книжничанъ и подобныя кришники могутъ взвѣшивать дарованія и оцѣнивать славу Тацшновъ, снхъ краснорѣчивыхъ Тацшновъ, передъ копорыми блѣдятъ шпраны и завешники.

Какъ! развѣ не можетъ всякій учешкъ, всякій прешеденнъ на ученость, съ высоты судейскаго мѣсна своего, бросать на бумагу приговоры и по своему произволу чернить славу писателя? Да; не можетъ того по совѣсти; ибо авторъ имѣетъ свою опчешливость и даже смыдливость. Приличіе, строгое приличіе, почерпнутое не изъ сухихъ уваженій чешовѣческихъ, но изъ самаго здраваго смысла, говоритъ, что юный умъ, во храмѣ ли Музъ или въ свѣтскомъ обще-

спѣтъ, не позволяешь себѣ возвысить голосъ передъ другими въ поученіе или въ осмѣяніе знаменитыхъ людей. Но шѣмъ же побужденіямъ не позволяешь себѣ кришкѣ, новый въ своемъ дѣлѣ, оспоривать съ одного авторитета своего дошюшисва Карамзина и рѣшительно онказывать ему въ шаланнахъ пепорика. Но шакъ водилоея въ старое время: новое пришло новыя правила и мысли. Пускай шакъ, въ другихъ онношеніяхъ, но въ законахъ здраваго смысла, конечно пѣшь. Просвѣщеніе, какъ бы оно велико ни было, должно всегда бышь вѣрно пещишь и разсудку; и за вѣчныя ихъ границы не перешушншь мудрость человѣческая.

Мы гордимся просвѣщеніемъ; хвалимся патриотизмомъ; величаемся любовью ко всему рускому; но справедливая гордость народная не ревнуешъ ли къ дошюшисву гражданина, быв-

шаго славою опечесива и украшеніемъ ея словесности? Чшо видимъ у другихъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ? Гордый сынъ Великобританіи не дасть уроки славы Шекспира; онъ защищаетъ съ жаромъ не только его красоны, но и самыя уродливости; и можетъ быть общій голосъ Англичанъ обратилъ вниманіе Европы на сего великаго поэта. Съ шѣмъ же подобоспрашѣемъ, съ шѣмъ же энтузіазмомъ говоритъ глубокомысленный Германецъ о своемъ Гердерѣ, о Шиллерѣ и особливо о Гёте. Французскій народъ, часто непосояннй, часто легкомысленный, не успунаетъ равнодушно своего литературнаго наслѣдія, своей классической почвы на разхищеніе и въ добычу ультра-романикамъ. А мы рады и готовы рашованъ за честь Кальдерона, за милья Шлегеля, за преимущества послѣдняго Нѣмецкаго

романика; но стояль за своего образцоваго писателя, по говориль за рускаго Пешорика, когда онь не держался новыхъ теорій, и какого-то новаго *взгляда* на пешорію, было бы несовмѣстно съ духомъ времени и поколѣнія. Развѣ для соблюденія одной благопристойности изъ тысячи другихъ, явнымъ образомъ нарушенныхъ, мы дозволимъ себѣ только поклониться досадной шѣни, и въ то же время пропустимъ мимо себя фалангу запоздалыхъ бойцевъ въ шайной надеждѣ, что они сражуютъ съ ногъ неполина, ихъ опередившаго, и уронять колосѣ, видный въ народѣ и вѣкъ. А, кажется, было бы такъ естественнѣе хвалить и любить народную славу, ошечественныя заслуги, все благородное, все великое на родной землѣ и въ ея быту ученомъ или гражданскомъ. «Имя русское имѣеть для насъ особенную пре-

«десптъ»,» говоритъ поэтъ писатель, о конпоромъ идеть рѣчь; «сердце мое «еще сильнѣе бьется за Пожарскаго, «нежели за Оемиснокла или за Сципио- «на.» Не выразишь ли онъ въ семь патристическомъ порывѣ вдохновенія чувешво согражданъ къ его имени? осмѣлимся ли подозрѣвать ихъ въ неблагодарности къ его памяти?

Ишь; сыны ошечесства, великіе именемъ и дѣлами, приносятъ ему данн благоговѣнія. Писатели, способные бышь органами мнѣнія, говорявъ о немъ съ удивленіемъ (*). Вѣки и пошомешво скажутъ: Рускій народъ умѣлъ бышь ему благодарнымъ за шворческіе его шруды, конорыхъ слава ошражаешся на Россію.

Вл. Измайловъ.

(*). См. Сѣверные Цѣлшы, на 1828 годъ, страницъ 223 до 225.

П О Э З І Я.

ТОРЖЕСТВО ПОБѢДИТЕЛЕИ.

Пашь Пріамовъ градъ священный !
Грудой пепла спать Пергамъ !
И побѣдой насыщенный ,
Къ осипрогрудыгь кораблямъ
Собрансь Эллены — шрпизну
Въ честь мншувшаго свершишь ,
И въ желанную опчизну
Къ берегамъ Эллады пльнишь .

Пойте, пойте гимнь согласной !
Корабли обращены
Огнь враждебной спороны
Къ нашей Греціи прекрасной .

Брегомы шла толпа густая
 Ціонскихъ дѣл и жезъ:
 Итъ опеческаго края
 Ихъ вези въ далекій паѣтъ,
 И съ побѣдной пѣсню дикою
 Ихъ свезаея наикій сионъ
 По шебъ, свашой, великой,
 Невозрашній Ціонъ.

Вы, родные холмы, нивы,
 Намъ вась боль невидань!
 Будемъ въ ребенвъ увидать . . .
 О, сколь мершвые счастливы!

И съ предвѣдывемъ по изглядъ
 Жершву самъ Калхастъ закъаъ:
 Грады-зпждущей Палаадъ
 И губящей! опъ воззвать:
 Буреносцу Носсидопу,
 Воздыманею каловъ!
 И носящему Горгону,
 Богу смертныкъ и боговъ!

Судъ оконченъ! споръ рѣшился!
 Прекршмъся борьба!
 Все исполнила судьба!
 Градъ великій сокрушился!

Царь народовъ, сынъ Атрея
 Обзоряя полковъ число:
 Въ слѣдъ за нѣмъ на брегъ Сигей
 Много, много ихъ пришло...
 И незаныйй мракъ печали
 Ошумившъ царскій взглядъ:
 Благороднѣйшіе пали!
 Мало съ нимъ пойдещъ назадъ!

Счастливыиъ поитъ, кому сіянь
 Бытія сохранено,
 Тотъ, кому вкусить дано
 Съ милой родиною свиданья!

И не всякой насладится
 Миромъ, въ свой пришедши домъ:
 Часно злобный ковь нашиси
 За домашнимъ алшаремъ;
 Часно Марсомъ пощаженный
 Погибаещъ онъ друзей!
 Рекъ Палладой вдохновенный,
 Хипроумный Одиссей.

Счастливыиъ поитъ, чей домъ украсенъ
 Скромной вѣрностью жены!
 Жены лучшъ новизны;
 Посмоаныйй миръ нѣмъ спашенъ!

И стоящій близъ Елены
 Менелай тогда сказалъ :
 Плодъ губительный пѣмпы !
 Ею самъ пѣмвинникъ палъ.
 И погибъ виной Паридъ
 Опагченный Илюсъ :
 Неизбѣженъ судъ Кроида ,
 Все блюдеть съ Олимпа онъ !

Злому злой конецъ бываетъ !
 Гибнеть жершвой Эмендъ ,
 Кипо безумно, какъ Паридъ ,
 Право госня осквернеть .

Пусть веселый взоръ счастливыхъ —
 Оплеветъ снѣгъ сказалъ —
 Зришь въ богахъ боговъ правдивыхъ !
 Судъ ихъ часто слѣгъ бывалъ :
 Сколькихъ бодрыхъ жизнь побѣкла !
 Сколькихъ низкихъ рокъ щадить !...
 Ныль великаго Панрокла !
 Живъ презрительный Терситъ !

Смертный! вѣчный Дій фортуны
 Своеравной предель насъ !
 Уловяй же быспрый часъ ,
 Не тревожа сердца впусть .

Лучшихъ бой похитилъ ярый!
 Вѣчно памятенъ намъ будь,
 Ты, мой братъ! ны, подъ удары
 Подспавлявшій твердо грудь!
 Ты, конорый насъ пожаромъ
 Осажденныхъ защитилъ!...
 Но коварнѣйшему даромъ
 Щипъ и мечъ Ахилловъ быть.

Миръ тебѣ во тмѣ Эрева!
 Жизнь твою не врагъ пожаль:
 Ты своею силой палъ,
 Жершва гибельнаго галва.

О Ахилъ! о мой родителе!
 Возгласилъ Неоптолемъ.
 Выспрый міра посвѣщилъ,
 Жребій лучший взялъ ны въ немъ!
 Жинь въ любви племенъ дѣлами —
 Благо первое земли!
 Будемъ вѣны именами
 И сокровныя въ тили!

Слава дней твоихъ немална!
 Въ пѣсняхъ буденъ цвѣсть она:
 Жизнь живущихъ не вѣрна!
 Жизнь ожившихъ неизмѣнна!

Смерть величить умокнути влюбь!
 Диомедъ провозгласилъ.
 Слава Гектору во гробѣ!
 Онъ краса Пергама былъ;
 Онъ за край, гдѣ жили дѣды,
 Веледушно пролилъ кровь!
 Побѣдившимъ — честь побѣды!
 Охраняющему — любовь!

Кто, на судъ явись кровавый,
 Славно палъ за оный домъ,
 Тонгъ, пощенный и врагомъ,
 Будетъ живъ въ преданьяхъ славы!

Неспортъ, жизнью убитый,
 Нацѣдилъ вина φίла,
 И Гекубѣ сокрушенной
 Дружелюбно вышилъ дѣла.
 Пои спраданій умоленъ,
 Добрый Вакховъ даръ вино!
 И веселость и забвенье
 Противленъ въ насъ оно.

Если грудь вполнѣ согрѣта,
 И въ ухахъ вино кипитъ:
 Скорби наши быстро мчимъ
 Ихъ смывающая Лена.

И вперла взоръ Кассандра,
Видя шепчущимъ ей богамъ,
На пустынный брегъ Скамандра,
На дымящійся Пергамъ.
Тво великое земное
Разлезаенса, какъ дымъ!
Нынѣ жребій выдалъ Трою,
Заштра выпаденъ другимъ!

Смерпный, силѣ, насъ гнѣнущей,
Покорийся и шерпи!
Сидцїй въ гробъ, мирно си!
Жизнью пользуйся, жпнущїй!

(Изъ Шиллера.) В. Жуковскій.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Когда для смертного умолкнет шумный день
 И на немыслимые спогны града
 Полупрозрачная наляжет ночи тень
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
 Въ то время для меня влечется въ тишинѣ
 Часы поминутнаго бдѣнья:
 Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горюетъ во мнѣ
 Змѣя сердечной угрозы.

Мешны кипятъ, въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Тѣснится прѣккихъ думъ избытокъ,
 Воспоминаніе безмолвно предо мной
 Свой дивный разливаетъ свѣтокъ;
 И съ обращеніемъ чинна жизнь мою,
 И пренецу и проклинаю,
 И горько жалуясь, и горько слезы лью,
 Но спрокъ печальныхъ не смываю.

А. Пушкинъ.

Т Ы И В Ы.

Пустое *Вас*, сердечнымъ *Тво*
 Она обманомъ замѣнила,
 И всѣ счастливыя мечты
 Въ душѣ влюбленной возбуждала.
 Предъ ней задумчиво спую,
 Свесни очей съ нея нить силы;
 И говорю ей: какъ *Вас* мила!
 И мыслю: какъ *Тебя* люблю!

А. Пушкинъ.

Э П И Т А Ф І Я.

Какъ упрямъ на цвѣтахъ весенняя роса,
 Едва она на сей землѣ блеснула,
 Съ улыбкою на здѣшній мѣръ взглянула
 И вознеслась къ себѣ на небеса.

И. Крыловъ.

ИРЛАНДСКІЯ МЕЛОДИИ.

(Изъ Мура).

I.

Мнѣ дорогъ часъ, когда блѣднѣетъ пламень дня
 И солнце съ запада на море льнетъ сѣнне:
 Тогда вспаюгъ мечты днѣй прошлыхъ для меня
 И вздохъ вечерній шлетъ къ небѣ воспоминаше.

Люблю и видѣшь пунь на зыбкомъ ловѣ водѣ,
 Проспертый къ западу огненной полосой:
 И бы пошелъ по немъ! бышь можешь, онъ едетъ
 На островъ радости, къ веселью и покою.

II.

Можетъ въ зеркаль водѣ отражаться луна,
 Хошь ихъ вѣдръ глубина и мушна и жадна;
 Могутъ свѣтлой улыбкой усна раздѣсти,
 Хошь въ разважны сердце разбино въ груди.

Роковой, грозный призракъ промчавшихся дней,
 Незыблемъ всегда, среди веселій и бѣдъ:
 Цѣлый вѣръ его шибало туманной покрывшъ;
 Но живить его радость, печаль не мрачишь.

Она въ минуты веселья спонитъ предъ душой,
 Какъ засохшая вѣшка въ подуденный зной:
 Хотя блещишь она въ свѣтѣ огненныхъ лучей,
 Но не живить, не цѣлится никогда уже ей.

М. В.....ко.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ДУШЪ.

(С к а з к а).

Завесь, люби семью людскую,
 Парно души сошворишь
 И напередъ одну мужскую
 Съ одною женскою согласишь.
 Хвала всевышней благосливши!
 Но въ ней намъ мало пользы живить:
 Гдѣ душу парную найши?

Гдѣ? разлплся въ наше время
 Такъ далеко людское племя,
 Такъ многочисленны пуни!
 Куда пойду? жешашь съ горемъ,
 На кладный Сѣверъ, знойный Югъ?
 За Вѣлымъ, или за Чернымъ моремъ
 Блауждаешь пыгъ, желанный другъ?
 Не все: приводить въ искушенье
 Еще другое запруднение:
 Порою съ родственной душой
 Сполкнешься, по свѣну блауждая,
 И радъ; но вонгъ бѣда какаи:
 Душа родная — роить чужой
 И посторонний подбородокъ!...
 Враскдуюгъ чувствва межъ собой:
 Признанься, способъ мировой
 Находкой быль бы изъ находокъ!
 Объ эшомъ, добрые друзья,
 Вамъ предлагаю подѣспъ я.

Въ земль, о коей справедливо
 Намъ чудеса вѣщашь старъ,
 Въ Египтнѣ славномъ, жиль-быль Царь,
 Имьль онъ дочь — шворенья диво,
 Красонгъ подсолнечныхъ алмазъ,
 Восшоргъ душигъ, веселье глазъ:
 Челомъ бѣще млтій Цила;

Коралла пышнаго морей
 Устами сѣжкими аллі;
 Яснѣ дневнаго свѣтила
 Улыбкой ясною своей.
 Въ предѣлахъ самыхъ ондалениныхъ
 Посилася ея жвала
 И полкъ Царей иноплеменныхъ,
 Къ ней женихами привела.
 Въ Мемфисѣ древнемъ уступали
 Одни пиры ширать другимъ:
 Въ прикрасу блюдамъ дорогимъ
 Красивый черепъ подавали.
 Въ кругу любовниковъ своихъ,
 Свѣтила, прелеснига, возседа,
 Моя Царевна молодая
 Совсѣмъ съ ума сводила ихъ.
 И все бы ладно шло; но что же?
 Всегда веселая, она
 Вдругъ стала пасмурна, грустна,
 Такъ что на дѣло не похоже.
 Къ своимъ высокимъ женихамъ
 Вниманье вовсе прекратила
 И кромѣ колкихъ эниграммъ
 Имъ ничего не говорила.
 Какая же была вина,
 Что измѣнилась такъ она?
 Любовь. Случайною судьбою,

Державный вирь ея отца
 Украсилъ лириною игрою,
 Призвами юнаго пѣвца:
 Не возхвалять онь Озирода,
 Не славить Аниса быка,
 Любовь онь пѣлъ, о Зораида!
 И пѣснь его была сладка,
 Какъ воду согласное журчанье,
 Какъ пѣвныхъ горлицъ воркованье,
 Какъ шумный репонгъ вѣтерка,
 Когда, въ полудень возмешенный,
 Лобзаетъ онь пѣль подишика
 Цѣшнокъ, роскошно услащенный.
 Свершлася вышній притоворъ,
 Свершится! никакою силой
 Неотразимый, съ энихъ поръ
 Предъ ней носился образъ милой;
 Съ пѣхъ поръ въ душѣ ея звучалъ,
 Звучалъ всечасно голосъ пѣвной,
 Не вишалъ, уносилъ
 Тоскою сладкой и мяшежной!
 Какъ гупы эни дикари,
 Разноплеменные Цари!
 И какъ прелестень онь! вдыхая,
 Мечтала дѣва молодая.
 Но между пѣмъ лепѣли дни;
 Рѣшенья госпни ожидаамъ,

Ръшенье не было. Они
 Уже сердиться начинали.
 Вошь съ важнымъ видомъ наконецъ,
 Такъ мошитель дочери, ошець:
 «И негодую совершенно:
 Не все ль возможные Цери
 Передъ тобою, говори?
 Чрезъ шрое сунуокъ непременно
 Ты женитка мнѣ избери,
 Не шо вкнуся бороною
 Шупинишь не буду я съ шобою.»

Такая рѣчь была ясна.
 Чшо сшало съ милою Царевной?
 На чшо, въ судьбѣ своей плачевной,
 Рѣшилась бѣдки она!
 Рыдала долго Зоранда,
 Врывала сердце ей обида,
 Врывала сердце ей печаль.
 Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась:
 Лицемъ Царевны пролеглаась
 И шепчуще: «ажь, едва, едва
 Но чшо мы знаемъ? сшансьеи можеть,
 Онъ въ самомъ дѣлѣ мнѣ поможень.»

Вамъ рассказать я позабылъ
 Чшо въ эту пору, мой чшпашель,
 Сшольшнннй магъ въ Мемфисѣ былъ,
 Изиды въцѣй шолковашель.

Онъ, если не лгала молва,
 Проникъ въ тайны египетна,
 На то и жить почтенный дядя;
 Онвертнуть міра суепу,
 Не пить, не бить, не спать онъ, глядя
 Въ глаза священному кошу.
 И въ постель-шо было уюванье
 Къ нему-шо, милое дружи,
 Рѣшилася на совѣданье
 Ниши красавица моя.

Едва рѣдѣеть мгла ночная
 И пробуждаешься начиная,
 Едва румянится восшокъ ;
 Еще великой Мемфисъ дремлетъ
 И устро не хоти приемлетъ,
 А ужъ покинувъ свой чертогъ,
 Въ простой и чуждой ей одеждѣ,
 Но страха чуждаго полна,
 Выходящъ за городъ она.
 Передъ очами Зораиды
 Пустыни ша, гдѣ пирамиды,
 За пирамидами всѣхъ оныхъ
 И (величавы гробницы)
 Гигантскимъ кладбищемъ ведунгъ
 Къ снопамъ огромной ихъ Царицы.
 Себѣ чудакъ устроитъ шупъ
 Философическій прионъ.

Благодаетъ дѣла молодой
 Среди снолицы гробовой:
 И вошь примѣняетъ кровь жилаю,
 Идѣ коимъ пальма вѣковая
 Сноишь, роскошно помавал
 Широколиственной главой.
 Царевичъ видитъ предъ собой
 Обишель свариды. Для чего же
 Основовилась она,
 Внезапно взоромъ смущена
 И чушкимъ ухомъ на снорожь?
 Чшо дашью ирепенной своей
 Обьеметь сердце? чшо шакъ вынешь
 Ея лице? и грудь у ней,
 Чшо шакъ неровно, сильно дышетъ?
 Приноситъ пѣснь издалека
 Тѣ дуновение вѣтерка.

Пѣснь.

За чѣмъ ошь рашного развѣша
 До поздней ночи а пою,
 Безумной шницей, о Пѣсна!
 Красу жестокую швою?
 Чужда, чужда шы сожалѣнья;
 Звѣзда взоидеть, звѣзда зайдеть;
 Сурова ты, а мнѣ забвенья
 Безсильный лошось не дашеть.

★ ★

Люблю, любви въ могилу сииду;
 Не сокрушима цѣпь моя;
 Я видѣть диво Зоранду
 И не забыть Цѣны я.

Чей это голосъ? Вседержишель!

Она ль его не узнаешь!

Цѣнецъ, души ся наѣвшишь,

Другую пламенно поешь!

Какая страшная измѣна!

Уже дрожатъ ея колѣна,

Ужъ меркнень събитъ въ ея очахъ,

Безъ чувствень упала бы во прахъ;

Но нашей дѣвѣ въ шо мгновеное

Предсказо чудное видѣше.

Гладишь; въ одеждѣ шуновской

Врещеъ къ ней старецъ гробовой.

Плещъ торжественной и дикой,

Вълобородой, желшолчкѣй,

Въ какой-шо осирой шаклѣ онъ,

Несирѣнть множественномъ каракулѣ

На немъ широкій балахонъ:

То былъ почтенный изгнѣ Оракулъ.

Къ Царевнѣ шрепешной моей

Подходитъ онъ; на шемъ ей

Привѣшно руку налагаетъ,

Увидишь съ улыбкою въ лицо,
 И ободрительно взираешь;
 « Прими чудесное кольцо:
 Ты имъ, о дѣва! уничтожишь
 Хитросплетенный узелъ твой.
 Кому на персть его возложишь,
 Съ нимъ помѣняешь вѣдой.
 Надъ, и мудрость Озарида
 Пасиваешь свыше мысль твою.
 И даромъ симъ, о Зораида,
 Тебѣ за вѣру воздаю. »

Возвращена въ свои чертоги,
 Душою полная тревоги
 Царевна думаетъ: « во снѣ
 Все это чудилось мнѣ?
 Но вѣшь, не спомнишь ли это!
 Кольцо на палецъ мой надѣно
 Цющеннымъ снарцемъ: коня оно.
 Какую жь пользу въ немъ найду я?
 Онъ говорилъ, что дарюя,
 Такъ безпоколно, шакъ немно. »
 Опять Царевна улыбается
 Недоумѣна полна;
 Но вошь невольницъ призываетъ
 И онысканъ повѣщаетъ
 Свою соперницу она.

Но повельною другому,
 Какъ будно къ празднику большому,
 Ея чертоги убраны;
 Вездѣ легли ковры богаты
 И дорогіе ароматы
 Во всѣхъ каминахъ возжены,
 Всѣ водометы пущены;
 Ваннаюмъ рѣдкими дѣшными
 Ряды узорчатыхъ ковшикъ
 И помоль воздухъ голосами
 Иноземельныхъ, чудныхъ пивецъ;
 Все нѣгой сладостною дышетъ,
 Все дивной роскошью пышетъ.
 На протѣ, радостнымъ вѣщомъ,
 Порфирой радостной блещая,
 Сидитъ Царевна молодая,
 Окружена своимъ дворомъ.
 Вонще прилежно наблюдаетъ
 Ея глаза смущенный дворъ,
 И угадывъ по нимъ желаетъ,
 Что знаменуетъ сей позоръ:
 Она въ безмолвіи глубокомъ,
 Какъ съномъ обьятая, сидитъ
 И неподвижнымъ, мундиромъ окомъ
 На двери дальнія глядитъ.
 Придворные безмолвные шожо.
 Дверь отворилась; «Вонъ она,»

Лицею блѣднѣе холстина,
 Царевна вскрикнула. Кого же
 Узрѣла, скорбила душой,
 Въ толпѣ невольницъ предъ собой?
 Кого? пасынку молодую
 Собой довольно не дурную
 Но очень смуглую лицомъ,
 Глазами бойкую и злую,
 Съ нахмуреннымъ, упрямлгъ лбомъ.
 Царевна сморгнула и мечтаетъ:
 « Она ли мнѣ предпочтена! »
 Но воли придворныхъ высладеетъ
 И опасеня съ ней одна.

Царевна первого привѣтна
 Искала долго, наконецъ
 Неудачно молвила: « Нѣзна!
 Ты видннше пышетъ мой дворецъ,
 Въ жемчугъ и злато я одѣна,
 На мнѣ порфира и вѣнецъ;
 Я красотою диво свѣта,
 Очарованіе сердець!
 И всюю славою земною
 Надлѣна моею звездою:
 Чего желанъ могла бы я?
 И чинъ жь, Нѣзна, въ скорби чудной,
 Милѣ мнѣ швой жребій скудной,
 Милѣ мнѣ звезда швоа.

Нѣзна, хочешь ли, съ тобою
 И поѣдишься авѣздой? »
 Мудрентъ Царевниинъ быль привѣтитъ,
 Но не заснѣбичива природно:
 « Какъ вашей милосни угодно, »
 Нѣзна молвила къ обѣвѣнъ.
 Тогда на палець ей надѣла
 Царевна дивное кольцо:
 Закрыць смущенное лицо
 Руками бѣдная хонѣла;
 Но что же? въ мигъ волшебный сей
 Моя Царевна оживилась
 Душой Нѣзпипой; а въ ней
 Душа Царевны очутилась.
 Другое чудо: бышиѣ
 Черемѣнннѣ, лице свое
 Закрыла дурочка снѣпная,
 Царевна же на оборонѣ
 Спустила руки на живонѣ,
 Ронѣ удивленннѣ разѣвонѣ.
 Гдѣ Зоранда, гдѣ она?
 Оспалась нѣвнѣ ея одна.
 Когда жъ лице свое явила
 Нѣзна, руки опустила,
 (О какъ обѣвнѣ ихъ шумнѣ
 Одна минута изыѣвила!),
 Блиспало дивной красонѣ

Лице наступши молодой:
 Во взорахъ чувственно выразалось,
 Горька ивжкая мечта,
 Дуи слова милаго, казалось,
 Сей часъ онкроюши усна,
 Пѣна шаже, да не ша.
 Такъ изъ за шучь луна выходишь,
 Вдругъ озаряя небеса:
 Такъ зелень свѣжую наводишь
 На рови пыльных, роса.

Съ главои поникшею Пѣна,
 Съ невольнымъ пламенемъ лица,
 Тихонько вышла изъ двора
 И о судьбѣ ея до свѣта,
 Не доходить ужь служъ попомъ.
 Такъ чшо жь? о счастьяи припомъ
 Провиданъ людоемъ не удобно;
 Мы знаемъ, свойственно ему
 Любить хранительную шму,
 И драгоценое подобно
 Въ шомъ драгоценному всему.
 Гдѣ искромешные рубины,
 Гдѣ перлы свѣтлыи наши?
 Въ глубокыхъ пропастиахъ земли,
 На шемномъ днѣ морской пучины.
 А чшо съ Царешною моей?
 Она съ влощифшнми изъ Кившей

Великоѣпно обѣщчалась.

Онъ съ нею ладно жилъ, хотя

Въ иное время не шупя

Его супруга завиралась,

И даже подъ сердинный частъ,

Она повзыси бойкой гласъ

Совсѣмъ руганельски ругалась:

Онъ не ропшалъ на шо ничушь

Любилъ жинье - былье прошое,

И самъ, гдѣ надо завернушь,

Не забывалъ словцо лихое.

По своему до позднихъ дней,

Душою въ душу жилъ онъ съ ней.

Чино я прибавлю, другъ мой пѣжной!

Жизнь непогодю мянежной,

Ты знаешь, встрѣпила меня;

За бѣднвомъ бѣднво подымалось;

Ввѣкъ надъ главою моею, казалось,

Не взыдеиъ радоснннго дни.

Порой смирять я пѣснопѣиьемъ

Порывъ болѣзненныхъ спрасней;

Но мнѣ пнжелымъ вдохновеньемъ

Была печаль души моею.

Явилась ны, мой другъ безцѣнный,

И проснилась жизнь моя:

Веселой музой вдохновенный,

Веселый вздоръ болнаю я.
 Прими мой прудъ непринужденный,
 Счастливымъ свиномъ озаренный
 Души, свободной снть заботъ;
 Онъ твой досианокъ спрашедливой,
 Онъ первый плодъ мещны пгривой,
 Онъ новой жизни перкою плодъ.

Баратынскій.

Б. Ф. Р — ой.

Оклоннице легкое вниманіе
 Къ симъ скоросложеннымъ стихамъ:
 Но вовсе было чуждо вамъ
 Мои хъ снвдливыхъ спрутъ брацанье.

Покорные судьбѣ своей,
 Семейю вѣрною друзей,
 Мы скрывлись онъ бреговъ Россіи
 И по взволнованной спикіи —
 При тихихъ, легкихъ вѣперкахъ,
 То бурит при громовомъ шумѣ,

Неслись на быстрыхъ парусахъ
И пошъ теперь живемъ въ С***!

.
.
.
.

Вопль наше общество! мы въ немъ
Въ невинной innocence живемъ!
Живемъ, не примечая сами,
Какъ здѣсь уходимъ дни за дни
Однообразной чередой,
Между бездѣьемъ и шутками!
Съ веслой роскошной и живой
Глядимъ на дивную природу —
Въ ея горахъ, мѣсахъ, снѣгахъ!
Мы пьемъ чихирь, а чаще воду,
Горимъ на солнечныхъ лучахъ.
Тоску любви, разлуки горе
Кой-какъ влачимъ на Черномъ морѣ
И озираемъ назадъ,
Нейдежь ли сабашный къ намъ оспрадь.

Такъ, и о сѣверъ вдыхаю!
Люблю Россію и въ мечтахъ!
И романтически звано
На романтическихъ берегахъ.
Паскучили мы музъ привѣсны,

Я только славою днѣ свою ;
 Чужимъ воспоргомъ не согрѣшииъ ,
 На ладъ Графова не пою ,
 Но вы теперь виновны сами ,
 Меня зазвали на Парнасъ :
 Какъ раздружились вы съ стихами ,
 Писавъ и думая объ васъ !

Е. Зайцевскій.

КЪ Ю. П. БАРТЕНЕВУ.

Въ безвѣстной тишинѣ забываю всѣмъ свѣтомъ ,
 Я не хочу похваля, ни славы быти попомъ ;
 Но заслужишь спремъ похвалять благосклонный взоръ ,
 И помня ласковый и шовкѣиъ вашъ укоръ ,
 Безпечность праздную и лиры сонъ глубокой
 Я перерваю хочу — фаншазіей жестокой ,
 Забытый гений мой, въ свѣспенны исчезать ;
 Но вашъ призывный гласъ ему жизнь нову дасть .
 И кино, внимая вамъ, въ порывѣ упоеній ,

Къ добру, къ изящному не чувствовала стремлений?
 Я помню чары сихъ пльнншельскихъ бесѣдъ,
 Когда забывъ пиры, забавы, шумный свѣтъ,
 Я въ храмъ мудрости душою ошдыхала,
 И сердца пусному высокимъ замѣдила;
 Привѣтъ вашъ озарялъ необычный мой умъ,
 Въ порядокъ приводилъ хаосъ незрѣлыхъ думъ,
 И нрудносней снесо цвѣтами украшая,
 Училъ и на землѣ вкушать блаженство рай!

Забуду ль сихъ минути свѣтлую нишину,
 Когда преданья льпгъ, сѣдую шарину
 Вы слуху моему—душѣ передавали,
 И поный блескъ перу Карамзина давали;
 Экзаменръ Гьндича на сердца не поухъ —
 Вы умъ разширогали, очаровали слухъ,
 И Андромахи снопъ и бизнесиво Ахцала
 Душа чиншала съ Гомеромъ раздѣлила.

Поэны рускіе, о слава нашихъ дней!
 Не пспребитесь вы изъ памяти моей:
 Я чувства чувствавамъ, мечту мечной смѣнила,
 Когда языкъ боговъ павъ уснѣ знаныхъ вышмала.
 И вы! . . . Но съ грустиню я ошвращаю взоръ,
 Отъ падшихъ ангеловъ: ихъ гений имъ укоръ;
 Ихъ слава, промелькнувъ, какъ грозная комета,
 Зашмала блескъ звѣзды — и умерла для свѣта! . . .

Такъ часно, въ тишинѣ бесѣдуя съ собой,
 И воскрешаю даль минушаго мечтою;
 И въ сердцѣ разбудить къ изящному стремленье,
 Вамъ посвящаю въ даръ досугъ и вдохновенье.
 Оно являлось мнѣ весною на лугахъ,
 То въ пѣсняхъ соловья, во върадушныхъ цвѣтахъ,
 То въ проблескѣ луны и въ тишинѣ природы,
 То въ мрачной осени и въ буряхъ непогоды.
 Но споспешный гость являясь, исчезалъ,
 Опъ въ глубинѣ души приближица некалъ,
 И тамъ, излеланный ошрадой воспоминанья,
 Надѣенъ и ждеенъ — улыбки и вниманья.

А. Готовцова.

Д В А В О Р О Н А.

Воронъ къ ворону лешингъ,
 Воронъ ворону кричингъ;
 Воронъ! гдѣ бы намъ ошобѣданъ?
 Какъ бы намъ о томъ проведанъ?
 Воронъ ворону въ ошевыгъ:
 Знаю, будетъ намъ обѣдъ;
 Въ чистомъ полѣ подъ ракшиной
 Богашырь лежингъ убитной.

Кѣмъ убишь и онъ чего,
 Знаешь соколъ лишь его
 И кобылака вороная,
 Да хозяйка молодая.
 Соколъ въ рощу улетѣлъ,
 На кобылаку недругъ сѣлъ,
 А хозяйка идетъ милова,
 Не убиваго, живова.

А. Пушкинъ,

Л Ю Б О П Ы Т Н Ы Й.

Чшо жь новаго? — « Эй Богу ничего. »
 — Эй не хитри: ты вѣрно чшо-шо знаешь.
 Не свидно ли? опть друга своего,
 Какъ опть врага ты вѣчно все скрываешь.
 Нль ты сердичъ? помилуй, бранишь, за чшо?
 Не будь упрягъ: скажи ты мнѣ хоть слово..
 — « Охъ! отвѣжись, я знаю шомъко шо,
 Чшо ты дуракъ, да эшо ужь не ново. »

СТАРАЯ БЫЛЬ. (*)

Нашъ славный Владимиръ, нашъ солнышко-Князь,
Побѣдой въ Херсонѣ вѣнчанной,
Съ добычею въ Кіевъ родной возвращаясь,
По бурѣ покоился бранной;
Миръ съ Греками сладилъ и брачную связь
Съ ихъ юной Царевною Анной.

(*) За стихотвореніе сіе обязаны мы А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ: «П. А. Каненинъ далъ мнѣ право располагать эшимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши Сѣверныя Цѣсны.»

Нескучное вѣно пріяла сестра
 Отъ щедрого Августа брата,
 Премного ей звонкаго далъ онъ серебра,
 Немало и яркаго запаха,
 Всѣ хвалятъ Книжницу: « красна и добра,
 Разумна, знажна и богата. »

И подлинно Русь не видала такой;
 Какъ пчель по весеннему лугу
 За машкой леплеть безчисленный рой,
 Такъ дочери Царской въ услугу
 И евнухи кучей и жены полной
 Тѣснились, ревнуя другъ другу.

Всѣмъ хитрымъ искусствамъ учились они,
 Чпо любить Книжница младая:
 Поютъ словно птички въ дубравной тиши,
 И пляшутъ, на люнцахъ играя.
 Въ дому повобрачныхъ веселые дни,
 Подобіе свѣтлаго рая.

Казны не жалѣетъ супругъ молодой,
 Владиміръ Князь, соколъ нашъ ясной;
 Сего дня былъ праздникъ, а завтра другой,
 Все въ почестъ для госпыи прекрасной.
 То пѣшныи воинской Вараговъ игрой,
 Забавной и вмѣстѣ ужасной;

То въ рощахъ дремучихъ при звукѣ роговъ
 Съ ней ъздишь для ловаи звѣриной;
 То въ лодкѣ весельной подъ пѣсни гребцовъ,
 Надъ быстрой Днѣпровской пучиной
 Катаешь, любуясь обильемъ береговъ
 И снольскаго града карнишой.

« Да будетъ же праздникъ, всѣмъ прежнимъ вѣнецъ, »

Князь выронилъ слово зланоє :

« Высокія пѣсни опрада сердець ,

« Нашия неба благое ;

« Огнемъ разогрѣешь всю душу пѣвецъ ,

« И жизни прибавиши вдвое .

« Я выйду завтра съ Книгиней моей

« За снѣны въ широкое поле ,

« Гдѣ радостный слушать и пѣнь веселій

« Подъ небомъ опкрытымъ на волю ;

« Туда же зову я всѣхъ добрыхъ людей :

« Темъ лучше , чѣмъ будешь ихъ боль .

« Довольно я добылъ богатствъ на войнѣ ,

« Стыжаль опъ опца и опъ дѣда ;

« Добра не жалѣише на завпреннемъ днѣ ,

« И брашиъ припасише и меда :

« Чшобъ сыты и пьяны есъ былц иполнѣ ,

« А съ шощими чшо и бесѣда !

★ ★

- « Пусть вѣще придуть и спануть на судъ ,
 « И спорягъ : чье лучшее пѣнье ?
 « Дстойно и щедро воздамъ имъ за шрудъ :
 « Вшорому пѣвцу награжденье
 « Цимлянскіевъ даръ Святославу , сосудъ ,
 « Трапезы моеѣ украшенье .
- « Но первый получилъ не по отъ меня ,
 « Въ бою побѣдилель снспливой ;
 « Персидскаго дамъ ему подъ верхъ коня :
 « Весь бѣлый онъ съ черною гривой ,
 « Копыномъ изъ камня бьенъ искры огня ,
 « И носился вихремъ надъ нивой .
- « Конь буденъ украшенъ черкасскимъ сѣдломъ
 « И шелковой цвѣтнной уздою ;
 « Еще дамъ оружье : и щипъ и шелома ,
 « Кольчугу внизу съ бахрамою ,
 « И мечъ изъ булана съ дамасскимъ клеймомъ
 « И хинрой насѣлкой златною .
- « Сипупайте жь , свесите ко всемъ по домамъ
 Отъ Князи привѣтнное слово !
 « Надеждой награды виушите пѣвдамъ
 « И жаръ и усердіе ново :
 « И завпра , чпобъ въ поле какъ выѣду самъ ,
 « Все къ празднеству было готово , »

Вошъ утро настало и солнце взошло,

Врата отворились градскія ;

Несмѣнное вацпнть народа число :

И малые шумъ и большіе,

Всѣ въ пѣвесо поло; всѣхъ душу зажгло,

Чтобъ Рускихъ не сбили чужіе.

Вошъ выѣхалъ Князь со Княгиней своей

Въ вѣнцъ и со скиппромъ въ десницъ ;

Везешъ ихъ чешверка прекрасныхъ коней

Роскошно въ златной колесницъ ,

И громкій понесся кликъ добрыхъ людей

На встрѣчу имъ съ поля къ сполницъ.

« Да здравствуютъ Князь со Княгиней ! ура !

« Госнодь осыпн ихъ сванпыней !

« Ущедри Онъ домъ ихъ обильемъ сребра

« И всякой земной благослыней !

« На многая лѣна для Рускихъ добра,

« Да здравствуютъ Князь со Княгиней. »

Князь ласковый опидалъ народу поклонъ,

И сълъ , словно наснырь у снада ;

И къ бою пѣвцовъ спалъ выкликиванъ онъ :

« Боншамъ и чеснъ и награда ! »

И вышло ихъ двое съ двухъ разныхъ спороитъ :

Нашъ Рускій , да Грекъ изъ Царьграда.

Нашъ средняго роста и среднихъ годовъ,
И красенъ былъ въ юные годы;
Но младосшь не радоснь средь бранихъ ирудовъ.
Цѣвницу носилъ онъ въ походы,
И пѣлъ у огней для друзей молодцовъ
Про шарые вѣки и роды.

Высокъ и прелесненъ какъ дѣвица Грекъ.

.
.
.
.
.

И первому гостю нашъ ласковый Князь
Знакъ подавъ, и съ пѣвчихъ дружиной
Княгинѣ и Князю до ногъ поклонясь,
Предъ самой собранья средицей
Онъ сѣлъ, всѣ замолкли, другъ къ другу шѣснясь,
И голосъ зашѣлъ соловьиной:

« Когда бѣ възпѣть хотѣла ны,
Моя возлюбленная лира,
Влистающія съ высоны
Свѣшила горниго зенра;
Средь дня въ пусныхъ бы небесахъ
Луны и звѣздъ ны не искала,

Но жизнь пія въ его лучахъ,
 Одно бы солнце воспѣвала.
 Когда же долгомъ чинишь свиннымъ
 Возпѣнь величіе земное,
 Прославь хощь голосомъ проснымъ
 Царей величіе свяное.
 А ты, великій Рускій Князь,
 Просни, чпо смѣю предъ тобою,
 Оичизны славою гордась,
 Другаго возмосишь хвалою,
 Мы знаемъ: швой спрашнися слухъ
 Тобой заслуженныя чесни,
 И ты для словъ похвальныхъ глухъ,
 Однгь ихъ чни словами чесни.
 Дозволь же мнѣ возвысншь гласъ
 На прославленіе владыки,
 Щедроны льющаго на насъ
 И на несчетныя языки.
 Ты дѣлишь блескъ его вѣнца,
 Причтенъ ты къ роду Константина;
 А славу кино поенъ оица,
 Равно поенъ и славу сына:
 Великъ предметъ, а гласъ мой слабъ;
 Спрашусь... Шыгъ, бросимъ спрахъ на прасныи;
 Почерпнешъ силу вѣрныи рабъ
 Въ глазахъ владычицы прекрасной.

Кого же воспоешь пѣвецъ,
 Кого, какъ не Царей державныхъ,
 Непобѣдимыхъ, православныхъ,
 Посящихъ скипетръ и вѣнецъ?
 Они пріяли власть отъ Бога,
 И Божій образъ видѣтъ въ нихъ.
 Въупри священнаго черпога,
 Слншь изъ мешаловъ дорогахъ,
 Спущеными многими украшенъ,
 Высокъ, неколебимъ и сирашенъ,
 Постаменъ Августовъ престола.
 Съ него, о Царь самодержкнпель,
 Съ покорспвомъ слышанъ твоя глаголь
 И полководецъ побѣдншелъ
 И чуждыя снраны посоль.
 У ногъ твоихъ, изъ звонкой мѣди,
 Твою являющіе властнъ,
 Два льва, какъ алчущіе слѣди
 Лежанъ, разннувъ снрану наснъ.
 Чудесная некуспва сила
 Безжнзненныхъ одушевила,
 И если кто въ плннн шагахъ
 Отъ неспрнспуннаго престола
 Ногою смѣлъ коснушья пола,
 Они вспаютъ ему на снражъ,
 Очами гнѣвными вращаютъ,
 Рычанъ, и казнню угрожаютъ;

И зришь въ душѣ смущенный рабъ ,
Сколъ предъ Царемъ онъ малъ и слабъ.

Но въплосердіе Царево
Изображающій символъ,
Неувиданное древо
Склоняешь вѣшны на престолю;
Не рода древъ обыкновенныхъ,
Земными соками взрожденныхъ,
Одѣныхъ грубою корой ,
Блеснящихъ временной красой;
Чей листъ зеленый , цвѣтъ душистой,
На крапкѣй мигъ прельщенгъ взоръ,
Доколь съ глазы многовѣшисной
Зимы рука сорветъ уборъ.
Вѣкъ древо Царское одѣно
Безсмертнымъ цвѣтомъ и плодомъ :
Ему весь годъ весна и лѣто.

Блѣднѣе снѣга серебромъ
Красуясь , стволъ его высоко
Возносился , и надъ челомъ
Помазанника вдругъ широко
Разкинувшись , плѣлелъ око
И равенство въ вѣтвей прямыхъ
И блескомъ листьевъ золотыхъ.
На сучьяхъ серебряныхъ древесныхъ

Вынаешь сладо пилицъ прелесныхъ,
 Зеленыхъ, алыхъ, голубыхъ,
 И всѣхъ цвѣтновъ оцмъ извѣстныхъ.
 Изъ камней и драгихъ и чесныхъ
 (О диво!) творческій рѣзецъ
 Умѣлъ созданы ихъ для забавы,
 Великолѣпія и славы
 Царя народовъ и сердцеъ.

О если бы сіи пернапы
 Свой жребій чувствованы могли,
 Онъ бы воспыли: «мы спокраны
 « Счастливыи прочихъ на земли.
 « Къ трудамъ ихъ создала природа;
 « Чшо въ шомъ, чшо крылы ихъ легки?
 « Чшо значныи мнимая свобода,
 « Когда еснъ шрѣлы и снаки?
 « Онъ живутъ въ мѣсахъ и въ полѣ,
 « Должны терпѣны и зной и хладъ;
 « А мы въ блаженнѣйшей неволѣ
 « Вкушаемъ мнѣжесно ошрадъ.»
 За чшо ты, небо, къ нимъ сурово,
 И счастье чувствованы препины?
 Чшо рекъ я? Царь! ны скажешъ слово,
 И мерныхъ жизнию даришь.
 Невидимымъ прикосновеньемъ
 Всеавгустѣйшаго персна

Ты наполнишь сладким пѣньемъ
 Ихъ вдругъ опроверженныя уста,
 И львы, рыкавше дошоль,
 Внезапно усмирятъ гибель,
 И крошечкой покорится воль,
 Смыкаяющъ свой несъщный зѣвъ.
 И подходящій въ изумленья
 Въ Царь зрѣшь мыслитъ божесиво,
 Держащее въ повповенны
 Самихъ бездушныхъ вещесиво;
 Душой, обьянной спрахомъ прежде,
 Преходишь къ сладосинной надеждѣ,
 Внимаа гласу райскихъ птицъ;
 И къ Августина снопамъ священнымъ,
 Въ синовскій пурпуръ обувеннымъ,
 Главою припадаешь миць. »

Онъ кончилъ. Владиміръ въ ладони плеснулъ.

За Книземъ сполать восвода;

Онъ плашомъ народу послѣшно махнулъ,

И плескъ раздаеи изъ народа;

Спучасть и кричанъ, подымается гуль

Съ земли до небесаго свода.

Безмолвенъ, и въ землю понупивши взоръ,

Нашъ Рускій пѣвецъ осмавался;

Онъ думалъ; что дѣлать? ниши ли на споръ?

И даже бы, чай, опиказала;
 Но къ счастью началъ самъ Князь разговоръ,
 Какъ будно во всемя догадался:

« Я шжу, землякъ, ны бы легко съ мечеть,
 « Чьмь съ гусями вынеть на Грека.
 « Хонь пьней и много въ немнѣ швоемь,
 « Такой ны не вспомнишь ольгъ вька.
 « Совѣштъ мой: признайсл, что первенство въ немь;
 « Признание честицъ челоуька.

« Награду, хонь правда не съ пимь шравнѣ,
 « Но все же получишь на славу,
 « За свѣшлымъ Дунаемъ въ Болгарской шправѣ.
 « Ты вѣрно служилъ Свянославу,
 « И кубокъ, добышый имь въ грозной войнѣ,
 « Тебѣ назначаю по праву. » —

« Дай Богъ тебѣ здравя, Князь ты наугъ свѣлтъ,
 « И съ льпой Книгиней швоею!
 « Премудрь и премилоснивь швой мнѣ совѣштъ,
 « И съ думой согласенъ моею:
 « Ни съ Элиномъ спорить охонь мнѣ вѣлтъ,
 « Ни вѣштъ я, какъ онъ, не умью.

« Пьвалъ я о вшнзихъ смѣлыхъ въ бояхъ:
 « Давно ихъ зарыли въ могилы;

« Шваль о любви и радостныхъ дѣлахъ :

« Теперь не забудишь Всемиры ;

« А пѣнь о великихъ Царяхъ и Князяхъ

« Ума не достаесть ни силы. »—

« Твориши жь, » Князь мовѣтъ, « подарковъ раздѣлъ. »—

Туть Рускій вѣтъ кубокъ почтенный,

А Грекъ на кони богатырскаго сѣлъ ;

Доспѣхи же шажельный, военный,

Домой овъ ошнесетъ и поставитъ вѣтъ

Опасно въ кавонъ позлащенный.

И радостный къ Киеву двинулся ходъ ;

Владиміръ съ супругой младою ,

И много старейшинъ , бояръ , воеводъ ,

И Элантъ блестящій красною ,

И сзати весь Рускій крещеный народъ

Усердной и шумной шолою.

Но пѣсколько вѣрныхъ старинныхъ друзей

Звать Рускій на хлѣбъ- соль просую ;

И княжескій кубокъ къ веселью гостей

Съ виномъ обнеси въ круговую ,

И выпити : въ память ихъ юности дней ,

И храбраго въ память честную.

Кашенинъ.

С М Е Р Т Ь.

(Подражаніе А. Шенье.)

Подъ бурею судеб унылый, часцо и
 Скукая шагоспной неволей бытія
 Несит ярмо мое ушрачивая силу,
 Гляжу съ опрадою на близкую могилу:
 Привѣлсивую ее, покой ея люблю,
 И цѣнит опраденіи и самъ себя мою.
 Но вскорѣ мнимая рѣшимоснѣ позабыта
 И шомной слабоснѣ душа моя опкрыва:
 Спрашна могила мнѣ; и ближніе, друзья,
 Мое грядущее и молодоснѣ моя,
 И обещанія въ груди сокрытой музы,
 Все оболѣстннчельно скрѣпленнѣ жизни узы
 И далеко пишу, какъ жребій мой ни спрогъ,
 И живнѣ и бѣдешеваннѣ услужливый предлогъ.

Баратынскій.

С О Н Ъ.

« Мой суженый, мой ряженый,
Услышь меня, спаси меня!
И въ прелею ночь, въ послѣднюю,
И въ вѣщень снѣ пришла къ тебѣ,
Забыла спыдъ дѣвической!
Не волкомъ я похищена,
Не Волгою ушоплена,
Не злымъ врагомъ ушрачена:
По засѣкамъ гуляючи,
И обошла дѣшчаго
Косманого, роганого,
И сбилася съ шропы съ пунит,
Съ шропы съ пунит, съ дороженьки
И вспарываеся я съ вѣдомою
Съ закляною зависнитней
Красы моеи — любви швоэй.

« Мой суженой, мой руженой,
 Я въ вѣщень снѣ въ послѣдизе
 Къ шебѣ пришла: спаси меня!
 Съ зарей проснись, росой всплеснись,
 Съ крестномъ въ рукѣ поиди къ рѣкѣ,
 Благословясь нуснись вплавь
 И къ берегу заволжскому
 Тебя волна прибѣшетъ сама.
 На всей красѣ на берегѣ
 Роснень, цвѣнетъ шиповничекъ:
 Въ шиповничекѣ дуна моя:
 Тоска — шипы, любовь — цвѣты,
 Изъ слезъ моихъ роса на нихъ.
 Росу сберит, цвѣты сорви
 И буду я опять шивоя. »

— Обмашивъ сонъ, не вѣщій онъ!
 По гробъ туснись мнѣ молодцу!
 Не Волгой плывишь, а слезы лишь!
 По Волгѣ бродъ — сажанный лёдъ,
 По берегу жь заволжскому
 Машень, гудень машелица!

Баронъ Дельвингъ.

В И Д Ъ Н І Е.

Блескомъ упря озаренный,
 Святоносный, окриленный,
 Ангель вспрыснулся со мной.
 Взоръ его былъ грустно-веселъ,
 Лицъ задумчиво-прекрасно,
 Надъ главою молодой
 Кудри легкія лезами,
 И короною сіяли
 Розы бѣлыя на ней;
 Свѣта чистаго бѣлыя,
 На плечахъ была одежда:
 Онь была свѣтель, какъ Надежда,
 Какъ Покорностьъ небу, шизъ
 И на крыльяхъ левыхъ —
 Какъ съ привѣщеннаго брата
 Голубь древняго ковчега
 Съ вѣткою мира — онъ лезть!
 Съ чѣмъ лезть? куда?... Я знаю!

Добрый путь! благословлю,
 Божий Ангелъ, нвой удѣлъ!
 Ждушь себя! нвое явленіе
 Будешь плачь, какъ Провидѣніе,
 Онкровленное очамъ!
 Сиротство увидишь плачь,
 Младосиь плачущую встрѣнишь.
 И скорбящую любовь,
 И даи ихъ надеждой вновь.
 Опустившій міръ освѣнишь...
 Съ ними быть нвой чистый братъ!
 Срокъ земной его свершился,
 Онъ съ землей на вѣкъ просиился,
 Онъ оцншь на небо взанъ!
 Ты имъ данъ за ихъ ушрану!
 Твой чередъ—благошворишь,
 И ошозванному брану
 На земь замѣной бншь!

В. Жуковскій.

.....

С П Р О Т А.

Мальчикъ.

Родимая, пойдемъ скорѣе!
Ужъ стало поздно, все темнѣе,
А намъ далеко вѣдь домой...
Мнѣ спрашно здѣсь....

Поселница.

Господь съ тобой!

Мальчикъ.

Кругомъ кладбище! — по доминѣ
Однѣ могилы да кресты...

Поселница.

Вонъ храмъ Господень по среднѣ;
Перекрестись. — Ну что же ты?

* * *

Матьюшка (жмется къ ней.)

Понимаше! видишь ли, родная,
Вонъ что-то черное вспаесть!
Все нуще спрахъ мена беретъ...
Мершвецъ!...

Поселяника.

Гдѣ? — Троица Сванная,
Помилуй насъ!.. Пойдемъ...

(оглядывается.)

Ахъ вѣшь,
Ты испугалъ меня, мой свѣць!
Навѣрное спрощка наша
Зашла сюда;... и впрямь —

*(подходитъ къ двоушкѣ,
сидящей на могилѣ.)*

Нарана!

Двоушка.

Кто зналъ меня? мой бранецъ, не вы ли
Услышалъ плачь мой и въ могилѣ?...
Шепъ! — не дождусь ошвыпа я;
Наскама грудь его земля!...

(плачетъ.)

Поселянка.

Диття мое! ..

Дівушка (равнодушно.)

Кто здесь?

Поселянка.

Уже ли

Узнашь не можешь ты меня?

Дівушка.

Ахъ, это ты; узнала я.

Поселянка.

Чу! слышишь — плещут пробли ..

Ведь это полночь! — спишь пора!

Пойдемъ; пробудь хоть до зари

У насъ въ избѣ ..

Дівушка.

За чѣмъ сюда?

Мнѣ хорошо и здѣсь покуда!

Идишь съ Богомъ по домамъ:

Госпизнь здѣсь не у кого вѣдь!

Поселянка (горестно.)

А ты въ госпизнь? ..

Дівушка.

И здѣсь у брата!

Со мною онъ! одна опрада,

Надъ нимъ пропакань день и ночь.

Поселница.

Слезамъ горю не помочь!

Послушай . . .

Двоюшка (задумчиво).

Въ упренемъ шуманъ

Нарву цѣпишь ему заранѣ

И капешъ, прежде чѣмъ роса,

Къ нему на грудь моя слеза . . .

Поселница.

Пойдемъ . . .

*(отрываетъ се насильно отъ
могилы и ведетъ за собою.)*

И снушница младая

Идешъ, сама не понимаи,

Куда? за чѣмъ? — Гдѣ все равно,

Все горе на сердцѣ одно!

Приими въ село, въ избушку вводиши

Ее по немнымъ ступенямъ,

И бошь покой — лучины шамъ

Горашъ и свѣтъ кругомъ наводиши.

Очулась гостыня :

«Гдѣ же я?»

Поселянка.

Не бойся! ты въ избушкѣ нашей.

Сядишь поближе къ этой маши,
Ты голодна

Двоюшка.

Пусти меня!

Мнѣ шажко здѣсь, дышу насилу,
Пусти на бравную могилу!
Мнѣ легче тамъ, мнѣ лучше тамъ! . . .

Поселянка.

Напрасно рвешься ны къ дверямъ,
Не опонру; конь по неволѣ
Ты у меня пробудешь долѣ.
Душа, повѣрь мнѣ, ны больна,
Ты день и ночь не знаешь сна! . . .
Но вонъ постель шебѣ гошова;
Ложись »

И болѣе ни слова.

Лучина вмигъ погашена:
Легла сиротка по неволѣ
И о своей печальной долѣ.
Опаниь задумалась она.
Межны смѣжались; — какъ ни больно
Ей было на сердцѣ, во сонѣ
Смѣжиль глаза ея невольно,
Хоть не принесъ ошрады онѣ.
И думы тѣ же обладали
Ея душою и во снѣ;

Усны лишь жалобы одиѣ
 Да имя бранна зенешам!
 И плачь, кино ей такъ дорогъ быть,
 Во снѣ явися, говорить:
 «Сестра, не плачь! не плачь, сестра,
 Но мнѣ оубъ ушра до ушра!
 Мнѣ дорогъ даръ шесей любви,
 Но слезы въ шрагоснѣ мнѣ швои!
 Огнемъ оубъ пекунъ по мнѣ
 И всеъ хорю я, какъ въ оубъ!
 Взгляни на саванъ — видишь: оубъ
 Слезами жаркими прожжотъ!
 Сестра! въ залогъ своей любви,
 Ты Бога долъ не гнѣи.
 Не плачь напрасно надо мной,
 И сладокъ буденъ мой покой!...»

Она проснула; — смущеннъ взоръ
 Некаль вокрутъ любимой шѣи.
 Ея мушнелъннъ шѣи
 Еи въ душу врезанъ. Съ шѣи поръ
 Она шомилась и въздыхала,
 Возведши взоръ на небеса —
 Но шикогда ея слеза
 На наманъ бранна не блещала, —
 И черезъ годъ она пошла
 Опашъ на браннню мотилу
 Тамъ было шнхо — и шесилу

Ее утканъ она моела,
По ней узорчаной градою
Бисерами зрѣе небина,
Да разрослася полосною
Травы заглохшіе кусты,
И бѣзокрасно въ цѣль среднѣй,
Въ надеждѣ митра и шепла,
На ально гостиня въ ной долины.
Губадо мамнолка елма.

А. Подолнскій.

С Т А Н С Ы.

*(Вольное подражаніе Адаму Миц-
кевичу.)*

—*—

Увы! несчастливъ тотъ, кто любить безнадежно,
Насчастливъ его, кто создать не любилъ;
Но жизнь тому спрашивъ, въ чуждъ сердцѣ и пламени
внѣ ной
Погасъ — и кто любит не можетъ позабыть.

На взорах нагие торгующихъ собою
 Съ презрѣньемъ смотритъ онъ, живень еще съ
 меншой;

Но въ чистомъ ангелъ невзносиль съ красною
 Какъ смѣль ему любить съ увидшею душой?

Съвѣное дней младыхъ волнуешь духъ понынтъ,
 Но паминь и о нихъ спрашныи отправлена,
 Съ надеждою на вѣкъ дуна разлучена:
 Онъ смерншой прочь свѣщитъ — и самъ неидеть
 къ богинѣ.

Въ немъ сердце, какъ въ снени давно забышии
 храмъ,
 На жерниву преданцыи и шальню и грозамъ,
 Въ коноромъ врачю всё, лишь вѣдръ пустынный
 вѣнъ,
 Жинь боги не конантъ, а человекъ не смѣнъ.

И. Козловъ.

TO D A W E , Esqr.

Зачѣмъ твоей дивный карандашъ
Рисуетъ мой арабскій профиль ?
Хоть ты вѣкамъ его предашь,
Его оживитъ Марсипофия.
Рисуй О — и черны
Въ жару сердечныхъ вдохнове ній,
Лишь юности и красны
Поклонникомъ быши доженъ гений.

A. II.

Д Е Р Е В Н Я .

Люблю деревню я и льно:
И говорю водѣ и шепчу дубровѣ,
И благоволю цѣльнотѣ;
Какой души не мило льно ?

(60)

Быть шакъ , прощаю комаровъ ;
Но признаюсь : пустьши житеиъ ,
Покой пустьивный въ ней любви , —
Комаръ двуногой , гостя мучитель ,
Шить , не прощаю я тебя ! —

Баратынский.

1.

Н О Ч Ь .

Ночь ! приди , меня покрой
Тихною и забвеньемъ ,
Обольсни меня виденьемъ ,
Одышь дай мнѣ , дай покой !

Пусть ко мнѣ сленится во мнѣ
Улышнелемъ мой цыножкный ,
Призракъ бысирый , призракъ ложный ,
Дескій призракъ мидышь мнѣ !

Незабвенныхъ, дорогихъ,
 Наслажуся разговоромъ,
 Повсприрнаюся съ ихъ взоромъ,
 Уловлю улыбку ихъ!

Предо мной мой семид:
 Позабыты все печали;
 Узы будно не бывали,
 Будно не въ шемницѣ а! —

2.

Л У Н А.

Тебя ли вижу изъ окна
 Моей безрадостной шемницы,
 Златая, ясная луна,
 Созданье Божіей десницы?

Прими же скорбный мой привѣтъ,
 Ночное, мирное свѣтло!
 Опрядетъ мнѣ швой тихій свѣтъ:
 Мую швы душу озаряло.

Такъ! можешь быть не только я,
 Справедлец - узникъ, въ мракъ ночи, —
 Быть можешь и мой друзья
 Къ тебѣ теперь поднимаю отъ!

Быть можешь вспоминать обо мнѣ!
 Заснуть съ молитвою, съ любовью,
 Мой призракъ въ ихъ счастливомъ снѣ.
 Следишь къ родному и головою;

Взгословить ихъ... Но когда
 На сводѣ неба запылаетъ
 Передразнившая звезда, —
 Мой образъ, будно ищя, разлетитъ.

3.

С М Е Р Т Ъ.

Не въ блескѣ алого сѣня
 Мой гений предо мной спонитъ,
 Его суровъ и важенъ видъ;

Не радостны его вѣщанья,
 Я слышу, слышу прорицанья:
 Онъ мнѣ о смерти говоритъ.

Но что же смерть? покой ли вѣчный?
 Ночь? бѣга разсвѣта тьма? —
 Всѣхъ чувствъ, всѣхъ мыслей нѣмоща?
 Подвѣли къ жизни безконечной?
 Увы! мой гений беспрощечный!
 Твои безмолвствуютъ уста.

Не указуй перстомъ на землю:
 Но да воздвигнешь свѣтлый взоръ
 Къ звѣздамъ далекимъ, выше горъ.
 Къ тебѣ молящій гласъ поднимаю!
 Пусть слову утѣшенія внемлю:
 Вступлю ли въ ангельскій соборъ?

Такъ! я изыду изъ могилы,
 Безплоднымъ приобщусь духамъ:
 Къ моимъ неслѣднымъ раменамъ
 Прильну въ сіяющія крыла:
 Непоменный безсмертной славы,
 Помчусь въ перунахъ къ небесамъ, —

Здѣсь тѣмой души мои одѣна:
 Но будно дальней церкви зловѣ.

И здысь, сквозь тайныи, плащій сонъ
 Пусть слышу райскаго пришельца;
 И погружусь въ шо море свѣта,
 Которому источникъ ошь.

К.

 С Т А Р И К Ъ .

Вьсалят розы, розы Лея,
 Мой первый вѣкъ, мой вѣкъ молодой;
 Я быть счастливейи пусномели
 И двамъ нравилася порой.
 Я помню ласки цѣль живья,
 Лобзанья, помню огня...
 Но пролетѣла дни молодые
 Ошь не смотрящъ на меня!
 Какъ бытъ? У яркаго камня
 Въ укромной жилищѣ, моей,
 Накрою сномъ, поспавлю вина
 И соберу моткъ друзей.
 Пускай вѣнокъ, сплешенный Лелемъ,
 Не обновилася никогда:
 Года, увеличаные хмелемъ,
 Еще прекрасные года.

А. П. В — фу.

Прощай, — неси на поле месни
Опваги юношеской жаръ,
Сердечный гласъ вражды и месни
И неизбежный швой удръ!
За Русь, новарица, за свободу
Этады пламенныхъ сыновъ,
На громъ бойницъ, въ огонь и въ воду,
Пойдешь ны смелъ и суровъ!

Блаженъ, кто гнѣвомъ упоенный
Гуляетъ на праздникъ мечей
И вырвать дланю вдохновенной
Побѣду родни своей;
Свѣтила кончина боевая;
Блаженъ, кто очи зашворилъ,
Последнимъ взоромъ провожая
Побѣ и казню проливыхъ силъ!

Уже зардѣлась величаво
 Высокихъ подвиговъ заря,
 Шумантъ Суворовскою славой
 Знамена Рускаго Царя.
 Да вновь спрашилицу Стамбула
 Напоминашь наши поржества
 Пожаръ Чесмы, чугуны Кагула
 И Руси грозныя права.

Дай руку мнѣ: во дни бывае,
 Въ кругу витамисельныхъ друзей,
 Я воспѣвалъ ширь лихихъ
 Кипучей младости швоей:
 Я спаяу пѣнь швоей победы,
 Восшоргомъ весель огневыхъ,
 И бурныхъ юношей бесѣды
 Наподню именемъ швоимъ!

И. Языковъ,

Б Р И Т В Ы.

(Б а с н я .)

Съ знакомцемъ събравшись однажды и въ дорогѣ,
Съ нимъ вышедъ на одномъ пометѣ почивать.

Поупру, чуть лишь я глаза продрала —

И что же увидаю? — Пришель мой съ перевозъ:

То вскрикнешь ошь, то охнешь, то вздохнешь.

«Что сдѣлалось съ тобой, мой выдохъ?... я надѣюсь,

Не болеть ты.» — Охъ! ничего: я брѣюсь. —

«Какъ! только?» — Тушь я всналь; глазу: прока-
зникъ мой

У зеркала сквозь слезъ пакъ кисло морщинъ
року,

Какъ будто бы съ него содрать сбранись кожу.

Увиавши наколець вину бѣды шакой:

«Что дѣла?» я скажалъ, «ты самъ себя ширанишь».

Пожалуй посмотри :

★ ★

Вѣдь у тебя не бритвы, косари,
 Не бреешься, мучишься ны только съ ними сна-
 вешь.»

—а Охъ бритва, признаюсь,

Что бритвы очень шуны;

Какъ этого не знаешь? вѣдь мы не шакъ ужь дуны:
 Да осирыми - но я порѣзаться боюсь. —

«А я, мой другъ, тебя уверишь смѣю,

Что бритвою шуной изрѣжешься скорѣй,

А осирою обрѣешься вѣрнѣй;

Умѣй владѣть лишь ею.»

Вамъ повѣстичь рассказъ мой а гошовъ:

Не шакъ ли многіе, конь смѣдно имъ признацца,

Съ умомъ людей — боицца,

И шертящъ при себѣ охоннѣй дураковъ?

И. Крыловъ.

Г Р У З И Н К А.

Она мила невинной красотою :
 Ея душа, какъ снѣгъ на шемъ горѣ,
 Блещущей полуденной порою,
 Еще чиста; въ ней нѣтъ и ясенъ взоръ,
 Онъ страшно не возмущенъ землею.
 Смотрите, вотъ она между подругъ,
 Подъ звуки бубни, лезгинку пляшетъ съ ними;
 И смаръ и владъ, шолой шлесаетъ вокругъ,
 Въ ладоши бьонетъ съ приплясами лавыми.
 Свѣтлѣ весны и шопола спройнѣй
 Она, вслеснувъ лилейными руками,
 Помчалася — и всеъ быснѣлѣй, быснѣрѣй, —
 И вдругъ спойшетъ, — и черными очами
 Поводитъ . . . Но пльванъ недолго ей!
 Ея краса мелькнетъ какъ сповиданье:
 Замѣннлмъ въ юношу ея шонѣ:
 Какъ онъ глѣдѣлъ, съ безумнымъ уносенемъ,
 На обреченную его судьбѣ!

Едва вздохнуть въ своей свободной долѣ,
 Едва уарьтъ зарю прекрасныхъ лѣтъ,
 Она, какъ дань, съ пылъ подь вьнесть пойдешь,
 А онъ вьнца къ познцельной неволѣ.

Григорьевъ.

Тифлисъ.

БЕСѢДА МИЛОИ ДѢВЫ.

Какъ усладительнo чудесный
 Напѣвъ родимой ситороны,
 Какъ первенца молодой весны
 Благоуспешельныи нѣспит,
 Такъ сладокъ звукъ нвопхъ рѣчей;
 Успуль—не спинь мое вниманье:
 Мнѣ спинся робкое признанье
 И взоръ пльнишельныхъ очей.
 Сирасней руннпелыаа битва
 Въ твоей бесѣдѣ не кипишь;
 Она чисна и духъ свѣцлншь,
 Какъ вдохновенная молниа!

В. Щастный.

ПОДРАЖАНІЕ АНАКРЕОНУ.

Кобылиця молодая,
Честь кавказскаго шавра,
Что ты менишься, удаман?
И щёбѣ пришла пора;
Не коснись пугливый окомъ,
Погь на воздухъ не мечи,
Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
Своеправно не скачи.
Погоди; себя заснаваю
Я смиришься подо мной;
Въ мѣрный кругъ шкой бѣгъ направляю
Укороченной уздой.

А. Пушкинъ.

КЪ РУЧЬЮ.

Съ Испанскаго (Изъ Вильегаса.)

Сребристыми струями
 Вѣжишь, ручей прохладной,
 По золотому ложу;
 Ахъ, каждый день слезами
 Въ печали безотрадной
 Твои я волны множу!
 И ты, неумолимый,
 Въ дань Эбро ихъ уносишь,
 Какъ будишь новыхъ просишь,
 И, грустнѣе помнѣмый
 Въ моей суровой доли,
 Испочникъ, поневоль
 Дань новую несущи я.
 Промчатся быстро годы!
 Къ тебѣ, ручей, приду я,
 По прежнему тоскуя.

Твоя, быть можетъ, вода
 Изсыхнеть; и же буду
 Лишь слёзы, какъ и нынѣ.
 Въ печальной сей пустынь
 Скорѣи себя забуду,
 Чѣмъ о моей Эльвиѣ.

Масальскій.

З А В Ъ Щ А Н І Е.

Вотъ часъ послѣдняго свиданья!
 Внимайте — вола меривеца
 Спрашна, какъ голосъ прорицанья, —
 Внимайте: чиню съ сего кольца
 Съ руки холодной не снимали:
 Пусть съ нимъ умрутъ мои печали
 И будутъ съ нимъ скоромны.
 Друзьямъ привѣтъ и утѣшенье:
 Воспомогъте лучша мновенья
 Мною были имъ посвящены.

Внима́й и ны́, моя бо́гиня:
 Те́перь ду́ши шво́ей свашы́ня
 Мнѣ и́ досту́пный и́ ясны́й;
 Во мнѣ́ умолкнута́ гласъ́ спрасше́й,
 Любви́ волшебство́ позабы́но,
 Исчезла́ радужная́ мела;
 И но́, что́ расе́чь ны́ зема́,
 Пере́до мной́ шепе́рь онкрыви́но.
 Приблится́: воню́ могилы́ дверь!
 Мнѣ́ всё́ позво́лено шепе́рь;
 Я не́ бою́сь́ сужде́ній свѣ́та.
 Те́перь могу́ тебѣ́ обня́ть,
 Те́перь могу́ тебѣ́ лобза́ть,
 Какъ́ съ́ первой́ радостью́ при́бѣца
 Въ́ раю́ мы́ анге́ловъ́ свои́хъ
 Уша́ми́ бы́ чисти́ыми́ лобза́ли,
 Когда́ бы́ мы́, въ́ восторге́, ихъ́
 За́ гробомъ́ сумра́чнымъ́ всшрѣ́тали.
 Но́ эту́ рѣчь́ ны́ позабу́дь:
 Въ́ ней́ прайны́й го́лосъ́ испу́тлеца́;
 За́чѣмъ́ хо́лодную́ сомнѣ́нья
 Я́ вы́шлю́ въ́ пла́менную́ грудь́?
 Къ́ тебѣ́́ одно́,́ одно́́ моле́нье!
 Не́ забывай́! . . прочь́ у́верья́ —
 Кля́ни́сь! . . ны́́ вѣри́ни́, мила́ый́ дру́гъ,
 Что́ за́ моги́льнымъ́ снѣ́мъ́ предѣ́ломъ
 Ду́ша́ моя́ просни́и́сь съ́ шѣ́ломъ

И будешь жить, как вольный духъ,
 Безъ образа, безъ тѣмы и свѣта,
 Однимъ ненавнѣемъ одиша.
 Сей духъ, какъ вѣчно бдѣщій взоръ,
 Твой будешь спутникъ неосмущенный
 И едетъ навшпю преснушой
 Ты изменишь, бѣда съ тѣхъ поръ!
 Я тайно облечусь въ укоръ,
 Къ душѣ прилпну въроломшой,
 Въ ней нищу мщенія найду
 И будешь сердцу грустно, тошно,
 А я, какъ червь, не оппаду.

Веневитиновъ.

 ОТРЫВКИ ИЗЪ ИЛИАДЫ (*).

Жернову принесши богамъ, да помянутъ Илѣону
 спасенье,
 Гевноръ поспѣшно пошекъ по красивоусироен-
 нымъ сногнамъ;

(*) Сей переводъ сдѣланъ по некоторымъ особен-
 нымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по-
 гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя
 предъ глазами нѣмецкіе переводы Илиады—Гроссгофъ и
 Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть
 сравниваемъ и не можетъ выдерживать сравненія съ
 переводомъ Н. Н. Гнѣдича, который передалъ
 намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный
 языкъ его; здѣсь, шакъ сказано, одинъ онголосокъ
 онголосока. Стихи, напечатанные *курсивомъ*, при-
 надлежатъ самому переводчику: они служатъ сое-
 единеніемъ отрывковъ, вполне переведенныхъ изъ
 Илиады и замѣшанныхъ изъ VI, XVII, XVIII,
 XIX и XX пѣсней.

Замокъ высокій Пергеа пройдя, наконецъ онъ
до снѣговъ дѣлѣ

Скейскихъ востокъ, ведущихъ изъ града въ ши-
рокое поле.

5. Тамъ Генеюнову дочь Андромаху, супругу онъ
вспрѣлнать;

Съ нею былъ сынъ. На груди у кориняцы,
нѣжный младенецъ

Тихо лежалъ: какъ злѣда хрустальная, былъ онъ
прекрасенъ.

Гекторъ Скамандріемъ назвалъ его; онъ другихъ
онъ былъ прозвалъ.

Аспіапакеомъ (Защитой бо града единый былъ
Гекторъ). —

16. Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
Неумолимый! ошважностъ поубиить себя. Не
жалѣешь

Ты ни о сынѣ своемъ въ пеленяхъ, ни обѣдной
супругѣ,

Скоро вдовѣ безопрачной! Ахеиды себя неиз-
бавно,

Силою всюю напасть, умеривашь. Дѣла же
бы лучше

15. Въ землю сокрышся, себя пошеравъ: чпо бу-
день мой жребій,

Если себя, похищеннаго рокомъ могучимъ, не
спасешь!

Горе. Ужъ пѣшь у меня ни отца, ни матери
нѣжной!

Мой отецъ умерщвленъ Ахиллесомъ божесивен-
нымъ; Отевы,

Градъ Киликійскъ, съ врагами блестящими сла-
вою, разрушивъ,

20. Самъ онъ убилъ Гемелю, но не взялъ оружія
чуждый,

Мысли такой, онъ съ оружіемъ вмѣстѣ сож-
женію предать

Косни родимеля; въ почестъ ему погребальный
васыпать

Холмъ и плананами горныя нимфы пошь
холмъ обсадили.

Семеро братьевъ еще у меня оставалось въ онъ
чизвъ —

25. Всѣ они, въ день единый, повержены въ
бездну Анда!

Всѣхъ безошадной рукой умерщвилъ Ахиллесъ
быстроногий!

Матерь Царицу, онъ накиншей гусомъси-
снаго Плака

Въ рабство, добычей войны, онъ увлекъ, но
за выкупъ великій

Скоро ей ошдалъ свободу, чинюбъ пала онъ
спрѣлъ Артемиды.

30. Гекторъ! ты все мнѣ шеперь : и отецъ и нѣ-
жная мащерь!

Ты мой единственный бранецъ, о Гекторъ, цѣ-
нущій супругъ мой!

Будь же ко мнѣ сострадательнѣе, здѣсь остань-
ся на башнѣ!

Сыну не дай спрощенна! супругъ не дай бывшѣ
идовою!

Тамъ на холмѣ смоковницы войско поставь :
нападеши

35. Легче ошнуда на градъ ; шашъ ошверныи для
приснупа снѣны!

Съ ной сноронъ уже прнвраны на пашъ по-
кушансь

Оба Аакса, Идомеи, Діомедъ и Аириды.

Кривко ошвѣснупенъ гривиснупымъ шасемомъ
украшеннй Гекторъ :

Оандромаха, и я о шомъ же печалось! но спыдно

40. Буденъ мнѣ мужей Троискихъ и жень Мліона,
когда я,

Робкльмъ подоблю, сюда удаюсь! уклонислонъ бол;

То запрецаещъ и сердце! донннѣ прнвыкъ и
спокойно

Бодрнпзовать духомъ и бнннсь у всѣхъ вне-
редн, охраняя

Трою, великую славу ошца и мою ; но пред-
вндинъ

45. Вѣщее сердце и тайно гласишь мнѣ тревожное
чувство :
Нѣкогда день сей наступилъ — падешь священ-
ная Троя!
Съ нею Пріамъ и народъ царя колѣнослезно
бодрый!
Но не Троя грядущей горе , не участь Гекубы,
Ниже Пріамова гибель , ниже споль многихъ,
споль храбрыхъ
50. Бранивъ мѣхъ истребленъ , тогда неизбежно
падущихъ
Въ прахъ подъ рукою врага , сокрушаешь нѣтъ
никакъ сильно
Душу мою , какъ мысль о небѣ , Андромаха,
когда ны ,
Всѣдъ за одванными мѣдною броней мужемъ
Ахейскимъ ,
Плача , оны сюда пойдешь , лишнная свѣща-
свободы ,
55. Или въ Аргосѣ будешь съ рабынями никакъ для
Царицы ,
Иль уномленная , тяжкимъ сосудомъ въ ключѣ
Гиперейскомъ
Черная воду , будешь въ слезахъ поминать о
Пергамѣ.
Можешь бышь , видя , какъ плачешь въ своемъ
одиночествѣ , скажунъ :

«Вопль вдова знаменитого Гектора, бывшего
первымъ

64. Въ войскѣ Троилскомъ, въ тѣ дни, какъ сра-
жались у стѣнъ Ціюпа, в

То услыша, ны съ новой печалью помысливъ,
что въ свѣтѣ

Нынѣ ужъ того, кто ошъ рабства надеждою
былъ бы защитой.

Нынѣ! я лучше хочу, чинобъ меня бездыханна-
го скрываетъ

Въ землю, чѣмъ слышанъ о плачѣ своемъ и
крупненькомъ и тѣлѣ.

65. Такъ оныбисивовала Гекторъ, и къ сыну ру-
ки проснерь оны:

Робко ошъ нихъ онклонился, и къ лону
кормилицы съ крикомъ

Бросился милый младенецъ, дичаси онца,
успрашенный

Яркимъ блиспаніемъ данъ и космашою грившою
плема,

Грозно надъ нимъ занумѣншо съ мѣдиогром-
наго гребня.

70. Съ грушнкой улыбкой и манъ и онецъ посмо-
ирѣли на сына.

Щемъ ошъ главы онрѣнаешъ поспѣшно бли-
спашельный Гекторъ;

Бравный уборъ на землю кладешъ и на руки
взвеша

Сына, цѣлуетъ его съ умиленьемъ, и тихо
качаептъ.

Громко вызываетъ попомъ онъ къ безсмерт-
нымъ богамъ и Зевесу:

75. Царь Зевесъ! вы, боги Олимпа! молю васъ,
да будетъ

Нѣкогда сынъ мой, какъ я, благолюбимъ пер-
вый въ народѣ;

Спокойно же мѣщицею крѣпокъ и мощно гос-
подствуемъ въ Трѣхъ:

Пусть со временемъ скажутъ: далеко отца
превзошелъ онъ!

Види его, изъ сраженья идущаго съ пышной
броней,

80. Снашой съ врага — и такая жила да пора-
дуетъ манерь!

Такъ сказавъ, положилъ онъ въ объятіи вѣжной
супруги

Сына; она, улыбаясь сквозь слезы, душистымъ
покровомъ

Персей одѣла его; и глубокой исполненъ пе-
чами,

Гекторъ, ее приласкавши рукою, привѣстно
сказалъ ей:

85. Бѣдныя! ны не должна обо мнѣ сокрушаться
такъ много!

Прощивъ судьбы я ни кѣмъ преждевременно со-
саятъ не буду

Въ шемный Андъ; но судьбы ни единый еще
не избгнулъ

Смертннй, родившійся разъ на земль, ни смь-
льнй, ни робкй!

Съ миромъ же въ домъ свой пойдн: занимайся
порядкомъ хозяйства,

90. Прижей, шканьемъ; наблюдай, чптобъ рабыни
домашннн были

Въ дѣлѣ прилѣжны своимъ. О войнѣ же имѣешь
попеченье —

Дѣло Троанскнхъ мужей и мое изъ воѣжъ наи-
болѣ!

Кончивъ, свой гривисннй шлемъ поднимаешь
блнстательннй Гектора.

Медленнмъ шагомъ, и часто назадъ озираешь,
и слезы

95. Горькн молча дн, Андромакн пошла и достиг-
ла

Скоро обншли Гектора; много служнтель-
ницъ было

Собрано намъ за работою; всѣ сокрушались
съ него;

За живо Гекторъ былъ въ домѣ оплаканъ сво-
емъ. Неизбжно,

Миши снѣ, онъ погибнетъ! мы вѣчно его
не увидимъ!

100. Истину общая скорбь предсказала илѣ;
время прислало

« к »

Сбится тому, что давно предназначено
было; но прежде

Славой великой покрывся могущий защит-
никъ Мервима.

Налъ Патроклѣ отъ руки благороднаго
Гектора! вступѣ

Шлемъ Ахиллесовъ и щитъ покрывали
его; неизбежныи

105. Часъ судьбы наступилъ — и съ Патро-
клова хладнаго трупа

Гекторъ совлекъ Ахиллесову броню, и
сѣта зажглася

Вкругъ бездыханнаго юноши, прежде столь
бодрого въ битавъ,

Я къ кораблямъ Антилохъ посласть, возвѣ-
стивъ Ахиллесу

Гибель Патрокла; но знаю, что къ намъ не
придесть онъ на помощь,

110. Сколь ни кипѣлъ бы на Гектора злобою . . .
онъ безоруженъ!

Намъ однимъ защищать умерщвленнаго друга.
Упорно

Будемъ стоять за него; спасемъ бездыханное
шело.

Такъ говорилъ Менелай Теламону сыну Аяксу.

Правда, Атридъ знаменитый — Аяксъ опит-
чать Менелая —

115. Ты съ Меріономъ Патрокла храни; наклони-
шесь, и шло
Взяши на плечи, цесити изъ бои. Мы жь,
оба Аякса,
Равные мужествомъ сердца, всегда неразумные
въ битвѣ,
Будемъ спремаше Троеи и великаго Гекто-
ра дружно
Грудью своей опираашь, охраняя опичесніе
баше.

120. Царь Менелай съ Меріономъ поднимающъ Па-
троклово шло
Сильной рукою съ земли: ужаснулись Троеи,
увидя
Тело во власни Ахейи и бросились съ воплемъ
за ними.
Словно какъ пси, упреди зифромоцевъ младыхъ,
на лѣснаго
Вепри, когда онь порашеть, кидаются вдругъ,
но лишь шолоко

125. Вешеный оиъ, оцешинясь, на нихъ обернущ-
ся, въ испугъ
Всѣ рассыпающся — шакъ и Троеи спешала
спремаше
Бодро впередъ, подымаи мечи и двуспирья
копы;

Но лишь только Аяксы въ лице имъ лицомъ
 обращаясь —
 Всѣ блѣднѣюнь и боя начинъ ни одинъ не дер-
 заетъ.

130. Царя Менелай съ Мерлономъ безстрашно,
 медлительнымъ шагомъ
 Идутъ впередъ, унося изъ сраженя Па-
 троклово тѣло;
 Ихъ защищаютъ Аяксы; блистательный
 Гекторъ съ Эисемъ
 Рвутся, какъ лавы разъяренныя, силясь
 добычу похитить;
 Страшной грозой къ кораблямъ прибли-
 жается шумная битва.

135. Робко межъ шхмъ Анилохъ къ Ахиллесовой
 снажкѣ подходитъ.
 Онъ сидѣть впереди кораблей недалеко отъ моря,
 Вражень, тревожимый думой о шомъ, чю уже
 совершилось.
 Горе! онъ мнилъ, отъ чего къ кораблямъ въ
 беспорядкѣ нѣспияси
 Слова Ахейцы, повинуть сражене? Спрашусь,
 чю со мною

140. Сбудетси шю, чю давно предсказала мнѣ ма-
 терь: чю долженъ,
 Прежде мени, онъ Троянъ Мирмидонецъ по-
 гибнуть храбрѣйшій.

Сердце дрожншь : ужь не палъ ли Менестивъ
сынъ ? Непреклонный

Другъ ! а я умоляю уйши къ кораблямъ , онра-
зивши

Вражій пожаръ и оншюдь не испытывашь съ
Гекторомъ силы !

145. Такъ размышляя Ахиллесъ — и предъ нимъ съ
сокрушительной вѣснью

Сынъ престарѣлаго Песнора , слезы люющій ,
явилася.

Горе мнѣ ! сынъ благородный Пелея ! ны дол-
женъ о спрашншй

Слышашь бѣдѣ , какой никогда не должно бы
случншься !

Палъ Панпрокъ : ужь теперь за его бездыхан-
ное шло

150. Вьѣлся ; онъ нагъ — оружїе Гектора могучій
похншалъ !

Мрачное облако скорби лице Ахиллеса покрывло.
Объ онъ горсти наполнившн пенломъ , главу
нмъ осыпалъ ;

Лицъ молодой почернѣлъ , почернѣла одежда и
самъ онъ ,

Тѣломъ великимъ проспранство покрывши ве-
ликое , съ прахъ

155. Былъ разпростернъ , и волосы рвалъ и билася
объ землю.

Дѣвы, нѣтъ кунно съ Панрокломъ наивенныи,
 въ страхѣ изъ сцажки
 Выбѣжавъ, громко вопили надъ нимъ и перст
 шерзали.

Съ ними сшснאלъ Ашцлохъ; заливалъ слезами,
 всей силой

Онъ Ахилесовы руки держалъ, чинобъ въ бе-
 зуми гори

160. Самъ онъ себѣ не прозвизалъ изощренными ору-
 жиемъ груди.

Съ спрашнымъ воплемъ онъ плакалъ. Его
 услышала маиерь

Въ домъ сѣдаго оица, на днѣ глубокаго
 моря.

Громко она зарыдала, и къ ней собралась
 Перенды,

Сеспры младыи, морской глубины знаиовла-
 сья дѣвы.

165. Полонъ былъ пми подводный, серебряный
 домъ; пораками

Всѣ онъ перси, печалась съ сеспрой; изъ
 Ошнда сказала:

Милыи сеспры, Нерей безсмертныи дочери!
 много,

Много печали на сердцѣ моемъ! о горе мнѣ
 бѣдной!

Мнѣ, Ахилеса великаго машери! мною рожа-
 данныи

170. Сынъ, споль душой благородный, споль му-
жесивозъ славный, въ герцахъ
Первый.... онъ цвѣтъ, какъ молодое прекрас-
ное древо; съ любовью
Нежной воспитанный, выросъ, и мной нако-
нецъ къ Иліюу
Посланный, понѣлъ суда въ корабляхъ
оспрогрудныхъ... И вѣчно
Мнѣ ужь его не увидѣшь въ ошечскомъ домѣ
Целея;

175. Но доколѣ и живъ онъ, сѣнемъ для оза-
ренный,
Онъ осужденъ на спраданье и манерь ему не
поможеть.
Милыя сестры, покинемъ глубокое море; мнѣ
должно
Сына увидѣшь, мнѣ должно провѣдани, какое
Новое горе ему, не встунавшему въ бой, при-
ключилось!

180. Такъ сказавъ, изъ пещеры выходитъ Фенита,
и съ нею
Сестры, Персезы дочери, слезы днюща.
Волны
Моря кругомъ ихъ шумящъ, раздѣляясь. До-
стигнувши Трои,
На берегъ всходящъ одна за другою въ ночь
мѣсь, гдѣ зрѣлась

Всѣ корабли Мирмидонявъ кругомъ Ахиллесовой
сидѣлки.

185. Машерь къ нему подошла, зарыдала надъ нимъ
и обнявши

Нѣжной рукой преклоненную голову сына,
сказала :

Что же ны плачешь? Что бодрую душу нивою
сокрушило?

Будь ошкропепеть со мною! Зевесь громовер-
жець исполнилъ

Все, о чемъ ны молиси, подыема здѣсь руки.
Ахеиць

190. Много снѣда прешерпѣли, ушрашишь тебя,
и нѣспимы

Силой враговъ къ кораблямъ, безнадежно тебя
призывают :

Тяжко, шажко вздохнуть, ошѣчать Ахиллесъ
биспроногій :

Машерь! не шщепно молишь я! исполнилъ
Зевесь громовержець

Все! но какая въ шомъ польза, когда пошерялъ
я Пашрокла,

195. Друга нѣжнѣйшаго, шилого мнѣ, какъ снѣше
дневное!

Онъ погибъ! и оружье Гекторъ убійца похи-
штилъ,

Крѣпкое, дивное, даръ ошъ богамъ Олимпій-
скихъ Пелею

Въ оный день, какъ шебя сочешали безсмерт-
ную съ смертными !

Было бы лучше, когда бы ты осклалась богинею
моря .

200. Лучше , когда бы просной , не безсмертной
супруги супругомъ

Былъ Пелей : безконечной похоской по упра-
ченномъ сынѣ .

Будешь ты нынѣ крушишься ; уже вѣчно его
не увидишь

Въ домъ отца ! Да и сердце мое запрецаешь
мнѣ долѣ .

Здѣсь межъ живыми скинешься : но прежде
Гекторъ заплачешь

205. Мнѣ за Пандрокову жизнь , подѣ моею ногою
издыхалъ .

Матерь , лиющая слезы , опечаленнень : но ,
что сказать ты ,

Мнѣ возвѣщаетъ , что жизнь твоя скоро ,
скоро уванешь :

Самъ ты за Гекторомъ вслѣдъ неминуемо
долженъ погибнуть —

Такъ повелѣла судьба ! — Ахиллесь возрвалъ
ей угрюмо :

210. Пусишь я погибну шеперь ! что въ жизни, если
Пандрокла

Мнѣ защитишь не даю ! далеко онъ любимой
опчизны

Паль онъ, а я не пришелъ опознать непа-
вистную гибель.

Что я? родинельскихъ мирныхъ полей суж-
дено не видать мнѣ!

Жизни Панроклу спасши я не могъ; не могъ
быть защитной

215. Сколькоимъ друзьямъ благороднымъ, оиъ силь-
наго Гектора подданимъ!

Здѣсь я спужу, позади кораблей, бесполезное
время

Свѣшу! И! Ахиллесъ! Изъ всѣхъ мѣдиопашныхъ,
Ахейвъ

Въ биньѣ храбрѣйшій, хоня на собѣнѣ дру-
гимъ уступая!

О! да погибнешь вражда! и гивѣтъ, онемнлю-
щій часно

220. Разумъ мудрѣйшимъ! сначала онъ сладостнѣй
меда, но скоро

Пламень сѣднющій въ сердцѣ, вкусившемъ
его, загнигаешъ!

Такъ и меня раздражилъ Агамемнионъ, царей
повелитель.

Но пустьъ будетъ прошедшимъ прошедшее!
Сколь ни прискорбно

Сердцу оно — раздраженное сердце должно
покориться.

225. Я иду! не избѣгнешъ меня ты, Панрокловъ
убійца,

Геклоръ! свой жребій принять я готовъ,
когда ни назначатъ

Вѣчный Зевесъ и безсмертные боги Олимпа!
и мнѣ ли

Нить ропщамъ на судьбу, когда и Акидъ
благородный,

Сынъ громовержца любимый, быть некогда
его постигнушь.

23а. Если подобный уделъ и меня ожидаешь,
пусть лягу

Въ землю, дыханье упрямить; но славу вели-
кую прежде

Здѣсь соберу, беспрощечна жизни въ землѣ;
и многихъ

Дать полногрудыхъ Дарданскыхъ принужу
крушиться, и слезы

Съ юныхъ ланитъ обираю, закрывши руками

23б. Лица, и вздоха спиралъ въ груди, раздраемой
горемъ.

Скоро узнаюшь, чинъ я обидишу! а ты не
надѣйся,

Машерь, меня удержишь: никогда я не буду
покоренъ!

Испинушы говорини — отвѣчала Фенида —
похвально

Бышь для друзей огнь бѣды и огнь смерани
защитой. Но Троя

240. Нынѣ владѣють своими блестящими лапами ;
хищный
Гекторъ, украшенный ими , ликуешь — кони и
не долго
Въ нихъ величался ему : предназначенный часть
недалеко !
Но и ны, безоружный, мой сынъ, не бросайся
въ шревогу Арея ;
Здѣсь помедли , доколь меня опять не увидишь .
245. Завира сюда на разсвѣтъ , лишь только поды-
менся солнце ,
Съ пышной бронею , изкованной богомъ Ифе-
спомъ , приду я .
Такъ говорила богиня и съ сыномъ могучимъ
просилась .
Къ юнымъ сесирамъ , среброногимъ богинямъ ,
пономъ обратился ,
Милыя сесиры , сказала , шеперь погрузитесь
въ море ,
250. Въ домъ возвратитесь Нерей и сразу съдому
лучины
Все возвысните , А я на вершину Олимпа къ
Ифеспу
Прямо оисель полечу умолять , чшобъ оружје
дать намъ .
Кончила : въ оно зыбей погрузились младыи
богини .

Она неизбежно Пафрокломъ съ вѣвкою сла-
вой, когда бы
Ира съ небесъ не послала Ириду къ Пелесву
сыну.

270. Сынъ Пелесвъ, воздвигнись! бѣги на помощь
къ Пафроклу!

Винва уже подошла къ кораблямъ! Посмотри:
убиваютиъ

Спрашно другъ друга; одни ошибаясь, другіе
спремаяся

Тѣло схватиши; одолжиши Трояне; бласна-
тельный Гекторъ

Скоро похитиши Пафрокла, и въ Трою у-
мчиши, и на башнѣ.

275. Выставилъ голову, свисную съ плечь въ посра-
мленіе Ахеянъ!

Полно медлить: нѣтъ псамъ паривашься Па-
фрокловымъ шѣломъ!

Вешать, безоружный вѣблѣи на расканъ; по-
кажиши Троянамъ;

Образъ нѣкой ужась наговниши на нихъ; обод-
риши Ахейцы.

Такъ Ахилесу богиня Ирида сказала и скры-
лась.

280. Гласомъ ея возбужденный, вскочилъ Ахилесъ.

И Авина

Мощнымъ плечи ему облачила эгидой ужасной,

Огненной лучей главу обвила, и съ нея забли-
стали

Грозно лучи, озаряя окрестность. Какъ дымя-
извивался,

Всходивъ далеко на островъ, ратью враговъ
обложенномъ, —

285. Бодро весь день осажденные бьются, но сидеть
лишь солнце,

Всюду косыры зажигаютъ, и съ яркими ис-
крами пламя

Всходивъ великимъ столбомъ и, окрестъ
опржеженное моремъ,

Свѣтлится, яшобъ видѣли пушъ корабли, при-
носилце помощь:

Такъ съ головы Ахиллеса блистание въ зѣри
подымалось.

290. Онь избѣжать на разкашъ и спать на виду
у Ахелгаъ,

Крикнулъ.... пронзительный крикъ повторила
Паллада Аонна

Громкимъ окзывомъ: Тролюъ обуль неопи-
саный ужасъ.

Такъ оглушительный громъ боевья трубы,
возвѣща

Прислушь, незанно мушницъ осажденныхъ.
Едва Ахиллесовъ

295. Голосъ послышался, дрогнуло каждаго сердце.
всѣ кони,

Гибель почуя, подняли гривы и съ шопопоме
громкимъ

Испаниъ понесли колесницы; правили ихъ,
изумлены,

Съ блѣднымъ лицомъ, глаза обратилъ, не-
подвижнымъ смотрѣн

Окомъ на грозный лица Ахилесова блескъ.

Троекратно

300. Крикнулъ онъ съ валу на нихъ — проекратно
разбитные сирахомъ

Войска Троянъ и союзныхъ назадъ въ безо-
рядкѣ бросались.

Тунъ онъ своихъ колесницъ и онъ собищен-
ныхъ коней двенадцать

Храбрыхъ Дарданянъ погибло. Ахейцы, похи-
тивъ Папрокла,

Въ снавкѣ просперли его на одрѣ и друзья
оружили

305. Тѣло. Пришелъ Ахилесъ. Замисл онъ слеза-
ми, увиди

Друга, предъ нимъ на одрѣ неподвижно лежа-
щаго, осирой

Мѣдью пронзеннаго: самъ онъ недавно его,
облачивши

Броней своею, въ сраженъе послалъ: но назадъ
не пришелъ онъ.

Тою порой, поспоянный въ теченіи Геліосъ,
волю

310. Пры свершая, сошелъ неохотно къ водамъ
Океана,
Въ тѣхъ потонувшее солнце изчезло, и войско
Ахейвъ,
Послѣ губительной брани, въ глубокій покой
погрузилось.

*Но Трояне вскочить не могли ни покоя,
ни тиши.*

*Смутко они собрались на совѣтъ. Опер-
шися на коня,*

315. Все стояли и светъ не держалъ ни еди-
ный и вслѣдъ имъ

*Сердце тревожила мысль о явившемся
въ бой Ахиллесъ!*

*Полидамантъ благоразсудивъ, Гекторовъ
другъ осторожный,*

*Первый подавъ совѣтъ: покинувъ поле
сраженья,*

*Въ Трою войти. Нилъ теперь благословная
нога благосклонна!*

320. Такъ онъ сказалъ. Ахиллеса держитъ она.
Но завтра,

*Въ поле увидя насъ, выдетъ онъ въ битву.
Тогда неизбежно*

*Многие будутъ добычею исовъ. Удалился
же въ Трою, даждь*

Время; на торжищѣ нота проведаль подѣ
неболѣ откритыи;

Сѣ первыи же блескомъ денница сбе-
редися на стѣнах; пускай онѣ

325. Воя отвѣдать приблизится къ нимъ:
лишв напрасно могутихъ
Коней своихъ утомишъ; но въ Трою ему
не воеатся.

Сумраченъ, брови какъ муря, опшнсивоватъ
пламенный Гекторъ:

Полидамашъ! оспороженный совѣтъ швой ше-
неръ бесполезенъ!

Намъ ли, какъ робкимъ, бѣжати въ огражден-
ную баннами Трою?

330. Мыль не услади еще, за стѣнами шѣлись,
укрывашся!

Шькогда городъ Прямовъ, межъѣлѣми народами
славный,

Быль знаменитъ на земль изобилемъ мѣди и
железа;

Но ужь давно изъ печальныхъ жилищъ изоби-
лѣ скрылось!

Мы раздражили Зевеса! во Фригии, въ край
союзномъ

335. Пышной Меонии, проданы лучшия швери
наши.

Нынѣ же; когда мнѣ могущи Крошонъ, Зевесъ
всдержитель

Славу послалъ опразинь къ кораблямъ мѣдно-
ланныхъ Ахейъ ,
Я ли сокроюся въ Трою! какой же солить
подлеишь ты!

Кто изъ Троянъ покорится ему? Здѣсь а
повелишь!

340. Слушайте же слово мое и мою исполнише
вѣно :

Пищу пускай по дружинамъ раздѣляя ,
насытись , но каждый
Будь осмороженъ! и спрассь да не дремлетъ
на спрассь. Зауира
Съ первымъ сияемъ денницы, оружіе мѣное
кзавши ,

Мы пошечемъ къ кораблямъ на рѣшишельный
приступъ. Когда же

345. Выравду возснать Ахилесъ , но избралъ не
благое оиъ время!

Я не спрассуся его безошаднаго въспрѣлннъ!
Ошвѣлннъ

Снзну предъ нимъ, не забонясь, меня ли, егъ
ли украсннъ

Славою бой!.. Неподкупеть Арей, и разнннхъ
разнннъ оиъ!

Гекшоръ сказаль и Трояне, согласные съ нимъ,
ошвѣлннъ

350. Плескомъ шумннннъ..... сльпцы! нзъ Пелллада
звнннла разсудовъ!

Злое благому они предпочли и оспалися въ
ночь!

Оную ночь надъ Панпрокломъ, Ахейцы въ
рыданьи и горь,

Глазъ не смыкая, всю провели. Ахиллесъ,
положивши

Мощныя руки на грудь неподвижную друга
со спяномъ

355. Плакала. Такъ львица грозная рыщетъ, когда
звѣроловца

Львенка младаго ей изъ льсиснаго дога похи-
нили:

Злобяся, рыщетъ она по ущельямъ съ жалоб-
нымъ ревомъ.

Такъ Ахиллесъ вопиалъ, окруженный толпой
Мирмидонявъ:

Боги! сколь были надежды мои безразсудны,
когда и,

360. Тщась упомишь сокрушенье Менеша, для
общанья

Вместѣ съ украшеннымъ славою Панпрокломъ
въ Онуитъ возвратишься,

Трою разрушивъ и много богатой добычи
скопивши.

Смертныи замыслишь одно, а Зевесъ совер-
шаетъ иное!

Оба, единую землю мы кровью своей нащи-
таемъ

365. Здѣсь въ оидаменномъ Троанскомъ краю! И
 меня не увидать
 Вѣчно въ жилищѣ оицель ни Пелей, мой
 родинель
 Дряхлый, ни маперь Фенида. Здѣсь лагу,
 покрытый могилой.
 Если же послѣ Папрокла назначено въ землю
 сойти мнѣ,
 О мой Папрокль! я пвое совершу погребеніе,
 похергнувъ
370. Голову Ректора съ броней его предъ шобой и
 двѣнадцью
 Юношей пѣльныхъ, сыновъ благороднѣйшихъ
 Трои закляши
 Въ почесь пвою и обиженной шѣни шдой
 въ унѣшене!
 Съ миромъ же спи у моихъ кораблей въ ожи-
 даніи мести!
- Пусшь Троики, пѣльенныя нами, и деню и
 пощю
375. Плачущъ дошомъ надъ шѣломъ швоимъ и перси
 шеразують!
 Съ сими словами друзьямъ повелѣть Ахилестъ
 благородный
 Числой водою огромный кошель шреножкий
 напомишь,
 Вражь съ запекшейся кровію смѣшь съ Па-
 проклова шѣла.

- Снавятъ шреножникъ на яркій огонь и шумя-
щей сиреую
380. Льемъ въ него ключевая вода и хворостъ
бросаютъ
- Въ пламя: оно обхватило копелъ и вода заки-
пѣла
- Въ мѣдномъ звѣнющемъ сосудѣ, Омывъ согрѣ-
ною влагой
- Тѣло, умаслили шужнымъ слеземъ; попомъ
ароматной
- Девятилѣвшею мазью наполнивши раны, про-
шерли
385. Тихо его на одръ, и покрывъ пологномъ
драгоценнымъ
- Купно и пѣло и ложе блестящею шканью
одѣли.
- Эостъ младая въ одеждѣ багряной, безсмерн-
нымъ и смернымъ
- День приносящая, вышла изъ водъ Океева.
Фенида
- Стъ дивной, Ифестомъ ей данной бронею
пришла къ Ахиллесу;
390. Онь разпростерный лежалъ надъ бездушнымъ
Гамрокломъ, и громко
- Плакалъ. Окрестъ Мирмидоняне въ мрачномъ
молчаньи сидѣли.

Тихо межъ ними прошла среброногая мимверь
богиня

Къ сыну и за руку взявши его, умаленно
сказала:

Сынъ мой, оставимъ поклониться мериваго,
сколько бы сердце

395. Наше о немъ ни крушилось: онъ ситой без-
смертныхъ посмичнушь.

И принесла невредимую броню онъ бога
Ифесиа,

Чудо красы: никогда не бывало подобной на
смертномъ.

Такъ сказавъ, положила Фетида къ ногамъ
Ахиллеса

Броню; громкій оружіе звукъ издало; Мирми-
донанъ

400. Ужась проникнула: взглянушь не посмѣлъ на
едный богинѣ

Прямо въ лице и всѣ препешали. Но гнѣвомъ
сильнѣйшимъ,

Броню узря, закипѣлъ Ахиллесъ; глаза засвер-
кали

Искрами, вспыхнувъ подъ шпилью ресницъ,
какъ ужасное пламя;

Жадной рукою онъ броню схватилъ и даромъ
чудеснымъ

405. Бога Ифесиа вальценный, имъ сиялъ любо-
взълся; но скоро

Снова сдѣлался мраченъ; потомъ обратился къ
 Фенидѣ,

Машери, сказала онъ: оружіе дивно нѣкое и,
 не медля

Выду я изъ битву. Но сердце мое не спокойно:
 онъ будетъ

Здѣсь бездыханный лежать; насекомыя жад-
 ныя могутъ

410. Въ раны влѣтѣть, въ нихъ червь поселится и
 можетъ гніеніе

Въ тѣло проникнувши, образъ его опозоритъ
 прекрасный.

Будь, мой возлюбленный сынъ, беззаботенъ, ска-
 зала Фенида,

Съ нимъ неразлучная, стану сама разгонять
 насекомыхъ,

Жадно снѣдающихъ тѣло убитаго мужа; хо-
 ня бы

415. Медленный года надъ нимъ совершился полетъ,
 и непланнымъ

Тѣло его сохраню и еще онъ прекраснѣе бу-
 детъ.

Съ семи словами она противаетъ на раны Па-
 трокла

Сокъ благоуханный амброзіи съ нектаромъ сви-
 цилопурпурнымъ.

Берегомъ моря поспѣшно потекъ Ахил-
лесъ благородный,
420. На голосъ звутный его собрался Ахеицы.
Прискорбный,
Гуку онъ податъ Атриду, и бѣло прили-
чительной жертвой
Позднѣй межю ними снотъ утверженъ,
Агамемнонъ поспѣтъ
Далъ повелѣнне царя откести къ Ахилле-
су. Не медя,
Царь Одиссей съ сыновьями почтеннаго Не-
спора, съ славнымъ
425. Сыномъ Филія Мегимомъ, съ Фваншомъ и съ
ними Креомоль
Сынъ Ликомедъ, Меріонъ, Меланиппъ къ Ага-
мемнону въ спѣху
Идушь и выбравъ семь драгоценныхъ шренож-
никовъ, двадцать
Сѣшлыхъ сосудовъ, двѣдцать коней и семь
руководныхъ
Пѣвницъ съ осмой Бризеидой, ошходящъ въ
шахеръ Ахиллесовъ,
430. Царь Одиссей впереди съ десницею паланими
злана,
Всѣмъ паномъ, окруживъ Ахиллеса, его пригла-
шаномъ
Съ ними вкуснѣ ошъ прапезы, по пѣвко
вдохнувъ, ошевать оше:

О друзья! умолю васъ, если хоще мало и дорогъ
 Вашему сердцу, не требуйте нынѣ, чпобъ и
 наслаждался

435. Вашей трапезою: горе всю душу мою разди-
 раетъ.

Нынѣ, не коснусь ни къ чему до самыя поздняя
 ночи.

Всѣ полководцы просились погуда съ Ахилле-
 сомъ; османись

Оба Амрида, Идомеи, Одиссей благородный,
 Несторъ и сцарець Фениксъ. Пролетитъ обра-
 чешную душу

440. Друга сшарались они разговоромъ веселымъ; но
 шщелно!

Сумраченъ былъ онъ, лишь бипвы единой ал-
 калъ, непрестанно

Думалъ о мершвомъ, объ немъ лишь единомъ
 швердилъ непрестанно:

О сколь часто бывало, чпо самъ шы заболитъ-
 во, бѣдный

Въ сшавку мою прибѣгалъ съ подкрѣпительной
 ушренной пицей,

445. Мнѣ возвѣщая, чпо войско Ахейнъ шапры по-
 кидало,

Снова съ Троянами въ бипву гошкөөе вышши;
 а нынѣ

Здѣсь ны лежишь, убійный! Но можетъ мое
успокоеніи

Сердце ни брашномъ, ни сладкимъ виномъ безъ
тебя! Я полюбилъ

Не былъ бы горемъ сраженъ, и услышь о
смерти Пелея,

450. Любящаго слезы во Фііи своей обо мнѣ онда-
ленномъ,

Вьющемся въ чуждомъ краю за обиду Елены
презрѣнной,

Никакъ печальную вѣснь получивши о снѣгъ, въ
Скиросѣ

Мнѣ разцвѣщающемъ, богоподобномъ Неонно-
лемъ,

Если онъ живъ! — Я донынѣ всегда уповаемъ
наивнѣмъ

455. Сердце свое утѣшать, что умру я одинъ, раз-
лученный

Съ славнымъ конями Аргосомъ, въ Тронской
земль, что въ предѣлахъ

Фііи родной возвращая, ны самъ въ кораб-
лахъ облокченныхъ

Сына въ Скиросѣ возьмешь и ему покажешь въ
ошишилъ

Всѣ богатства мои, рабовъ и цѣревы черноты.

460. Чувствовалъ я, что тогда ужь Пелей нль въ
земль, бездыханный,

Будешь лежать, нль можетъ бышь грустно
свой вѣкъ доживая,

Будеть согбенъ оупь печали и дѣлтъ, все боясь,
что оупь Трои
Всплываъ придетъ и скажетъ ему: Ахиллеса
не знало!

Такъ говорилъ оупь и плакалъ. Сидѣнне сънмъ
вздыхаи,

465. Каждый о шомъ помышляи, что въ домъ даде-
комъ оспаенать.

Взоръ соспрадательный съ неба Зевесъ на пе-
чальныхъ сѣловивши,

Быстро къ богинѣ Палладѣ крыланую рѣчь
обращаетъ.

Мни, Паллада, покинушь либой Ахиллесъ блг-
городный?

Видишь, какъ оупь на берегу у своихъ кораблей
чернобокыхъ,

470. Пача о мершвомъ Патроклѣ, сидитъ одинокий;
друге

Упренней пицей себя подкрѣпляютъ; но оупь не
пріемлетъ

Пици. Лени жь и во грудь Ахиллесу амерозн
сладкой

Стъ нектаромъ целей, что бь оупь гада оупь славы
своей не упривитъ.

Такъ Зевесъ говорилъ, упрелядая желанье Ден-
ны.

475. Быстро она—какъ орель съ необышными
крыльми, съ звонкимъ

Гласомъ — къ шатрамъ полетѣла съ небесъ.

Ужъ Ахейцы поминимъ ,

Въ бой ополчался. Во грудь Ахиллеса амброзія

сладкой

Съ нектаромъ тайно она пролила , чинюъ оны

силъ не утративъ ,

Глаголомъ помимый , и слова попомъ возвраши-

лась въ обинель

480. Звеса, Ахейцы волнами шекни , корабли поки-

дая.

Словно какъ чашный , клоками сыпнущій свѣтъ ,

упоснмый

Свернымъ , быспро зѣнрь просияющимъ въ-

шромъ , изъ шавокъ

Сыпались шлемы безчисленны , рой за свер-

кающимъ роємъ ,

Крушо согбенныя ланы , изъ асеня швердато

конья ,

485. Съ оспрою блжхой щипы ; до небесъ возходило

сіянье ;

Въ блескъ оружія свѣлася земля , подъ ногами

бѣгущихъ

Верегъ гремятъ. Посреди ихъ , броней Ахиллесъ

облекался.

Зубы его скрежешани и оуп , какъ быспроо

шлами

Рдѣш , сверкая ; но сердце его неспершимой пе-

чалью

490. Было наполнено; злобой кипит, на Троишь разъяренный,

Взявъ онъ доспѣхи, чудесное бога Ифесна со-
зданье;

Голени въ сѣшавья, гладкія поножи прежде
облекши,

Каждую пражкой серебряной пуго сшилъ онъ
огромнымъ

Панцыремъ мощную грудь обложилъ; на пле-
чо драгоценный

495. Мечъ съ рукояткою серебряной, съ лезвьемъ мѣд-
нымъ повѣсилъ.

Послѣ надѣвъ необъятый, шажкій, блескомъ
подобный

Полному мѣсяцу щипъ; какъ далекій мажкъ мо-
реходцамъ

Свѣщилъ во мглѣ, пламениа одинъ на верши-
нѣ утеса —

Бури же вдалѣ отъ друзей ихъ несенъ по шу-
маншему морю —

500. Такъ чудесарно свѣщился божеспивенный щипъ
Ахиллесовъ,

Чудо искусства. Потомъ на главу онъ надвинулъ
шажельный

Гривистый шлемъ; онъ силъ какъ звезда и
густымъ златобластымъ

Конскимъ хвостомъ былъ украшенъ на немъ
воздымавшійся гребень.

Броней одянутый, силу свою Ахиллесъ испы-
туешь :

505. Двигался въ ней онъ свободно и члены об-
леченная броня

Легче казалася браться и какъ будно его поды-
мала.

Тупъ онъ ошцело коню изъ копыта предъ а-
снато вступилъ

Тавродебелюе. Въ сснмъ Ахемъ его ни единый
двигнуть не могъ, но легко имъ играла рука

Ахиллеса :

510. Ясень могучий съ гордой главы Пеліона срубилши,
Создалъ Хиронъ но копые для Пелла, врагамъ
на погибель.

Авномедонъ и Ахиллъ на коней возложивши
послѣшно

Священую збрую и удилъ силой вѣнценни-
изъ въ зубы ;

Туго пономъ наизауени броды, впереди коле-
сницы

515. Ихъ укрѣпши. Авномедонъ въ колесницу съ
блеснящимъ

Пращуль бичемъ. Ахиллесъ, ополчась на крова-
вую бичеву,

Сналъ позади, какъ Геліосъ дивной броню снв.

Тупъ громогласно къ Пелесвымъ бодрымъ ко-
намъ онъ воскликнулъ :

8

Ксанъ и Валій, славныя дѣли Подарги! вѣрите
 520. Добрыя кони, вы званіе правншело вашему
 будыше.

Сыпаго боемъ его къ кораблямъ возвратише;
 не мерншымъ

Въ полѣ оспавше, подобно Патроклу. На шо
 легконогій,

Дышущій пламенемъ Ксанъ ошвѣчалъ, до
 копытъ наклонивши

Гордую голову. Пышная грива упала на землю;

525. Ира лицейной рѣкой разрѣшила языкъ — ош
 промовить:

Такъ! мы живаго еще шебя принесемъ, сытъ
 Пелесвъ!

Но предназначенный день швой ужъ близко!

Не нашей

Волей, но силою бога и сирогой судьбы шо
 свершилось!

Нѣтъ, не мы замедлѣемъ своимъ и безвремен-
 ной дѣлю

530. Дши Троянамъ съ Патрокла похитиши
 крѣкую броню.

Сытъ гусновласыя Лины, богъ неизбѣжный
 постигнулъ

Въ битвѣ его и Гектора чешью побѣды укра-
 снлъ.

Пусть на бѣгу мы полени ошреждаемъ Зѣфи-
 ра, изъ легкихъ

Вспрошь легчайшаго вѣнцемъ крильъ благово-
ныхъ — по вѣдѣи:

535. Ты оиъ могучаго Бога и смершнаго мужа по-
гибнешь.

Оиъ сказау и языкъ обезмолвила сила Эришнй.
Сумраченъ ликомъ, ему оиъвчалъ Ахиллесъ бы-
строногий:

Ксантъ, для чего бесполезно мнѣ смерть про-
рицаешь? и самъ я

Знаю, что мнѣ далеко оиъ оица и оиъ ма-
тери должно

540. Здѣсь по закону судьбы умереть. Но я все не
преслану

Внхься и мучишь Тронъ несчастною биневой.
Звучно оиъ крикнуть и съ шорохомъ громкимъ
помылси концъ

Слѣдомъ за нимъ изъ заградъ побѣжали Ахей-
цы. Тронѣ

Ждали ихъ въ полѣ, гусиными шолнами по-
спроисъ на холмѣ.

545. Вѣчный Зевесъ съ многоглавой черниной
Олимпна Оемиду

Вѣхъ боговъ пригласишь на собѣиъ посълаещъ.
Богиня

Имъ повелѣла собраться въ обителнхъ полѣ.
Предснани

Вѣ и самые боги пошюкобъ и въ шѣннхъ
роцехъ

- Въ шемныхъ долинахъ, въ пещерахъ тай-
 ныхъ живущія Нимфы ;
550. Древній одинъ Океанъ не явился. Въ черно-
 гахъ, Ифрисомъ
 Созданныхъ съ дивнымъ искусствомъ по воли
 Зевеса, на иронахъ
 Боги сидятъ кругомъ громовержца. Призванно
 Гемиды
 Самъ Посидонъ покорился, Огнь вышелъ изъ
 воды и съ другими
 Съелъ на совѣтѣ. Наконецъ вопрошать онъ вла-
 дыку Зевеса :
555. Богъ громоносный, полно ны призвать насъ
 въ черноты Олимпа ?
 Или рѣшишь замышляешь ны участь Троянъ
 и Ахейнъ ,
 Вышедшихъ въ поле и снова исполненныхъ
 яростью битвы ?
 Въ шумѣхъ блистающій богъ на сіе отвѣчать
 Посидону :
 Землекрушитель, ны знаешь мои сокровенныя
 мысли ,
560. Знаешь, о чемъ сей совѣтъ. И о гибнущихъ
 умъ мой печется.
 Здѣсь я буду сидѣть на скалѣ высочайшей
 Олимпа ,
 Зрѣльцемъ бой себя услаждаю. Но вамъ позво-
 ллю

Къ войскамъ Троянъ и Ахейнъ иinni, и мо-
жете помощь.

Той споронъ подаванъ, на конорую склонни-
вась сердце.

565. Если одиъ Ахиллесъ надееть на Троянъ; ни
мгнубенна

Въ похъ оиц не подержанси противъ Пелл-
довой силы!

Тренемъ ихъ всѣхъ поразилъ при единомъ его
повеленн.

Нынѣ же, когда онъ такъ сильно разгнѣванъ
погибелью друга,

и спранусь, чинобъ, судьбѣ вопреки, не раз-
рушилъ онъ Трои.

570. Такъ говорилъ Зевесъ и вспылани безсмертные
богемъ.

Съ неба они, раздѣлись, ко враждующимъ ра-
нимъ стѣнн.

Мощна Пра пошла къ кораблямъ съ Пелладой
Аснпой:

Съ ней Посидонъ, облегающій землю и Эрмн,
обильный

Козыми, щедрый поданель богатства и ме-
дленно-нижкн,

575. Пламенноокнй Ифеснъ, черезъ силу влекущн
Хромую

Нору. Но шлемомъ блестящнй Арей обраннлся
къ Троянамъ,

Съ нимъ пошкудрый Фебъ и мѣткостью
 стрѣлъ Аршемида
 Гордаа, Лино и Кеанъ и Киприда съ улыб-
 кой привѣщной.

Были падены Ахейцы, пока не мѣшались
 боги

580. Въ бой— Ахилесъ повлечемъ своимъ, по дол-
 гомъ покоѣ,

Ихъ ободрилъ, а Троецъ, при видѣ Пелева
 сына,

Блескомъ брони Арею подобнаго, всѣ претепана-
 шамъ —

Но лишь только сошлѣ Олимпійцы ко смерп-
 нымъ, Эришиксъ

Страшно свирѣпствовашъ вдругъ начала. То,
 споя на валѣ,

585. Подѣлъ глубокаго рва, то на брегѣ шумящаго
 моря,

Гласомъ могучимъ Аенна кричала. И черной
 подобенъ

Бурь, Арей завывалъ, то съ горней вершины
 Пергама

Клѣча Троецъ, то бѣгая взадъ и впередъ у вы-
 сокой

Калкколоны, вѣкъ стѣбитъ, не вдали Симонсова
 брега.

590. Такъ Олимпійскіе боги рать на рать возбу-
 ждали.

Скоро вездѣ запыхалъ разрушительный бой не-
исребленна.

Спрашно гремѣлъ всемогущій опецъ людей и
безсмертныхъ

Съ неба; въ низу колебалъ Посидонъ необъ-
ятную землю:

Горы вряслись; опъ подошвы боганой пошо-
камъ Иды,

595. Все до вершины ея и Пергамъ съ кораблями,
дрожамо.

Въ царствѣ глубокой, подземныя шумы Айдо-
ней возмущися:

Блѣдень съ прешола сбѣжалъ опъ и громко
воскликнулъ, чнобъ свѣше

Твердой земли не пронзалъ Посидонъ сокру-
шитель, чнобъ оку

Смертныхъ людей и боговъ неприсущный
Аидъ не открылся,

600. Спрашный, мглистый, пущной и безсмертныхъ
самымъ ненавистный.

В. Жуковский.

ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный Поинь,
 Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
 И выпить на здоровье просишь;
Не пью, любовный мой сободъ!
 Товарищъ милый, но лукавый,
 Твой кубокъ положить не виною,
 Но упоительной ошравой:
 Онъ заманилъ меня пономъ
 Тебѣ вослѣдъ ошавъ за славою.
 Не шакъ ли ошнннмъ гусаръ,
 Вербуй рекрута, подносишь
 Ему веселый Бакха даръ,
 Пока воинственный угаръ
 Его на мѣснѣ не подкоситъ?
 И самъ служивый: мнѣ домой
 Пора убраться на покой.
 Ошавъся ны въ спроекъ Нарисса;
 Предъ двомъ кубокъ наивай
 И даръ Корнели или Тасса
 Одинъ съ похмелья поминай.

А. П.

МНИМОМУ КЛАССИКУ.

Не классикъ ты и не романтикъ ;
Но что же ты въ своихъ стихахъ ?
На козылхъ ножкахъ шарый франтикъ ,
Съ указкой дилскою въ рукахъ .

КЪ СТАТУѢ АРИАДНЫ.

Незвѣрный, разлюбивъ меня въ шокъ, оставилъ ;
Ощипивъ пресную оплакивать его ;
Мой образъ изваявъ , художникъ мнѣ досаждалъ
Влюбленныхъ тысячу на мѣсто одного .

П. Лизевскій.

КЪ ФАНТАЗИИ.

(Подражаніе английскому),

О ты, чья дивная предѣленья,
Волшебный разливая свѣтъ,
Являють райскія видѣнья
Намъ въ мірѣ скорби и суеты;

Которой яркія одежды
Неспѣшаютъ тысячью цвѣтовъ,
Дочь утѣшительной надежды
И мать веселыхъ, легкихъ сновъ!

Задумчивости ль принимаешь
Порой ты мрачныя черны —
Какъ сладко душу погружаешь
Въ воспоминанья и мечты;

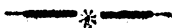
Нам, какъ искру въ пепелъ хладномъ,
 Порою возбуждаешь шовъ.
 Ты чувствено ешь сердце безопрадномъ,
 И шенныемъ про любовь;

И чуждый въ мѣрѣ утѣшеня,
 Сирадалецъ, упоенъ шовой,
 И аггословленъ заблужденъ,
 На время примиряеь съ судьбой.

Надъ бурнымъ жизни океаномъ
 Свій мнѣ, гений мой, снй,
 И сладоспнмымъ своимъ обманомъ
 Отъ горькихъ испинъ избавай.

И. Михеевскій.

ДВА СТРАННИКА.

Два странника приходили въ Римъ;
 На каждомъ рубище просное
 И каждый голодомъ номимъ,
 Изнемогая въ льдинемъ зноѣ.

На перекресткѣ спать одинъ
 И робко молить: ради неба,
 Прохожій, будь Христіанинъ!
 Я весь измученъ, я безъ хлѣба!

И взоръ страдалица выражалъ
 Надежду, страхъ и стыдъ и муку,
 Но жадно пренепную руку
 Онъ къ подающему просиравъ.

Какъ будно чуждъ сей шалкой доли,
 Другой недвиженъ и угрюмъ
 Стоялъ, исполненъ важныхъ думъ,
 Возведши взоръ на Капинолій:

Дыма працалісь чередой
 Въ воображеніи кипацель,
 Казалось: зрѣвъ оны въ паснолцель,
 Завлечь минузвѣснаго свинной.

И, какъ во снѣ, въковъ пучина
 Разверзлась съ шумомъ передъ нима
 И Римъ могучій, древній Римъ
 Блеснуть въ порфирь влещелна!

И странникъ съ жадностью принялъ
 Къ стожать свещенной шива Рима...
 И кто бь въ прашельцѣ не унмалъ
 Въ сей мнѣ — шворца Ерусалима?

А. Подолнскій.

ЗАРЯ ПОГАСЛА.

Заря погасла, — вьшерки
 Въ поляхъ дуионгъ межъ кустами,
 Срывають ландышь, васильки
 И вмѣстѣ съ алыми цвѣтами,
 Подобно неспрымъ мошьялкамъ,
 Кружа разносятъ по лугамъ:
 Такъ изумруды, аметисты,
 Жемчугъ и яхонты опущены,
 Небрежно рывою рукой
 Съ людейныхъ пальцевъ, въ часъ ночной
 Дожаси спать, полунагіа
 Роняють дѣвы молодыя.

И. Козловъ.

ВЪДНЫИ БОГАЧЪ.

« Ну, спопить ли богатымъ бышь,

Чтобъ вкусно никогда ни съѣсть, ни спить,

И только деньги лишь копить?

Да и ва что? Умремъ, въдъ все осцавимъ.

Мы только лишь себя и мучимъ и бесцавимъ. —

Шшь, если бъ мнѣ далось богачство на удѣль,

Не только бы рубля, я бъ тысячь не жалѣль,

Чтобъ жить роскошно, пышно,

И о моихъ пирахъ далеко бъ было слышно;

И долѣ дѣлать бы добро другимъ.

А богачей скуныхъ на муку жизнь похожа. »

Такъ разсуждалъ бѣднякъ съ собой самимъ,

Въ лачужкѣ знаменной на голой лавкѣ лежа;

Какъ вдругъ къ нему сквозь щелочку пролезъ,

Кто говоритъ, кодушь, кто говоритъ, что бѣшь;

Послѣднее едва ли по вѣрше :

Навѣда будешь по видѣше.

Предсталъ — и началъ шакъ: «ны хочешь быть
богачъ;

Я слышалъ, для чего. Служить я другу радъ;
Вонъ кошелекъ шель: червонецъ въ немъ, не болъ,
Но вынешь лишь одинъ, ужь намъ годовъ другой.

И шакъ, пришель мой,

Разбогачьшь шеперь въ швоей лишь волъ
Возьми жь и изъ него безъ счету вынимай,

Доколь будешь ты доволенъ;

Но шолько знай:

Изпрашивать одного червонца ны не волеиъ,

Пока въ рьку не бросишь кошелька.»

Сказалъ — и съ кошелькомъ оставилъ бѣдняка.

Бѣднякъ онъ радосни едва не помѣшался;

Но лишь опомился, за кошелекъ припался.

И что жь? — Чуть вѣрнися ему, что по не сонъ:

Едва червонецъ вынешь онъ,

Ужъ въ кошелькъ другой червонецъ шевелится.

«Ахъ, пусть лишь до шира мнѣ счастье продлится!»

Бѣднякъ мой говоритъ:

«Червонецъ я себѣ повѣшаскакъ груду;

Такъ, завира же богачъ я буду

И заживу, какъ Сибаритъ.»

Однако жь поштру онъ думаетъ другое:

«То правда,» говоритъ, «шеперь я сналъ богачъ:

Да что жь добру не радъ!

И почему бы мнѣ не быть богаче вдвое?

Не ужь-шо дѣнь

Надъ кошелекомъ еще провесить хопь день?

Вонгъ на домъ у мени — на жинилъ — на дамъ;

Но если накупить могу я деревень,

Не главо ли, когда случай къ шому уираму?

Такъ удерку чудесный кошелекъ:

Ужъ шакъ и бышь, еще я поговлю

Одинъ денекъ,

А впроземъ, вѣдь пожинъ всегда успѣю:»

Но что жь? проходить день, недѣли, мѣсяцъ,

годъ —

Бѣднякъ мой погертъ давно въ червонцахъ счетъ;

Межъ шѣмъ онъ скудно ѣсть и скудно пѣсть;

Но чунъ лишь день, а онъ опилъ за шу жь работу.

День кончился, и по его разчету

Ему всегда чего шбудъ не достаешь.

Лишь кошелекъ весни сберенся,

То сердце у него сожмнся:

Приденъ къ рѣкѣ — воронился опилъ.

«Какъ можно,» говорилъ: «онъ кошелекъ онъ
спанъ,

Когда мнѣ золошо рѣкою само лѣтсся?»

И наконецъ бѣднякъ мой пошѣдъ,

Бѣднякъ мой похудѣлъ.

Какъ золошо его, бѣднякъ мой пожелаилъ.

Ужъ и о пышности онъ боаь не смѣкаетъ:

Онъ силъ и слабъ и хилъ; здоровье и покой

Управитъ все — но все дрожащею рукой

Итъ конемька червошцы вонъ насканешъ.

Таскать, наскать... и чьмъ же кончилъ онъ?

На лавкѣ, гдѣ сводитъ богачиснвомъ любовался,

На той же лавкѣ онъ скончался,

Досчитывал свой девятый миллионъ.

И. Крыловъ.

~~~~~

КТО ПРИПОДНЯЛЪ НЕСКРОМНОЮ РУКОЮ.

—*—

Кто приподнялъ нескромною рукой
Завѣсь таинственный природы,
Кто знаетъ цѣль, куда текутъ шолой
Владыкъ міра и народы;
Чей гордый умъ ошвадно достигнулъ
Черны, посвященной завѣномъ,
Кто, раша съ судьбой и свѣтомъ,
За Рубиконъ рѣшишельно шагнулъ,
Кто одинокъ, какъ царь воздушный,
Чье быше приманокъ лишено, —
Тонъ міра житель равнодушный,
Въ цѣни сущесивъ разбитое звяко!

В. Щастный.

КЪ П. В. С.

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
 Ихъ ослѣпительная смѣсь
 Аспазій нашихъ благородныхъ
 Провозглашаетъ только спесь.
 Альбомъ красавицы уѣздной,
 Альбомъ домашній и просной,
 Милѣй болѣе личною любезной
 И безыскусной пестроюю.
 Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
 Являясь впрочемъ не хочу;
 Но швей альбомъ другое дѣло,
 Охотно даю ему плачу.
 Тобой нищомцамъ Аполлона
 Не изъ нищеславы оны открывать;
 Царицѣ ны любишь Ремикона
 И ими самъ не позабышь
 Вхожу въ него прямымъ пономѣмъ,
 Какъ въ дружескій, пріятный домъ,
 Почтивъ хозяина пріемномъ
 И Ларь молниеннымъ спихомъ.

А. П.

* *

НА ПЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ пѣжныхъ
 Ловлю я жадно каждый крикъ:
 Спращивай безумныхъ и мшечныхъ
 Какъ умощелень языкъ!
 Но прекрати свои рассказы,
 Тамъ въ себѣ свои мечны:
 Боюсь ихъ пламенной заразы,
 Боюсь узнать, что знала ты!

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

Слова шучи надо мною
 Собралися въ нищину,
 Рокъ зависшавый бѣдою
 Угрожаешь слова мнѣ...
 Сохраню ль къ судьбѣ презрѣно,
 Понесу ль навсирѣчу ей
 Непреклонное шерпѣце
 Гордой юности моей?

Шапкой жизнью утомленный,
 Равнодушно бури яду:
 Можешь быть, еще спасенный,
 Снова признань я найду...
 Но предчувствую разлуку,
 Непобедимый, грозный часъ,
 Сжалься швою, мой ангелъ, руку
 И сплещу въ послѣдній разъ.

Ангелъ крошкѣй, безмятежный,
 Тихо молви мнѣ: *прости*,
 Опечалься: взоръ свой нежный
 Подыми или опусти;
 И швое воспоминанье
 Заблещицъ душъ моей
 Славу, гордость, упованье
 И опвагу юныхъ дней.

★ ★

ГОРОДЪ ПЫШНЫЙ.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, сиротинный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и граница, —
Все же мнѣ вѣсь жаль немножко,
Поному что здѣсь порой
Ходитъ маленькая попка,
Вѣщся локопъ золоной.

* *

БАРОНУ А. А. ДЕЛЪВИГУ.

Нынѣ дѣл — иное дѣло!
Бывало, поминешь ны, Баронъ,
Самонадѣнно и само
Я посвящаю нашъ Гемиконъ:
Молва стихихи мои хвалила,

Щипкой жизнью упоженный,
Равнодушно бури яду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова признанъ я найду . . .
Но предчувствую разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать швою, мой ангелъ, руку
Я сплшу въ послѣднй разъ.

Ангелъ крошкй, безмятежный,
Тихо молви мнѣ: *прости*,
Опечалься: взоръ свой нѣжный
Подыми или опусти;
И швое воспоминаше
Замѣнишь души моей
Славу, гордосшь, уповаше
И онвагу юныхъ дней.

★ ★

ГОРОДЪ ПЫШНЫЙ.

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, спротивный видъ,
Сводъ небесъ зелено-блѣдный,
Скука, холодъ и граница, —
Все же мнѣ вась жаль немножко,
Поэтому что здѣсь порой
Ходить маленькая попка,
Вышла доконя золоной.

* *

БАРОНУ А. А. ДЕЛЬВИГУ.

Ныне дашъ — иное дѣло!
Бывало, поминишь ны, Баронъ,
Самонадѣнно и само
Я посвящать нашъ Гемиконъ:
Молва стихии мои хвалила,

Я неприщорно вѣрилъ ей,
 И поэтическая сила
 Огнемъ могущесивеннымъ била
 Изъ глубины души моей!
 А нынѣ? — міру вдохновеній
 Далеко - недоснупень я:
 На лонѣ скуки, сна и лѣни
 Томился молодоснъ мой!
 Моей каменнъ сынъ ослушннй,
 И чуждѣ возвышенннхъ шрудовъ,
 Пугаснъ ихъ — и равнодушно
 Глжу на воприще сннхвовъ.
 Блаженъ, кто имъ не соблазннлся!
 Блаженъ, кто онъ его суенъ,
 Его опасносней и бѣдъ.
 Ушелъ въ себя — и намъ остана!
 Завидна слава благоданъ,
 Привѣнъ завиданъ многондннй!
 Но часно ль тей наградой чудной
 Ласкаюнъ насъ? И по сказанъ:
 Непроходимо-безпокойно
 Служенъ Обсу въ наши дни:
 Въ раздолы буйной шолконни,
 Кричанъ, брананъ неприснойно
 Жрецы поэзіи сванной.
 Такъ точно праздничной порой,
 Кишинъ шорговля площадная;

Такъ говорливо въоружитъ ей
 Разноголосица живая
 Сипарухъ, индеекъ и гусей!
 Тудаль души честномобивой
 Чесныя плоды свидѣнныхъ думъ?
 Да увлекутъ они счастье живо
 Проснонародный крикъ и шумъ!
 А ны, прихвостница маданповъ
 И повшальница снуховъ,
 Толпа словесныхъ дурь и франтовъ —
 Цензурованныхъ елушцовъ:
 Не ны ль на подвигъ право славной
 Пошла-тоношу зовешь
 И вдругъ рукой самоуправной
 Тво же спавишь на правезь?
 Не ны ль въ судью и господина
 Дашь Парнассу кой-кого,
 И долго, долго пивой дыпина,
 Прищурись, смотришь на него?

 Боить шакъ-то нынѣ обласпъ Феба
 Мнѣ представляешь, Баронъ.
 Ты мирно скажешь: сонно сонъ —
 Даръ пельнующаго неба;
 Онъ легкимъ лёшомъ пролецишь!
 Такъ иногда въ жару недуга,
 Спрадалецъ сердниши на друга

И здушевного бранить! »
 Ну такъ, Баронъ. Пошлю въ богу
 Послать усердную свѣту,
 Да вновь на прежнюю дорогу
 Мои шруды поворожу,
 Да слова пѣсню сладкогласной
 И возвѣщу, что я пошлю —
 И оправдается прекрасно
 Мне вдохновенный швой привѣтъ!

Языковъ.

Г Б М А.

(Изъ Лорда Байрона).

Сонъ дивный посѣнилъ меня!
 Не сонъ мое видѣнье было...
 Я зрѣлъ: исчезло дня свѣтло
 И звѣзды, лишены огня,
 По волю въ небесахъ блуждали,
 И мѣсяца лучи пропали;
 Земля оснывала, одна
 Писма шмой обнаружена.
 Разсѣяна часть своей шредою
 И наснулатъ — и пролетѣтъ:

Но солнца лучъ ужъ не игралъ
 Надъ омраченною землею! . .
 Не спало пламени спрасшей:
 Ихъ погасили въ страхѣ люди!
 Желанье солнечныхъ лучей
 Одно всемъ волновало груди...
 Тогда, чѣмъ насладишься днѣмъ,
 Веселья кровь и кровь печали
 И шло и хлынула всѣмъ
 Неугасимымъ костромъ! . . .
 И люди шумными толпами
 Лезли къ свѣдлому сполну:
 Не мильхъ сердцу — по шолу
 Хоть разъ еще обнять очами! . . .
 И жили все сыны земли
 Одной надеждою, шоскою;
 Лѣса дремуче зажгли —
 И разливался огонь рѣкою.
 Но быстро шемные лѣса
 Въ холодный пепель превращались;
 Пни съ шрескомъ гасли, небеса
 Вновь вѣчной шилью одѣвались! . . .
 Кой-гдѣ испуганныхъ людей,
 Ошъ бѣска гаснущихъ огней
 Какъ будно молнией озарило...
 Тогда просперная рыдала,
 И лишь порой являлся взоръ

Въ лицѣ съ улыбкой принужденной!
 Всѣ пренекали, что въ коспѣрь
 Не гасъ, ошчашьемъ возлещный!..
 Кой-гдѣ шолпа, поднявъ чело,
 Съ шоскою нѣ-небо взирава,
 Кошорое, какъ покрывало,
 На мершвѣй шрутъ земли легло;
 И шлоа въ прахъ всѣ повергались,
 Урема хулоо на Творца!..
 И зверш болъ не скрывались
 Ошгъ челошвѣяго лица;
 И крики шшщцѣ, и змѣй шшщенье,
 Сшщались съ клшщками людей;
 Но шшщшшщлось жало змѣй —
 Ихъ люди бшщли на съдѣше!..
 На шшщгъ замолкшщшй брани гласъ
 Тогда ршщдался съ новой силой:
 Повсюду кровь одна лшщлась
 И кровь одна людей пошла!..
 И всѣмъ, что сила взашщш могла,
 Тѣмъ вдлщщась она шшщщщлась.
 Любовь забшщщца: вся земля
 Къ безслашщшной смершщш приближалась!
 И зубы шшщовъ по черешамъ
 Обезображеннымъ скользшщли;
 И бшщлю шшщкому кошшщамъ
 Разбросшщнымъ шшщрышщш могилы...

Тогда, злобилъ дѣшею льсовъ,
 Забывъ знакомый прежде зовъ,
 Бросался несть на господина
 Остался вѣреть лишь единый:
 Онъ хладный шрупъ не осмиваятъ...
 Но члены пса оцѣнешан —
 И умирая, лобызая
 Онъ даять, ласкавшую досель!..

Все смерти сильная рука
 Съ земли убитой испребила.
 Лишь два смерщельные врага
 Спасла невидимая сила!...
 Они сошлись у алгара,
 На коемъ жершвы дошавали;
 Они, надеждою горя,
 Руками пещель разрывали,
 Возобновшнсь спарались пылъ
 Одепѣльными уснами;
 Вдругъ гламень яркими спруми
 Обоихъ лица озарила:
 Ихъ взоры за огнемъ блуждали;
 Вдругъ въ вышней сошлись они —
 И ужасомъ пораженны,
 Враги на пещель жершвы пали!..
 Оспронѣвая земли
 Въ хаосъ единый обратилась;

Не спало времени — и мгла
 Со смертию соединилась...
 И океана глубины
 Не бунтовали непогоды:
 Въ шумань гусной погребены,
 Его на вккъ зашикли воды.
 Ушлаа мачта съ корабля
 Не пробудила волнъ въ падены.
 Вихрь ошмлял — и вся земля
 Печалью носила разрушеня! ..

Ромцевъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОВѢСТИ:
КАПИТАНЪ ХРАБРОВЪ.

Г л а в а II. (*)

Капитанъ, можетъ быть, дивится,
Что я такъ свидѣць и учень;
Но я всегда любилъ учиться
И мой полковникъ, графъ Валпронъ,
Саксонецъ, Гете обожатель,
Былъ мой наставникъ и пріятель;

(*) Въ первой главѣ капитанъ Храбровъ рассказываетъ, какъ онъ, на пути въ деревню, попался было къ разбойникамъ и выспрѣдаль въ одного изъ нихъ; какъ встрѣтился съ другомъ своимъ Валентиномъ, который извѣстилъ его, что разбойники переловлены; какъ наконецъ, пріѣхавъ къ матери своей, увидѣлъ тамъ воспитанницу ея Наташу и влюбился въ нее.

Онъ кодушковъ, чершей любить
 И признаюсь, ему въ угоду,
 И принять новую методу;
 Расина прагма бранить,
 Не смѣвъ Вольтера звать поэтомъ,
 А восхищаясь я Гамлетомъ
 И Фауста переводить.

Мнѣ нужно было ошесупленье;
 Читайтедо и доказать,
 Что службы долтъ мнѣ не мешать
 Любить и книги и учеье.
 Теперь къ Цанши я своей
 Въ восторгъ сердца обращаюсь;
 Вотъ мѣсяць, какъ въ деревнѣ съ ней
 Живу и жизнью наслаждаюсь.
 Хоть снегъ порхае по полямъ,
 Мы съ нею рѣвима, гулема,
 При манушкѣ, по вечерамъ
 Романы, повѣсти читаемъ;
 Сиврушка дремлетъ, и для насъ
 Тѣмъ лучше; пишу и разъ
 У милой руку поцѣлую;
 Она въ невинности своей
 Твердитъ, что я любезенъ ей;
 Я веселъ, счастливъ, шоржествую!
 Ахъ! безъ любви пущыня свѣтъ!

Однажды упрямъ, мнѣ пакости
 Приносить съ почты; я читаю :
 « Мой другъ ! тебя уведомляю,
 « Чшо шарыка ты не убилъ :
 « Ему ты руку раздробилъ ;
 « Онъ раненъ, но въ живыхъ остался.
 « Во многомъ, къ счастью, признался,
 « И я въ Сарановъ буду съ нимъ.
 « Съ тобой, поварницею моею,
 « Увлечусь къ радости сердечной
 « Твой другъ неизмѣрной, вѣчной

Валентинъ.

Я доброй манерою моею
 Прочелъ пришелъ посланье ;—
 « Исполни Богъ мое желанье ! »
 Она сказала : « можешь ей
 « Онъ и женихъ. Не правдаль, милая ?
 « Стыраешься будешь всею силой,
 « Чшобъ онъ Нанашу помобилъ !
 « Онъ не богачъ, я это знаю,
 « Но честень, говоривъ, и милъ ;
 « А честность и предпочитаю
 « Богачеству и чинать большимъ. » —
 Я былъ въ смущеннѣ, недвижимъ,
 И не сказалъ въ отвѣтъ ни слова ;
 А милая была готова

Запаканъ ошь пакихъ речей.

Но къ счастью, капитанъ-исправникъ

Великй красобай, забавникъ

На дворъ капить съ женой своей,

Большой охотницей до чашекъ,

Циномницей мадамъ Жарни. —

« Скорѣ чай и варены, »

Кричитъ старушка, « вонъ они : —

« А! Петръ Фомичъ, прошу садиться,

« Аксины Павловы, ко мнѣ!

« Поблизке, только не чинился.

« Давно мы въ здѣшной сторонѣ

« Росней любезныхъ не видамъ.

« Прошу Парвена полюбить,

« Надеюсь, вы о немъ слышали;

« Онь ошущаетъ со мной пожить;

« Господь спаруху ушбавитъ!»

И Петръ Фомичъ меня пощачъ

Съ восторгомъ къ сердцу прижимаетъ;

Жена ушниво приседаетъ;

« Моисей Храбровъ! мы ждемъ вась

« Съ большимъ, повѣрше, нетерпѣемъ;

« Я слышала, что вы пошгъ:

« Сказанше, правда или шбгъ?

« Я очень занимаюсь чашемъ,

« И романтизмъ меня пѣнилъ!

« Недавно Дарина Татьяна

« Мнѣ подарила Калибана;
 « Ахъ! какъ онъ интересенъ, милъ!
 « Заиры, Федры, Андромахи,
 « Не въ модѣ болѣе у насъ;
 « О шить и наши алмазачи
 « Съ презрѣньемъ говорятъ подъ часъ. »

— « Что, какво, » Фомитъ вскричалъ,
 « Умомъ хозяйка щеголецы?
 « Недѣлю каждую журналъ
 « Она не даромъ получаетъ.
 « Языкъ французскій ей знакомъ,
 « И розовый ея альбомъ
 « Наполненъ разными стихами
 « Рисунками и вензелами. »
 Но вотъ Пашанъ за столомъ
 Чай ароматный разливаешь,
 Франтиха съ головы снимаешь,
 Московскій щегольской беретъ;
 « Подобнаго въ уездѣ нѣтъ, »
 Она съ улыбкою сказала:
 « Мадамъ де-Буръ идетъ всякой годъ,
 « Мнѣ кучу иностранной моды,
 « Но дорога несносно спала;
 « А съ ней расстанься не могу
 « Въ большомъ я живу кругу. »

Чай опилили, и почесать
 Оспались гости дорогие,
 Ихъ должно было удержанъ;
 Проводы осенью дурные,
 И Петръ Фомичъ, исправникъ нашъ,
 Хотьъ должностно дивненько правилъ,
 Мосновъ же вовсе не исправилъ,
 Свой наблюдаетъ *авантюжъ*
 Намъ прибыль, говоря по-русски;
 Чинобъ мнѣ онъ рюмъ не ошечилъ,
 Одно словечко написалъ
 Осмѣлился я по-французски.

Ты смѣлость не почитай виной,
 Чинашель благосклонный мой.

В. Пушкинъ.

★ ★

НЕ ПОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНѢ.

Не пой, красавица, при мнѣ
 Ты пѣсень Грузии печальной:
 Напоминають мнѣ оны
 Другую жизнь и берегъ дальной.

Увы! напоминають мнѣ
 Твои жестокіе наѣвы
 И снѣгъ, и ночь — и при лунѣ
 Черны далекой, бѣдной дѣвы...

Я призракъ милый, роковой
 Тебя увидѣвъ, забываю;
 Но ны поешь — и предо мной
 Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мнѣ
 Ты пѣсень Грузии печальной:
 Напоминають мнѣ оны
 Другую жизнь и берегъ дальной.

А. П.

ПУШКИ И ПАРУСА.

Б л а с н я .

На корабль у Пушекъ съ Парусами
Возслала страшная вражда.
Вонъ Пушки, выплывши изъ люковъ вонъ носами,
Ропшамъ пакъ предъ небесами:
« О боги ! видано ль когда,
Что бы ничинодвое, холщинное плорепье
Равнялись въ пользахъ намъ имѣло дерзновенье ?
Что дѣлають они во весь нашъ трудный путь ?
Лишь только въперъ снаниеть дутьъ,
Они, надувъ свѣсиво грудь,
Какъ будно равнаго намъ сану,
Песунся гоголемъ по океану ;
И только чваняши. А мы громимъ въ бонхъ ;
Не нами ль царснвуетъ корабль нашъ на моряхъ ?
Не мы ль съ собой несемъ повсюду смерть и страхъ ?
Ншъ ! не хотимъ жизни болъ съ Парусами :

Со всеми мы безъ нихъ управимся и сами.
 Лени же, помоги, могучий намъ Борей
 И изорви въ клочки ихъ поскорѣй, и
 Борей послушался: ленишь — дохнулъ — и вскорѣ
 Насушилось и почернѣло море;
 Покрылись шучами густыми небеса,
 Балы вздымаются и рушатся, какъ горы;
 Уромъ оглушаешь слухъ, слѣпишь блескъ молній
 взоры;

Борей ревешь и рвешь въ доскуныя Паруса —
 Не спало ихъ. Межь швъмъ бушуетъ непогода.

Но что жь? — корабль безъ Парусовъ
 Игрушкой сдѣлался и въ шровъ и валовъ
 И въ моръ носится, какъ вилай колода;

А въ первой встрѣчъ со врагомъ,
 Конторый вдоль его всѣмъ боршомъ спрашно гря-
 нулъ,
 Корабль мой, недвижимъ, спалъ скоро рѣшетомъ,
 И съ Пушками какъ ключъ онъ ко дну кануль.

Держава всякая сильна,
 Когда успроены въ ней все премудро части:
 Оружіемъ врагамъ она грозна,
 А паруса — гражданскія въ ней власти.

И. Крыловъ.

НЕЧАЯННАЯ ВСТРѢЧА.

Полуразсѣянный и злой,
Съ примѣной бѣшенства во взорѣ,
Внезапно, въ шевномъ корридорѣ,
Вчера и встрѣтился съ тобой.
Ты испугалась, какъ Наида,
Когда явился Фавнъ предъ ней —
И въ прененной рукѣ швоей
Дрожала яркая лампада.
Не ошывчал мнѣ, швъ вдругъ
Сокрылась съ легкостью воздушной,
И признаюсь, на швоей изгугъ
Я самъ гаддѣль не равнодушно...
Перенугались оба мы :
Какъ будто въ высочѣ зорной
Внезапно встрѣшили духа шемы
Посланникъ неба — ангель мирной.

А. Крюковъ.

М О Р Е.

Безмолвное море, лазурное море,
 Стою очарованъ надъ бездной пучою.
 Ты живо! ты дышишь! смященной любовью,
 Тревожною думой наполнено ты!
 Безмолвное море, лазурное море,
 Отверой мнѣ глубокую тайну твою:
 Что движетъ твою необъятную лоно?
 Чѣмъ дышитъ твоя напряженная грудь?
 Чѣмъ пенится небо изъ земныхъ неволн
 Далекое, свѣтлое небо къ себѣ?
 Таинственной, сладостной полное жизни,
 Ты числишь въ присутствіи числомъ его;
 Ты льешься его свѣтлозвонной лазурью,
 Вечернимъ и утреннимъ свѣтомъ горишь,
 Ласкаешь его облака золотыя
 И радостно блестя звѣздами его.
 Когда же собираются темныя тучи
 Прекрасное небо опнишь у себя —
 Ты бьешься, ты воешь, ты волны подьемаешь;

Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу...
 И мгла исчезаетъ и шуми уходитъ ;
 Но поэма прошлой тревоги своей ,
 Ты долго вздымаешь изнуренны волны ,
 И सदосный блескъ возвращенныхъ небесъ
 Не волея упрямый миръ возвращенъ :
 Облачишь швоей неподвижности видъ !
 Ты въ бездн покойной скрываешь смущеня ,
 Ты , небожь любуясь , дрожишь за него .

В. Жуковский.

ТАИНА РОЗЫ.

(Подражанiе арабскому).

Дому клошится берёза
 Свежей зеленью вѣшвей ;
 Одинокая подъ ней
 Рдѣетъ царственная роза ,
 Яркимъ пламенемъ дыша ,
 Близъ лилеи бѣлоснѣжной —
 Но милѣ запахъ пѣкный , —
 Розы сладкая душа !

Дочь павлиньего Маа
 И садомъ краса маадаа,
 Роза, гдѣ твои друзья?
 Ты любовь и радость свѣла,
 Дѣвъ сестра и другъ поэта,
 И невѣсна соловья!

Не земныя блещутъ слезы
 На лавинахъ милой розы!
 « Роза, говоришь, грустна!
 Роза плачетъ, что она
 Можетъ цвѣсть лишь однократно;
 Что въ минушу оцвѣтла,
 Твѣтъ бѣдное дѣла,
 Здѣсь погибнетъ невозвратно!
 Цвѣтъ волшебной красоны
 Люди хладно обрываютъ;
 Но изсохше листья
 Запахъ розы сохраняютъ, —
 Добродѣтель красныхъ дней :
 Такъ по смерти дѣвы милой,
 Вспоминанье объ ней
 Сладко дышетъ надъ могилой! »

Другъ мой, роза не грустна!
 Ты не знаешь тайны розы!

Роза гибнуть не должна
Не возираю: либь слезы —
Манна, съ неба пища ей,
Чистый нектаръ и веселье,
И, на упрѣ свѣтлыхъ дней,
Юной розы ожерелье!
Розы смерть есть лучшій свѣтъ:
Двойою будетъ милая цвѣтъ!...
Два розу обрываетъ,
Ангель съ двѣхъ жизни снимаетъ;
Всѣ оны — душа одна!
Возрождается она
Въ благороднѣйшемъ предметѣ:
Роза, два, ангель — въ свѣтъ,
Общей цвѣти три звѣта!

Баронъ Розенъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ШИМЕРОВОИ
ТРАГЕДІИ: ДОНЪ КАРЛОСЪ (*).

—*—

Д Ъ Й С Т В І Е I.

Я в л е н і е I.

ДОНЪ КАРЛОСЪ и ДОМИНГО (*Духовникъ Ко-
роля*).

Д О М И Н Г О.

Конецъ прекраснымъ днѣмъ въ Араужуецѣ!

Не веселѣ вы оставите его.

Здѣсь было нищетно наше пребыванье.

Первыише, Принцъ, безмолвіе сіе,

Роднелюю откройте ваше сердце.

Всего дорожо для него

Спокойствіе единственнаго сына. —

(*) Трагедія сія переведена вполне и вскорѣ будетъ,
можетъ быть, представлена.

Роза гибнуть не должна
 Не возираюно: знь слёзы —
 Манна, съ неба пища ей,
 Чистый нектаръ и веселье,
 И, на утръ свѣтлыхъ дней,
 Юной розы ожерелье!
 Розы смерть есть лучший свѣтъ:
 Дѣвой будетъ милая цвѣтъ!...
 Дѣва розу обрываетъ,
 Ангель съ дѣвы жизнь снимаетъ;
 Въ оны — душа обѣа!
 Возрождается она
 Въ благороднѣйшемъ предметѣ:
 Роза, дѣва, ангель — въ свѣтъ,
 Общей цѣны три звѣна!

Барокъ Розень.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ШИМЛЕРОВОИ
ТРАГЕДІИ: ДОНЪ КАРЛОСЪ (*).

—*—

Д Ъ Й С Т В І Е I.

Я В Л Е Н І Е I.

ДОНЪ КАРЛОСЪ И ДОМИНГО (*Духовникъ Ко-
роля*).

Д О М И Н Г О.

Конечъ прекраснымъ днѣмъ въ Араужуецъ!

Не веселѣ вы оставите его.

Здѣсь было нищезно наше пребыванье.

Первише, Принцъ, безмолвію сіе,

Роднелю оилкройше ваше сердце.

Всего дорожо для него

Спокойствіе единственнаго сына. —

(*) Трагедія сія переведена вполне и скороъ буденъ,
моженъ бытъ, представлена.

КАРЛОСЪ (одульвается).

Святой отецъ, мнѣ въ мамеряхъ нѣтъ счастья!
Гдѣ я свѣтъ узрѣлъ — мой первый подвигъ былъ
Убийство манери. —

ДОМИНГО.

Возможно ль, чинюль упрекъ сей
Могъ вашу совѣсть стягозить?

КАРЛОСЪ.

Вторая мать мнѣ сполна любви
Отеческой — меня едва любилъ родителъ —
И всѣ достоинства мои
Лишь были въ томъ, что былъ единокровный.
Теперь дочь ея рождена.
Милѣе ли, что кроется въ градуземъ!

ДОМИНГО.

Вы издѣваетесь, Донъ Карлосъ, надомною
Коль вся Испанія ее богошворитъ,
Лишь вы нишае къ ней злобу?
Вы равнодушны, Принцъ, къ прелестнѣйшей изъ
женъ,
И къ Королевѣ и къ невестѣ прежней.
Возможно ли? о нѣтъ! что любятъ всѣ,
Ониъ Инфантъ не можетъ ненавидѣть;

Противорѣчить такъ Инфантъ себѣ не будить.
 Осерегайтесь, чинъ бѣ она
 Не свидѣла о неприязни сына:
 И вѣстие оторчишь ее.

КАРЛОСЪ.

Ея думаете?

ДОМИНГО.

Принцъ, коль вы
 Припомните турниръ послѣдній въ Сарагосѣ,
 Король гдѣ раненъ былъ слегка.

Среди придворныхъ дамъ глѣдѣла Королева
 Съ дворцоваго балкона на турниръ.

Незавно все пришло въ смятенье:

« Онь раненъ! » вдругъ раздася крикъ, —
 И въ службѣ ей примчался смущенный шопонъ.

« Кто раненъ? Принцъ? » воскликнула она

И ркнуться хотѣла за перилы.

« Шипъ, самъ Король, » — была ей отвѣтъ —

« Ну, такъ поспѣшите за врачами, »

Оправаса, прѣмошла она.

Вы въ размыслены?

КАРЛОСЪ.

Удивилась,

Что Король забавный духовникъ

Такъ опыненъ въ разсказахъ оспроумныхъ.

(иригато).

Но я слышалъ, что искони
 Подспереканели и езровы и движенья,
 Разнощники псорій въ мѣръ семъ,
 Зловредые, чѣмъ лдъ и снѣмъ убійцы.
 Напрасенъ прудъ, свяной опецъ!
 Коль вы желаете награды,
 Идице къ Королю.

Д о м и н г о.

Весьма умно,
 Что вы съ людьми такъ оснорожны;
 Но различайте, Принцъ,
 Не ошибайте съ лицемѣромъ друга;
 По совѣсти я вамъ желаю благъ.

К а р л о с ъ.

Не дайце же сего замѣнить Королю,
 А по вамъ бытъ безъ кардинальской шапки.

Д о м и н г о.

Какъ! Принцъ...

К а р л о с ъ.

Не обѣщаль ли онъ
 Вамъ первой шапки Кардинала,
 Какъ раздавать прійденъ Испаніи чреда.

Д о м и н г о.

Вы, Принцъ, свѣтеся надо мною.

КАРЛОСЪ.

Изволи Богъ смѣяться надъ нами!

ДОМИНГО.

Испрашивъ, я нѣмо не дерзну
 Прощипнуть тайну вамъ и трусости;
 Но Вашему Высочеству скажу,
 Чию робкой совѣсти приближиде естъ церковь,
 Куда Монархамъ нѣшь клока;
 Где подъ печатно сваньни
 И пресужденна сокровища наскрда,
 Показно вамъ — и я сказаль довольно.

КАРЛОСЪ.

О вѣсть, того не будеть никогда,
 Чинобъ исповѣдника привель я еь искушение.

ДОМИНГО.

Испрашивъ, снмъ недоверемь...
 Вы опровергаете вѣрнѣшаго нѣь слугъ.

КАРЛОСЪ. *(береть его за
 руку).*

Не лучше ль вамъ меня оставишь.
 Вы мужъ сванной и есь согласны къ шомъ;
 Безъ тайнъ моихъ у васъ довольно дѣла.
 Скажу, сванной ошець, емь на прамикъ:

Не близокъ пушь до папскаго престола —
 Знашь лишнее вамъ право будешь въ Мигосшь..
 Такъ олъ меня скажише Королю ,
 Кошорый васъ послааь....

Д О М И Н Г О .

Меня ?

К А Р Л О С Ъ .

Такъ почмо.

О слишкомъ ясно, ясно вижу я ,
 Что окруженъ при семь дворъ измѣной ;
 Меня преслѣдуютъ сно глазь.
 Король Филиппъ единственнаго сына
 Наемникамъ велѣль подспереганъ ;
 За каждое уловенное слово
 Наемникамъ по-царски платишь онъ ,
 Какъ не платишь за подвиги благіе.
 И знаю все : ни слова мнѣ о шомъ !
 Кипишь мое встревоженное сердце —
 И безъ того довольно я сказаь.

Д О М И Н Г О .

Его Величество отправишь сегодня
 Въ Мадришь. Къ ошѣзду дворъ готовъ —
 И Ваиа Мигосшь.....

К а р л о с ъ .

И непременно

Немедленно послѣдовать за вами.

*(Долгинео уходитъ. Карлосъ, послѣ
нѣкотораго молчанія)*

Филиппъ! и ты достоинъ слезъ, какъ я!
Уже я вижу — ревности змѣя
Вкругъ сердца обвилась — и гибельная нѣцца
Тревожитъ мнительный твой умъ.
Но бѣшенство въ ты возпылаешь,
Коль плѣну спрашную узидешь!

Пл. Ободовскій.

*****

***

ПОСЛАНИЕ КЪ А. А. Б.

ПРИ ПОСЫЛКѢ ПОРТРЕТА.

На каждомъ вѣкъ оппечатиокт.
 Какихъ нибудь причудъ въ чеснѣи ;
 Одна снарѣшена, въ заднюю
 Сивннннъ другаа подростннн.
 Державнннъ, вѣку давъ заглавье,
 Сказавъ: *всесъ вѣкѣ сталъ бригадиръ.*
 Теперь заброшенъ на безславье
 Высокороднн кумиръ.
 И бригадирство не въ поминѣ ;
 Но въ свой чередъ мы скажемъ нынѣ :
 Лишнграфированъ весь мнръ.
 Теперь, кнн только ностъ нвѣстъ
 Посреди лица, шонъ сломъ
 Его прославленъ не робѣнъ,
 Хотя будь ностъ и не хорошъ.
 Не мудрено нунъ вывеснъ справку :
 Изоннн въ кандншерскую лавку ,

Иль въ лавку къ Сасину: кругомъ
 Всюль безсмерныя кандидаты,
 Кно съ шпатою, а кно съ перомъ,
 А кно и шакъ, изъ малой паны.
 То съекошнннй кандидатъ,
 Въ радяхъ безсмерныя рекрутъ волннй:
 На камнѣ, взыномъ на проканъ,
 Огъ камень свой краугодннй
 Во храмъ славы основать
 И въ лица безъ лица пональ.
 Какія дичныя загадки
 Археологомъ дальннхъ дней!
 И шѣ, чнѣ рожн опезанки
 Въ живомъ изданнн модей,
 Теперь благнмъ изобрѣшенемъ
 Въ свѣтъ издавы шнорымъ шншенемъ,
 Хотя и первое въ накладъ.
 Тѣмъ лучше! выдумкѣ я радъ.
 Въ нашъ вѣкъ народноснъ, повсемѣстноснъ,
 Молва и слава дешева;
 И на всемнрнзую извѣстноснъ
 Въ нашъ вѣкъ доступннѣ права.
 Бывало слава — монополия
 Не многнхъ лицъ, не многнхъ дѣлъ:
 Теперь мы дождалнсь раздолья
 И славу каждыи подемошрѣль.
 Вѣкъ аннографнй, пароходовъ,

Какъ сіице, *Записокъ* вѣкъ!
 Въ тебѣ и безъ большихъ расходовъ
 Дешевитися человекъ.
 Сосредоточилось все въ міръ,
 Вездѣ удобства и успѣхъ
 И жизнь, какъ дважды два четыре,
 Задача легкая для всѣхъ.
 Я радъ, что мнѣ судьбы велики
 Родившися въ выгодные дни,
 Когда желанья ближе къ цѣли
 И тайны счастья не въ пещи.
 Когда нѣтъ мръхъ людскими границамъ
 И масшеравно благодаря,
 Подъ свѣтъ не живописнымъ лицамъ,
 Лишиграфированъ и я.
 Вы мой порицанъ имѣли хожанте,
 Подарокъ энонъ въ прибыль мнѣ:
 Не въ памяти, такъ на снѣгъ
 Мой образъ дома утвердите.
 Цвѣтнть умью эту честь
 Умомъ и чувствомъ неприниорно,
 И своего лица покорно
 Снѣгу самъ жемчужаръ поднеснть.
 Мнѣ извинительно прещраснне
 Къ лишиграфическимъ трудамъ,
 Когда имѣнъ я буду счаснне
 Бынъ и заочно близокъ къ вамъ.

Въ вашъ кабинетъ сей даръ смиренный
 Немного блеска принесеть
 И вамъ на умъ вѣшь просвѣщенный
 Высокихъ думъ не навеситъ:
 Овъ чародѣйствомъ благосклоннымъ
 Не разщекочишь головы,
 Ни славы дымомъ благотоннымъ,
 Ни сладкимъ запахомъ мольвы.
 Шлять! эпитетъ лоскутокъ бумажный,
 Гдѣ личное мое клеймо,
 Будь вашъ хонь акшѣ и маловажный
 Или заемное письмо:
 Въ моегъ воспоминаннѣ иѣжномъ,
 Въ желаннѣ видѣннѣ, слышаннѣ васѣ,
 И въ уваженнѣ, съ дружбой смежномъ,
 Когда мнѣ въ дружбѣ не откажъ;
 А что сей вексель не обманчивъ,
 Порука вы: веселый нравъ,
 Вашъ взоръ, копорый такъ примащивъ,
 И умъ такъ запросно лукавъ.
 Все, что сказалъ велицемерно,
 Пущь подтвердитъ вамъ мой поририщъ,
 И я за скрѣпой сердца вслѣдъ
 Прибавлю: съ подлинникомъ вѣрно.

Ки. Взземскій.

СКУПОЙ И ОКУЛИСТЪ.

С к а з к а.

Не дай Богъ сдѣлаешься слѣпымъ!
Глаза беречь да и беречь намъ должно.
Случилось несчастіе со Скупымъ:
Ослѣпъ — и денежки ему лишь щипать можно;
А денегъ у него два полныхъ сундука:
Бумажки трехъ тысячъ и всѣ какъ съ молошка,
По сошнымъ, пылемакъ разложены имъ въ кинки;
(Нельзя взглянуть на нихъ безъ радостной улыбки!)
Мѣшочки съ золономъ и съ серебромъ мѣшки.
Какъ мѣшочникъ свои снитки,
Такъ точно скривъ мой любитъ свои монеты.
Простительно въ преклонны лѣны!
Бывало по ночамъ не спать;
Въ шомъ только находилъ одно лишь ушійше,
Что денежки считалъ
Въ уединеньѣ,
Пересчитавъ,

А иногда и цѣловать
 Въ сердечномъ восхищеніи.

Какъ больно для скупца управленье повсе зрѣнье!

День для него ночь, чинъ и ночь.

Вздая ему помочь

Искусный Окулистъ, однако же не даромъ :

Онъ шестому рублей, не больше запросилъ.

Шестъ зна громовымъ скунду была ударомъ :

Ужъ онъ молилъ его, молилъ ,

Ужъ торговался, торговался;

Но меньше пяти сонгъ стоить взашъ не соглашася ,

И наконецъ

Рышился мой слѣпецъ - скупецъ.

Вошъ Окулистъ къ слѣпному приважася ,

Передъ собой его сажася

И дѣло начинаея ;

Ему не въ первый было разъ :

Поль • операціи окончилъ онъ счастливо.

У скраги правый глазъ

Уже глядитъ , о диво!

Вскочилъ со стула онъ

И операшору поклоиъ :

« Благодарю!» — садитесь ;

« Опецъ мой! не прудитесь.»

— А какъ же ? а другой-то глазъ ? —

« Да право, совѣстно мнѣ безпокоить васъ.

При шомъ, признаться, больно;
 А глаза одного съ меня весьма довольно:
 Ужь мнѣ давно за шестьдесятъ!
 Вошь, бланшюшка, вамъ *давети пятьдесятъ!* »

А. Пзмайловъ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХО-
 ТВОРЕНІЯ.

1.

Какъ равноснпно ны самъ себя дурачишь!
 На хлопоты вставая до звѣзды,
 Какой нибудь да пакосньюзначишь
 Ты каждый день безъ цѣли, безъ нужды!
 Безсовѣстенъ и проснодуненъ вкупь,
 Презрѣніе и жалость ны родишь;
 Какъ за грѣхи, получишь ны уголь въ свупь
 И только чшо лице свое пымишь.

2.

Сшарашельно мы наблюдаемъ свѣтъ,
 Сшарашельно людей мы наблюдаемъ
 И чудеса постигнушь уповаемъ:

Какой же плодъ науки долгихъ лѣтъ ?
 Чшо наконецъ подсмопрятъ очи зорки ?
 Чшо наконецъ коймешъ надменный умъ
 На высонѣ всѣхъ опышовъ и думъ ?
 Чшо ? вичный смыслъ народной поговорки.

3.

Мой даръ убогъ и голосъ мой не громокъ ;
 Но я живу , и на земли мое
 Кому нибудь любезно быше !
 Въ стихахъ моихъ дилской мой попомокъ
 Аришь его : какъ знаше ! душа моя
 Окажеша съ душой его въ сношенъ ,
 И какъ прашель я друга въ поволянъ ,
 Чшашелья найду въ попомеша . а.

4.

Глуцы не чужды вдохновенья ;
 Имъ также пылкія мгновенья
 Оно какъ гениамъ даритъ :
 Стелая съ неба , всѣ расцвѣтенья
 Равно весна живошворитъ .
 Чшо жъ это сходство знаменуешъ ?
 Чшо имъ глупецъ приобришешъ ?
 Его капустною раздуешъ ,
 А лавромъ оны не разцвѣшешъ .

Не подражай: своеобразь гений
 И собственнымъ величьемъ вѣликъ;
 Дорашовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
 Досаждать нынѣ не любящъ повтореній.
 Съ Параллелью нѣбу одинъ законъ:
 Да не шворнишь себѣ кумира оны!
 Когда шеба, Мицкевнъ вдохновенный,
 Я заспало у Байроновыхъ ногъ,
 Я думаю: поклонникъ униженный!
 Возстань, возстань и вспомяни: самъ ны богъ!

Е. Баратынскій

ПРОРОЦАНІЕ ПЕРЕЯ

(Горацъ: ода 15, кн. 1.)

*Pastor quum traheret per freta
navibus etc.*

Когда съ Елепой свѣтлоюкой,
Цаснухъ прекрасный средь морей,
Свѣтитъ ошчигны въ край далёкой;
Тогда, завѣсть судьбы жестокой,
Такъ прорицалъ ему Перей:
« Смотри! вся Греція войною
« И аждой мценія кинитъ!
« Возстанешъ, ринешся на Трою
« И свѣны Трои сокрушишь.
« Дарданской кровлю обгрянеш
« Ковры опеческихъ полей;
« И коспи бранныя коней
« Съ коспами всадниковъ смѣсишь.

« Смотри! Паллада грозный мечь
 « Пришла изъ крѣпкую десницу!
 « Уже взошла на колесницу!...

« Не разсыпай на мраморъ плечь
 « Кудрей волной благоуханной!
 « Не облакай свой спань прямой
 « Въ хитишь, изъ пурпура сошпанный,
 « Не той любовь средь юныхъ дѣвъ;
 « О! скоро кликъ дружизны бранной
 « Прерветъ ихъ сладоспанный нагѣвъ.

« Тебя не скрость Цинерей
 « Опъ мышкнхъ спрѣвъ Идомея;
 « И скоро брызнетъ кровь твоя
 « На спаль Аякова коня!
 « Дарина сынъ — губишель Трои,
 « Ахила грознаго обрѣвъ;
 « Ты зришь ли, тамъ спей шель герои?
 « Тевкерь и Неспоръ, и Соснелъ,
 « Боець и дерзоспанный возница,
 « Чья неослабная десница
 « Смирнелъ яроспнхъ коней,
 « Дождешся ны безславныхъ дней,
 « Когда сынъ храбраго Тидея,
 « Неустрашнннн Дюмедъ,
 « Правдивымъ гнѣвомъ пламеннн
 « Помчннся за тобой востѣвъ.

« Предъ шить, ошь бѣга задыхаясь,
« Ты побѣдишь, повернуть щитьъ:
« Такъ серна оно пва бѣжитъ ,
« Въ леса дремучіе скрывался.

В. Вердеревскій.

Х О Р Ъ

Для выпуска воспитанницъ Императорскаго Харьковскаго Института (*).

3 или 4 голоса.

Подруги, скорбное прощанье
 И намъ досталось на удѣлъ:
 Какъ свидѣнье, какъ мечтанье
 Славный нашъ возрастъ пролетѣлъ!

(*) Хоръ сей былъ всенгоданнѣйше предназначенъ г-жею начальницею Императорскаго Харьковскаго Института А. Г. Липинскою, Блаженныя памяти Государыней Императрицею Маріею Феодоровною, и былъ удостоенъ леснаго для меня званія Ея Величества. Печтало его, какъ посильную дань мою памяти незабвенной и неулыбно оплакиваемой Покровишельницы сиротъ и младенцевъ; и въ воспоминаніе о семъ заведеніи, которое стараніями почтеннѣйшей начальницы, членовъ Институтскаго Совѣта и инспектора классовъ, Профессора П. П. Артемьевскаго-Гулака, доведено до возможнаго совершенства.

Проснишь... Жизненное море
 Уже принять готово насъ ;
 На немъ что встрѣнимъ? Счастье ль, горе?
 Лице судьбы безмолвнѣе насъ.

Г. Голосъ.

Но не безмолвнѣе голосъ сердца!
 Онъ грозно мнѣ благовѣститъ:
 Тамъ здѣсь призрѣть меня младенца,
 Меня и мамъ пріосѣнитъ,
 И наша Машеръ, наше счастье,
 Ограда спороны родной,
 Намъ будешь въ жизненномъ несчастьи
 Пуневодительной звездой.

Хоръ.

Свѣти, свѣти, звезда Россіи,
 Свѣти, безкровныхъ благодать!
 Пустьъ долго съ именемъ МАРТИ
 Мы будемъ радости сочешать.
 А ты, Свѣтлов Провидѣнье,
 Приемли моленію дѣтей:
 Она всѣхъ бѣдныхъ утѣшеніе,
 За нихъ воздаемъ будь Ей!

Б. Дельонгъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

—*—
Людской семьи не зная шаннь,
Зовешь ны браньями людей;
Будь такъ, но зашверди вѣрній,
Чино первородный браньъ былаъ Каинъ.

Кн. Вяземскій.

СТАНСЫ.

(Аннѣ Ивановнѣ Готовцовоѣ.)

—*—
Благоуханіемъ души
И прелеснью подобно розѣ,
И безъ поэзіи, и въ прозѣ,
Вы достоверно хороши.

Но мало было вамъ тревожить
Въ насъ вдохновительные сны:
Вы захоуляли ихъ умножить
Дарами счастливой весны.

Бы захошли примирить
Существовать съ воображеньемъ;
За вдохновенъ вдохновенемъ,
За пѣснй пѣснями плапншь.

Дается рѣдкому поэту
Быть поэтическимъ лицомъ:
Въ господной смонринъ сеппльбремъ,
Кипо чародѣй по кабинету.

Но въ васъ , любимицѣ наукъ,
Съ плодомъ цѣлнть свѣжій неразлученъ:
Съ улыбкой вашею созвученъ
И стихъ вашъ , сердца чистый звукъ.

Кн. Вяземскій.

А. С. П.

О Пушкинъ! слава нашихъ дней,
 Поэтъ, любимей небесами!
 Ты вѣкъ нашъ на зарѣ своей,
 Украсилъ дивными цѣнами:
 Кто выразитъ тебѣ сильный
 Природы блескъ и чувствъ сладость,
 Восторгъ любви и сердца радость,
 Тоску души и нѣтъ страстей?
 Кто не дивился вдохновеньямъ,
 Игривой юности мѣнамъ,
 Свободныхъ мыслей выраженъямъ,
 Кошорья ны предать намъ?
 Въ неподражаемой картинѣ
 Ты намъ Кавказъ изобразилъ
 И двѣ горы и нѣшь въ чужбинѣ,
 Черкесовъ жизнь въ родной доли
 Волшебной кистью оживилъ.
 Дворецъ и садъ Бахчи-сарая
 Фонтанъ любви, Грузинки мѣсть

Изъ край въ край не умолка
Гласить поэту слава вѣснѣ.
Одно . . . Но гдѣ же совершенство?
Въ дунѣ и солнцѣ наша есть! . . .

. . . . .
. . . . .

Несправедливъ твой приговоръ;
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы гению просинишь умѣемъ —
Молчанье выразишь укоръ.

А. Готовцова.

О Т В Ъ Т Ъ,

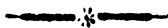

И недоверчиво и жадно
 Смотрю я на твои цѣвны.
 Кию, сиротій Спонецъ, примешь хладно
 Привѣтъ харинъ и красоны?
 Горжуся имъ, но и робью;
 Твой недосказанный упрекъ
 Я разгадаю вполнѣ не смѣю.
 Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
 О, сколько мукъ себѣ готовилъ
 Красавицъ въипренный Зонль,
 Когда преданельски злословилъ
 Сей полъ, которому служилъ!
 Люби безумствомъ и волшебьемъ
 Наказанъ былъ бы онъ; а ты
 Была всегда бы опроверженьемъ
 Его печальной клеветы.

А. Пушкинъ,

Р О М А Н С Ъ.

Одинокъ мѣсяць навѣтъ, зыблемъ нѣ шуманъ,
Одинокъ въздыхалъ вѣнзавъ на курганъ;

Свѣжикъ нравъ не щиналъ конь его унылой:
« Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемъ къ милой!

« Не къ добру грудь моя шижко въздыхаетъ,
« Не къ добру сердце мнѣ что-то предвѣщаетъ;

« Не къ добру безъ вѣды ны стоишь унылой!
« Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемъ къ милой!»

Конь вздрогнулъ и смалый вѣнзавъ возмущился,
Въ милый край, въ страшный край какъ сирота
пущился.

Ночь прошла, все снѣшло: видѣть храмъ съ дубровой,
Конь заржалъ, конь взвился надъ могилой новой.

Баронъ Дельвигъ.

Э П И Г Р А М М Ы.

—*—
1.

Неуспрашиваемый самозвалъ
Такъ намъ паинтъ и дуеиъ въ уши;
Послушай: бьешъ всехъ на повалъ,
Посмотряиъ: только бьешъ баклуши.

2.

Двумичеиъ оиъ! избави Боже!
Напрасно покленаъ глуица:
На злоиъ откровенной рожъ
Шьиъ и единого лица.

Кк. Взземскій.

КЪ Я.

Къ тебѣ сбирался и давно
Въ немецкой градѣ, побой возмѣный,
Съ побой попиши, какъ нѣмецъ поэмы,
Тобой поэтическое вино.
Ужъ зывалъ меня съ собою
Тобой возмѣнный Киселевъ,
И я съ веселою душою
Осмыслилъ быть совѣтъ гонимъ.
Невозможно нескать береговъ.
И что жь? Гербовныя забоны
Сквозняки за поля мѣня,
И на Невѣ, хощь нѣтъ охоты,
Прикованнымъ осмался я.
О юность, юность удали!
Могуль тебѣ не покальшь?
Въ долгахъ, бывало, умоная,
Занмодавцевъ убѣгая,
Гонимъ быть всюду я лѣнѣть.
Теперь докушо посѣщаю

Своихъ лѣнвыхъ должниковъ,
 Осшепенившись проклятою
 Я шажешь денегъ и годовъ.
 Проси, пѣвецъ: играй, пируй,
 Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй,
 Не знай сіячелаго чванства,
 Не знай любезныхъ должниковъ,
 И не плати своихъ долговъ,
 Но праву рускаго дворянства.

* *

КЪ КЛЕНУ.

(Подражаніе Парни.)

—*—

Слова любви, мой клень пустынный,
 Я на корѣ пивоей писалъ;
 Но вижу съ грустью, другъ старинный,
 Что мнѣ и ны невѣрнѣе спать.
 Зачѣмъ ны намани сохранишь
 О счастливы двухъ сердець молодыхъ?
 Ты ихъ еще соединишь,
 А время разлучило ихъ!

А. Крыловъ.

А. А. К — О П.

Молодой цыпочек дубровы,
Раздвигай въ швыи вшивей,
Гдѣ ни зной, ни хладъ суровый
Не вредитъ красѣ швоей;
Но ко мнѣ, въ сироту изгнавъ,
Въ мой печальный, дикій край,
Какъ привѣтъ воспоминавъ,
Запахъ сладкій навѣвай.

А. Крыловъ.

Б Ъ С Е Н О К Ъ .

Слыжаль я, добрые друзья,
Что наши прады въ печали
Бывало бѣса призывали:
Имъ подражаю въ эномъ я;
Но жажды къ злату не имѣи,
Къ себѣ не кличу Асмодея,

Кому пожеривовалъ душой
 За деньги древній Громобой.
 Узнайшо: масковой бесенокъ
 Меся младенцемъ навѣщаль
 И колыбель мою качаль,
 Подъ поцонъ легкихъ побасенокъ,
 Съ шѣхъ поръ я вышелъ изъ пеленокъ,
 Между мужами возмужалъ;
 Но для него еще ребенокъ.
 Случиши ль гореснь или бѣда,
 Или безончечно иногда
 Сгруснешя мнѣ съ моею кафуркѣ,
 Махну рукой: по снаришѣ
 На стромъ волкѣ, свиль-буркѣ
 Онъ мнѣгомъ явился ко мнѣ.
 Больному духу здравьемъ свиснешъ,
 Бобами думу разведешъ,
 Живою водою веселе всприснешъ,
 А горе мершвою замешъ.
 Когда въ задумчивомъ совѣшѣ
 Съ самимъ собой, пѣть-за угла,
 Глажу на свѣшъ, и видя въ свѣшѣ
 Свободу глазносни и зла,
 Добра и разума прижимку,
 Спираснями свергнушый законъ,
 Я слабымъ сердцемъ возмуцешъ, —
 Проворцо шанку невидимку

На жаръ земной забросить онъ,
 Или въ мгновеніе злыцы,
 Чудесной коврикъ-самолетъ
 Онъ подо мною развернетъ,
 И коврикъ ноше въ саду жаръ-пищцы,
 Въ черноту дивной Царь-дьяницы
 Меня по воздуху несетъ.
 Прощай владѣнье грустной быль,
 Меня смущавшее досель:
 И онъ твоей бездушнѣ пылѣ
 Уже за тридевять земель.

Баратынскій.

ПРОСТОВОЛОСАЯ ГОЛОВКА.

Простоволосая головка,
 Улыбнись лазурныхъ глазъ
 И своенравная уловка
 И блажь зашѣливыхъ проказъ;

Все въ ней шакъ молодо, шакъ живо,
 Такъ не похоже на другихъ,
 Такъ поэтически игриво,
 Какъ Пушкина веселый стихъ.

Пусть спесь губернской прозы презвой,
 Чинясь, коснется на нее:
 Поэзіей живою и рѣзвой
 Она всегда возмемъ свое.

Она пылится, она мудеснитъ,
 Играетъ жизнью; и шуна,
 Она влечетъ къ себѣ и бѣснитъ,
 Какъ своевольное дитя.

Она дитя, рѣзвушка, мальчикъ,
 Но мальчикъ, всѣмъ знакомый намъ,
 Котораго лукавый пальчикъ
 Грозитъ и смершнымъ и богамъ.

У нихъ во всемъ одинъ пріемы,
 Въ сердца играющъ за одно:
 Кому глаза ея знакомы,
 Того ужъ слезилъ онъ давно.

Ея игрушка *сердцеловка*,
 Поймаешь сердце и шеырцешъ:
 Просноволоосал головка
 Всѣхъ поголовно поберешъ!

Кн. Вяземскій.

ПОРТРЕТЪ.

Съ своей пылающей душой
Съ своими бурными спрасками,
О жены Севера, межъ вами
Она являешся порой,
И мимо всѣхъ условій свѣта,
Спрямитися до управы силъ,
Какъ беззаконная комета
Въ кругу развѣстелномъ свѣтила.

★ ★

ИРЛАНДСКАЯ МЕЛОДИЯ.

(Изъ Мура.)

When 'e' er I see those smiling eyes etc. etc.

Когда мнѣ свѣталися глаза, зеркало счастья,
Глядище на жизнь такъ радостно, свѣтло,
Какъ будно бѣ никогда подъ облакомъ несчастья
Низъ небо чистое заимнися не могло ;

Мнѣ грустно: думаю, что въ горь недалёкомъ
 Понухиунъ можетъ взоръ съ всеземемъ за-одно
 И сердце вольное забыть въ бореньи съ рокомъ,
 Что съ жизнью некогда играло и оно.

Такъ! время въ свой чередъ существенность прого-
 нить :

Въ надеждахъ недочетъ и недочетъ въ друзьяхъ,
 Любовь, но вѣдъ за ней, гдѣ некру ни заронитъ,
 Имъ пенеть шалюцій, навъ охлажденій прахъ.
 А юность съвѣдая, на сонцѣ жизни ясной
 Влещица, какъ снѣгъ не пропунный дождемъ,
 Когда въ слезахъ шоски управитъ блескъ прекрасной,
 Ужъ не выраетъ вновь померкнувшимъ огнемъ.

Ки. Вяземскій.

*****

ВЪ АЛББОМЪ П. А. О.

Быть можешь, ужь недолго мнѣ
 Въ изгнаньи мирномъ оснаваешься,
 Вздыхаешь о милой снаришь,
 И сельской музѣ въ тишинѣ
 Душой безпечной предаваешься;

Но къ въ дали, въ краю чужомъ
 Я буду мыслию всегдашней
 Бродишь Тригорскаго кругомъ,
 Въ лугахъ, у рѣки, надъ холмомъ,
 Въ саду подъ сѣнью липъ домашней.

Когда померкнешь ясный день,
 Одна изъ глубины могильной
 Такъ иногда въ родную сѣнь
 Ленишь поскользя шнѣнь,
 На милахъ бросаешь взоръ умильной,

А. Пушкинъ.

С Ц Е Н А

ИЗЪ ТРАГЕДІИ ШЕКСПИРА:
РОМЕО И ЮЛІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II, ЯВЛЕНІЕ 2.

Садъ Капулета.

Входитъ Ромео.

РОМЕО.

Кто раненъ не бывалъ, надъ язвами
Тотъ насмѣхается.

(Юлія показывается у окна.)

Но нища! Что

За снѣгъ внезапно здѣсь въ окнѣ блеснула?

То снѣгъ востока: Юлія естъ солнце. —

Взойди, о солнце красоты; зними

Сіяніе луны ревнивой; ты

Хоть только служишь ей, прекраснѣе

Уа, а при явосьи она явельна
 Ужь мушнсь досадою и блвдннень.
 Ошавь служенье ей; она ревннва;
 Ея двнчней цвнть одежды снннй,
 Вольной; его лншь на безумннхъ влднть, —
 Такъ, ошо Юдн, моя любовь!
 О, какъ ей въ шомъ ошкрннсь!
 Она промолвнть, а я нн звука
 Не понмаю. Все равно: сннь и въ гавать
 Ея лншь; нмъ буду ошвчнть. —
 Я сншькомъ дерзокъ; говорншь она
 Не лншь. Вонъ днъ изъ сншькъ аркнхъ звздъ
 За чъмъ-шо ошмучнсь съ неба, просннь
 Ея глаза до возвращенн
 Сншь въ нхъ сферахъ. Но когда бь ея
 Глаза явлнсь на небъ, а звзды
 У ней на лнчнхъ; шога ошъ блскн
 Ея лншь ошъ бы поблвднть,
 Какъ пламеннцкъ ошъ блска днн блвдннн;
 Тогда сншь аркн бы волны сншь
 Ошъ глазъ ея по воздуху горкнть,
 Чшо шннцы бь, дннь прнвлншнву, закнть. —
 Какъ на рукъ она покопнть теку!
 За чъмъ я не перчншка, чшо бы мнъ
 Коснушнсь щчкн!

Ю д н д.

Аль!

***

(196)

Р о м е о .

Сказала что-то.

О свѣтлый ангелъ, говори еще !
Сноя на высонѣ, всю эту ночь
Ты озираешь, какъ небесъ посланникъ,
Когда предъ изумленнымъ взоромъ смертныхъ,
Глаза въ него вперившихъ и недвижныхъ,
Онъ, разсѣкая облака въ ихъ широкъ
Теченя, въ лонѣ воздуха плывешь.

Ю л и я .

Ромео ! Ахъ, зачѣмъ Ромео ты !
Онсергини это имя, откажись
Отъ своего отца; иль, если ты
Того не хочешь, поклоняйся мнѣ
Любовью: я не буду Кануешь.

Р о м е о (въ сторону).

Еще ли слушаешь, иль отвѣщаешь мнѣ ?

Ю л и я .

Мой врагъ швое лишь имя. Переснишь
Бышь Моншигю, ты все же будешь ты.
Что это Моншигю ? и не рука,
И не нога, и не лице; не часъ
Какая человекъ. Ахъ, что имя !
Что розой мы зовемъ, и при другомъ

Названья также бы благоухало.
Такъ и Ромео: не зовись онъ больше
Ромео; и безъ имени сего
Свой онъ сохранялъ бы совершенства.
Ромео, откажись онъ имени;
Оно не чистъ тебя; а я тебѣ
За это имя всю себя даю.

Р О М Е О.

Не измѣнитъ же слову; назови
Меня своимъ; и я перекрещусь;
Не буду я Ромео никогда.

Ю л и я.

Ахъ, кно ты, похищитель тайнъ моихъ,
Укрывшійся въ ночи!

Р О М Е О.

Не знаю, какъ
Названъ себя, чинюбъ ты меня узналъ.
Мое мнѣ имя, ангель, независимо,
Занѣмъ, что для тебя оно есть имя
Врага.

Ю л и я.

Мой слухъ сна словъ еще не слышалъ,
Пронесенныхъ твоимъ голосомъ,
А я ужъ звуки узнаю его:
Не ты ль Ромео, Моншэго?

Р О М Е О.

Не шови.

И не другой, моя сестра, если
Ты не найдешь ихъ равно.

Ю л и я.

Скажи

Зачѣмъ и какъ пробрался ты сюда?
Снѣга высока: трудно перелѣзть.
Подумай, кто ты: смерть твоя здѣсь, если
Наъ родственниковъ кто-нибудь моихъ
Съ тобою встрѣтитесь.

Р О М Е О.

На легкихъ крыльяхъ.

Любви перелетѣлъ и черезъ снѣгу;
Препрадь каменной не удержишь
Ея любовь на все опирается,
Что можешь сдѣлать. Такъ и родственники
Твои основаны меня не могутъ.

Ю л и я.

Они убьютъ тебя, когда увидятъ.

Р О М Е О.

Ахъ, мнѣ твои глаза гораздо больше
Опасны, нежели въ двадцать шаговъ;
Лишь нѣжно ты взгляни: и не опасенъ
Мнѣ гибель ихъ.

Ю л и я.

Ня зачно бѣ я не хопѣла,
Чи побѣ здѣсь тебѣ увидѣли они.

Р о ж е о.

Огнь взоромъ ихъ я скрещу покроемъ ночь.
Но если ты меня не любишь, пусть
Они меня внезапно схватятъ: лучше
Огнь повиситъ ихъ ушраститъ мѣ.
Жизнь, неждана спасится безъ любви.

Ю л и я.

Кино проводите тебѣ на это мѣсто ?

Р о м е о.

Любовь: она, посылаетъ исканье, ссудила
Меня умомъ, а я ее глазами.
Не кормщикъ я; но будь въ инакой дали,
Какъ поить широкій берегъ, что влзы
Морей послѣднихъ омываютъ; я
На все пошелъ бы за инакимъ поваромъ.

Ю л и я.

Ты знаешь, ночь лице мнѣ заслонила
Своей личиною; не по бы щекъ
Девичьимъ рдѣлся свидѣомъ огнь словъ,
Тобой подслушанныхъ. О, мнѣ бѣ хопѣла!
Приличіе хранишь и опперенъ
Огнь словъ моихъ! Но, шакъ проситъ, рдѣнча!

Ты любишь ли меня? Я знаю, ты
 Мнѣ скажешь: да, и я повѣрю слову;
 Но если поклянешься, можешь, будешь
 Ты вѣроломнымъ: говоришь, Юлианертъ
 Надъ клятвами любовниковъ смѣется,
 О миленькой Ромео, если любишь,
 Скажи мнѣ искренно; или шибѣ
 Не кажешься ль, что скоро предашься я?
 Такъ дай наморщусь, пришеворюсь упрамой,
 Отверчу: *нѣтъ* — и будешь волочиться.
 Не по, клянусь, ни изъ какихъ блажь мира...
 Ну, право, милый Моншогю, я слышкомъ
 Шелка, и вѣтренной могу казаться.
 Но, самъ увидишь, я вѣрнѣ шѣхъ,
 Въ комъ больше хитросиши, кно болѣ
 Дичишь. Правда, я сама бѣ дичилась;
 Но ты подслушалъ у меня тайкомъ
 Любви признаніе; просни жъ меня,
 И слабости, ошкрытой мракомъ ночи,
 Не принимай за вѣтреную спрассь.

Р О М Е О.

Сей благоспной луной, осеребрившей
 Верхи деревь садовыхъ, я клянусь...

Ю Л И Я.

Ахъ, не клянись луной непосредной!
 Она, что мѣсяць, шо мѣняеть ликъ

Сяой круглый; ты любишь не спашени, такъ
Измѣнива.

Р О М Е О.

Такъ чѣмъ же?

Ю Л И Я.

Не клянись ;

А если хочешь, поклянись собою:

Ты божество мое ; шебѣ повѣрю.

Р О М Е О.

Когда любовь, души моей ошрада...

Ю Л И Я.

Ну, полно, не клянись. Хошь радоснь вся

Моя въ шебѣ, но я перадосино

Такой союзъ въ ночь лну заключю :

Онъ необдуматъ, опромешчивъ скоръ.

Какъ молнія ; а прежде, нежелит

Нашъ скажунъ *молнія*, она исчезнетъ. —

Просни, душа ! при вѣанитъ лъша,

Зародышь сей любви, когда онашь

Мы свидимся, ужь можентъ бышь прекраснымъ

Цѣлкомъ. Просни, просни ! пускай на сердце

Твое сойдетъ покой и тишина,

Какою грудь мой шецерь полна.

Р О М Е О.

Уже ль не наградивъ меня опшусшишь ?

Ю л и я.

Дуэль же наградишь, и съ эту ночь?

Р о м е о.

Бъ обменъ за клишвы клишвами любви.

Ю л и я.

Когда еще не переболашь ты; съ даръ

И принесла тебѣ любовь свою:

Зачѣмъ нельзя мнѣ вновь отдатьъ ее!

Р о м е о.

Уже ли ты обратно бъ взань ес

Хотѣла? Для чего же, милая!

Ю л и я.

Что бъ только щедростью баснуешь, съ даръ

Тебѣ жъ отдатьъ назадъ. Но я желаю

Того, что есть уже у меня: къ тебѣ

Доброжелательство мое безбрежно

Какъ море, такъ же и любовь моя

Неизчерпаема; чѣмъ болѣе

Тебѣ даю, тѣмъ болѣе остаеися;

Имъ нѣтъ конца. — Меня зовушь. — Проси!

(Коринтеянка кланетъ ее за кулисами.)

Сей часъ! — Будь вѣренъ, милый Монтегю.

Еще побудь мнѣ: я приду.

(Она уходитъ.)

РОМЕО.

О ночь блаженная! спросишь, что пою.
Теперь: шакъ обольщеннымъ и сладко
Все ваву, что бь въ сонъ не обранилось.

Ю л и я (опять у окна.)

Три слова, милый мой Ромео; посты
Просни совсѣмъ ужь. Ежели твои
Любовь чиста, и ны желешь брака,
Такъ запра и къ тебѣ зашла, а ны:
Назначь, когда и гдѣ свинной обрадъ.
Согласенъ выполнишь: и я поверну
Къ ногамъ твоимъ судьбу твою всю жизнь;
И за тобой пойду на край вселенной. —

(Кормилица за кулисами: Сударыня!)

Сей часъ. — Но если ны недоброе
Задумаъ, то прощу...

(Кормилица за кулисами. Сударыня!)

Сво минуу. —

Меня оставишь съ горестное собой.
Пошпру запра и къ тебѣ пришла

Р О М Е О.

Увиусь моей душою....

Ю л и я.

Доброй ночи! (она уходитъ.)

Р О М Е О.

Худой... когда твои не съвинишь очи. —
 Любовь лешингъ къ любви, какъ прочь онъ книжъ
 Школяръ; когда же ей наспаненъ мигъ
 Подвергнушь разлукъ съ шемъ, что мило,
 Какъ съ школу малычкь побреденъ уныло.

(Она медленно отходитъ.)

Ю л и я *(опять у окна).*

Ромео! — Ахъ, зачѣмъ мнѣ не данъ голосъ
 Соколычяго, сокола прикапканъ
 Любезнаго! Неволи голосъ слабъ;
 Онъ громко говоришь не можешь: да,
 Диче бь голосъ мой прервалъ занворы
 Тѣхъ скалъ, гдѣ нимфа Эхо сириналась,
 И шакъ плмучилъ бы ея горнанъ
 Воздушную, все повпоря имя
 Ромео, что она бы наконецъ
 Осипла, какъ и я.

Р О М Е О.

Меня зовешъ

Любезная. Какъ сладкая музыка,
 Серебряные звуки голоса
 Влюбленныхъ достигаютъ ночью слуха,
 Ихъ ждущаго.

(205)

Ю л и я.

Ромео!

Р о м е о.

Милая!

Ю л и я.

Из конюшны въ часу прислашь къ тебѣ
Поушну завтра?

Р о м е о.

Въ девять.

Ю л и я.

Непрѣменно.

Теперь до сей минуны двадцать лѣтъ. —
Забыва я, зачѣмъ тебя звала.

Р о м е о.

Такъ я останусь здѣсь, покуда вспомнишь.

Ю л и я.

Для этого я рада забыванью,
А шолько бы о томъ и думатьъ, какъ
Мнѣ весело съ тобой.

Р О М Е О.

А я хочу

Съ шбой осматреть, что бь шзбв заставишь.
 Все позабышь, и что бы самому мнѣ
 Забыть другое всякое жданице.

Ю Л И Я.

Ужь скоро утро. Мнѣ хотѣлось бы,
 Чтобъ ты ушелъ, да только бы не давши,
 Какъ ошь ребенка пинчикъ: ошь ее пускаешь
 Изъ рукъ попрыгавъ, шочно узника
 Несчастнаго въ дѣвкахъ; поцномъ ошави.
 Вдругъ шмаковникош причаеши: шакъ
 Шо любви минути жалко данъ
 Свободы ей.

Р О М Е О.

Дай Бошь, что бы я была
 Твоею пинчикой.

Ю Л И Я.

Милый другъ, и мнѣ
 Того бь хотѣлось; только ласками
 Тебя я задушила бы. Прости,
 Прости! Ешъ сладость въ горесни разлуки,
 И столь прощанія прѣжныи звуки,

Что же прости языкъ бы мой шептать,
Пока бы день небесь не озарять.

(Она уходитъ.)

Р О М Е О .

Пусть сонъ теперь твой покроетъ омъ,
А сердце миръ! Зачѣмъ порою ночь
Не сонъ и я не миръ, что бл. олочине
Такъ сладосно! . . .

* *

К О Н Е Ц Ъ .

12-1-1911
12-1-1911

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

WIDENER

UNIVERSITY OF TORONTO
JAN 7 2000
9 1978
LED

